

В. Н. Шкунов

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ
ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В XVIII–XIX ВЕКАХ**

Монография

**Ай Пи Эр Медиа
Саратов • 2018**

УДК 339.54
ББК 65.42
Ш67

Рецензенты:

Чуканов И. А. — доктор исторических наук, профессор (г. Ульяновск);
Петренко Н. И. — доктор юридических наук, профессор (г. Чебоксары)

Шкунов, В. Н.

Ш67 Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках [Электронный ресурс] : монография / В. Н. Шкунов. — Электрон. дан. и прогр. (6 Мб). — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. — 199 с.

ISBN 978-5-4486-0332-7

Монография посвящена особенностям государственно-правового регулирования внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Особое внимание уделено вопросам государственного регулирования внешнеторговых связей России с отдельными странами Европы и Азии, а также изменениям в государственных подходах к организации внешнеторговых отношений с зарубежными странами с учетом внешнеполитических ситуаций, модернизационных процессов в российской экономике и других факторов.

Настоящее издание предназначено исследователям истории внешней торговли России и зарубежных стран, докторантам, аспирантам, студентам, преподавателям вузов.

Научное электронное издание

© Шкунов В. Н., 2018
© Оригинал-макет, оформление.
ООО «Ай Пи Эр Медиа», 2018

Редактор *А.В. Неверова*
Технический редактор *А.Д. Матлахова*
Корректор *Т.Г. Саблина*
Компьютерная верстка, обложка *С.С. Сизиумовой*

Для создания электронного издания использовано:
Приложение pdf2swf из ПО Swftools, ПО IPRbooks Reader,
разработанное на основе Adobe Air

Подписано к использованию 21.02.2018. Объем данных 6 Мб.

Издание представлено в электронно-библиотечных системах
IPRbooks (www.iprbookshop.ru),
Библиокомплектатор (www.bibliocomplectator.ru)

Бесплатный звонок по России: **8-800-555-22-35**
Тел.: 8 (8452) 24-77-97, 8 (8452) 24-77-96

Отдел продаж и внедрения ЭБС:
доб. 206, 213, 144, 145
E-mail: sale@iprmedia.ru

Отдел комплектования ЭБС:
доб. 224, 227, 208
E-mail: mail@iprbookshop.ru

По вопросам приобретения издания обращаться:
доб. 208, 201, 222, 224
E-mail: izdat@iprmedia.ru, author@iprmedia.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
 ГЛАВА 1. ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОКА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ	14
1.1. Освещение исторических аспектов развития российской внешней торговли в публикациях второй половины XVIII века.....	14
1.2. Проблемы развития и регулирования отечественной внешней торговли в трудах исследователей XIX века	18
1.3. Внешнеторговые связи России в освещении отечественных исследователей XX века	27
1.4. Зарубежные исследователи истории внешней торговли России и проблематика их трудов	32
 ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ.....	36
2.1. Аптекарский приказ и внешняя торговля России в XVII — начале XVIII века.....	36
2.2. Внешняя торговля как фактор расширения границ Российской империи в XVIII веке.....	39
2.3. Государственно-правовое регулирование внешней торговли России с государствами Востока в XVIII веке	43
2.4. Государственная торговая политика России в отношении Китая и проблемы правового регулирования российско-китайской торговли.....	49
2.5. Эволюция внешнеторгового законодательства в период правления Анны Иоанновны	60
2.6. Внешнеторговое законодательство России в период правления Екатерины II.....	75
2.7. Государственно-правовое регулирование импорта вин и винной торговли в Российской империи в XVIII веке	77
2.8. Внешнеторговая деятельность православных монастырей в XVII–XIX веках и ее государственно-правовое регулирование	82
2.9. Государственно-правовое регулирование деятельности торговых компаний в первой половине XVIII века.....	89
 ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ.....	98
3.1. Эволюция государственной политики и российского законодательства в сфере торгово-экономических отношений Российской империи с государствами и народами Центральной и Средней Азии в XIX веке	98
3.2. Эволюция государственной системы управления внешней торговлей в России в XVIII–XIX веках.....	100

3.3. Таможенная и тарифная политика в России в XVIII–XIX веках: от меркантилизма к протекционизму.....	109
3.4. Государственно-правовое регулирование импорта некоторых товаров и их торговли.....	119
3.5. Торговые связи Российской империи и Норвегии в XVIII–XIX веках и их государственно-правовое регулирование.....	121
3.6. Внешнеторговое законодательство в Российской империи во второй четверти XIX века	129
3.7. Российско-иранская торговля в 40-е годы XIX века	134
3.8. Государственно-правовое регулирование российско-японских отношений и двусторонняя торговля в середине — второй половине XIX века	141
3.9. Внешняя торговля Царства Польского в 50–60-е годы XIX века	148
3.10. Роль дипломатической и консульской службы в регулировании внешней торговли Российской империи в первой трети XIX века.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	160
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	162
Источники.....	162
Литература.....	163
Литература на иностранных языках.....	166
ПРИЛОЖЕНИЯ	171
Приложение 1	171
Приложение 2	175
Приложение 3	179
Приложение 4	182
Приложение 5	186
Приложение 6	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху позднего феодализма внешняя торговля стала играть особую роль как в мировой экономике в целом, так и в национальных экономиках конкретных государств. Расширение рынков сбыта и завоевание новых источников сырья ведущими странами мира привели к увеличению объемов внешней торговли. Развитие капитализма (особенно в первой половине XIX в.), упрочение мирового рынка приводили к обострению межгосударственных отношений, столкновению экономических интересов ведущих держав в разных уголках мира. Зачастую войны рассматриваемой эпохи являлись следствием резкого обострения экономических противоречий между государствами, силою оружия прокладывая новые пути продвижения национальной внешней торговли. Порой под страхом применения оружия (как в случае с Японией) или путем прямой агрессии (как это было в Афганистане, Китае, некоторых районах Индостана) ведущие капиталистические державы мира насильно срывали занавес самоизоляции некоторых стран Востока, либо навязывали местным правителям неравноправные договоры, надежно обеспечивая свои экономические интересы. Таким образом, вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. стали временем расширения внешнеторговой экспансии европейских держав и США в самых разных уголках мира, добившихся его окончательного раздела и колонизации целых континентов. В своем продвижении на Востоке колонизаторы стремились опередить друг друга, обеспечить пальму первенства и, таким образом, опираясь на силу оружия и дипломатические средства, не допустить потенциальных конкурентов и соперников на новые рынки.

Внешнеторговая экспансия держав на Востоке в рассматриваемые период имела как общие, так и особенные черты. В одних районах Азии, как например, в Китае и Иране европейским странам приходилось мириться с присутствием друг друга на местном рынке и вести либо конкурентную борьбу, либо договариваться о территориально-географических зонах влияния. В других же случаях европейские колонизаторы очень ревностно следили за продвижением соперников к границам своих владений в Азии. Наиболее ярким примером является Индия, где британцы не допускали даже мысли появления в пределах их владений иных держав. Усиление влияния России в Центральной Азии к середине XIX в. стало причиной постоянной озабоченности Лондона и английских колониальных властей. На протяжении всей рассматриваемой эпохи сохранялась тревога потенциальной угрозы захвата Индии Россией. И хотя реальных сил и возможностей для достижения этой цели у России, скорее всего, не было,

появление частых проектов, записок и предположений (в том числе в российской прессе) не могло не вызывать беспокойство Лондона, стремившегося любыми средствами оградить свою лучшую и самую значимую колонию. Столкновение внешнеторговых интересов Лондона и Санкт-Петербурга в обширном районе Азии, расположенном к северу от британских владений в Индии, привело, в конечном счете, к обострению англо-российского соперничества в Средней Азии, Иране и Афганистане в 30–50-е гг. XIX в.

Таким образом, внешняя торговля в XVIII–XIX в. становится одним из важнейших факторов мировой политики.

Со второй половины XVIII в. внешняя торговля становится заметным фактором экономического развития Российской империи. Расширение границ государства, вовлечение в хозяйственный оборот новых территорий, на которых проживали инородцы, приближение к зарубежным рынкам и важнейшим торговым путям способствовали формированию новых направлений внешней торговли, а также упрочению внешнеэкономических связей России с соседними странами. Экономический рост, развитие мануфактурного производства, возрастание роли и значимости ярмарочной торговли, цементирувавшей всероссийский рынок, возникновение новых отраслей производства, таких, как хлопчатобумажная (бумагопрядение, ситцепечатание и т.д.), побуждали российских предпринимателей к расширению своей деятельности, в том числе на внешних рынках. Однако на западноевропейском направлении внешней торговли для российского купечества складывалась не совсем благоприятная ситуация: экспортно-импортные операции в морских портах империи находились в руках европейских предпринимателей. Как заметил Н.Н. Репин, российские торговцы редко выезжали сами в страны Европы для прямой торговли [Репин Н.Н., 1985, с. 148]. Лишь в 60-е гг. XVIII в. российские купцы все настойчивее стали требовать от правительства ввести запрет на посредническую деятельность иностранных купцов в российских портах. Однако вплоть до конца столетия европейские торговцы (и, прежде всего, английские) занимали сильные позиции на петербургском направлении внешней торговли России. Подобного рода ситуация складывалась и в Архангельске, где доминировали представители германских фирм. Причины такого положения, на наш взгляд, были следующие:

- стремление западноевропейских предпринимателей к сохранению статус-кво, поскольку их посредническая роль в российско-западноевропейской торговле приносила значительные выгоды посредством игры на ценах (товары традиционного российского экспорта пользовались устойчиво высоким спросом на европейских рынках);

- недостаточное количество морских торговых судов в России, а также отсутствие значительных капиталов не позволяли российским купцам на равных конкурировать с опытными западноевропейскими торговцами, тем более с солидными торговыми фирмами;

- отсутствие предпринимательского опыта на рынках Европы, зачастую незнание европейских языков, местных законов, правил и особенностей торговли;

- часто предвзятое отношение к российским купцам в Европе, формирование образа ненадежных партнеров, широкое распространение кредита в торговых операциях российских торговцев;

- поручение европейским предпринимателям и фирмам со стороны российского правительства заниматься крупными поставками в казну необходимых товаров (к примеру, сукна) и осуществление перевода денег за границу при их посредничестве.

С укреплением позиций российского купечества на внутреннем рынке, ростом купеческого капитала при одновременном увеличении объемов мануфактурного производства возникают новые формы организации внешней торговли на западном направлении. Однако западноевропейское направление внешней торговли России в значительной степени зависело и от политических факторов: межгосударственные осложнения, войны накладывали свой отпечаток на развитие торгово-экономических связей России с ее западными партнерами.

В этих условиях отечественные предприниматели стремятся оградить свои интересы на внутреннем рынке, обращаясь к правительству с просьбами о введении запрета на торговую деятельность иностранных купцов во внутренних городах империи. Но и в этом случае европейские торговцы и фирмы находят «лазейку»: во второй половине XVIII в. участились случаи записи иностранных купцов в российское подданство. Таким образом, европейские торговые компании стали иметь агентов в ведущих городах России, через посредничество которых осуществляли свою деятельность не только в портовых городах, но и во внутренних губерниях страны.

Мы не случайно остановились на краткой характеристике западноевропейского направления внешней торговли России, поскольку без осознания ее особенностей невозможно уяснить расширение торговли России в восточном направлении. Под влиянием ряда факторов в орбиту внешнеполитических интересов России в конце XVIII — начале XIX вв. попадают страны Средней Азии и Среднего Востока. Геополитические интересы русского правительства

простираются и далее — вплоть до Индии, Китая и Японии. Министерство иностранных дел, военное ведомство вырабатывают основные направления взаимоотношений с этими странами. Но решение этой задачи сталкивалось с большими трудностями из-за отсутствия необходимой информации о внутриполитическом состоянии стран Азии. Без наличия такой информации было сложно выработать определенную стратегию и тактику. Поэтому политикам по необходимости приходилось полагаться на тех, кто имел устойчивые связи с этими народами, прежде всего на купцов.

Исторический опыт свидетельствует, что купцы зачастую становились пионерами, первопроходцами, открывавшими новые земли и новые народы. Сначала торговые интересы, а вслед за ними интересы научные, стратегические, политические — таковы основные этапы поступательного продвижения экономически развитых стран в новых, еще во многом не освоенных и не изученных районах Востока. Вместе с тем на практике мы зачастую видим причудливый синтез этих интересов, менявшихся в зависимости от обстановки как внутри страны, так и на международной арене. Применительно к ханствам Средней Азии освоение новых районов осуществлялось поэтапно:

1) первоначальное проникновение купеческого капитала, характеризующееся первыми, робкими шагами отечественных предпринимателей, сопряженное с многочисленными трудностями и опасностями;

2) расширение торгово-экономической деятельности российских купцов на рынках Востока, накопление разносторонней информации о ханствах, попытки урегулировать проблемы двусторонних торговых отношений посредством дипломатических переговоров, а также осуществления комплекса мер по устранению препятствий на пути развития торговли;

3) завоевание рынков сбыта отечественной продукции в Средней Азии, в том числе посредством применения военной силы; создание Туркестанского генерал-губернаторства и ликвидация независимости среднеазиатских государств.

На других направлениях российско-восточной торговли имелись свои особенности. Так, к примеру, неоднократные попытки российских купцов наладить торговые связи с японцами каждый раз оканчивались неудачей. Японское правительство, проводившее политику сознательной самоизоляции от внешнего мира, не допускало установления прямых контактов своих подданных с россиянами. Поэтому российско-японская торговля на протяжении всего рассматриваемого периода носила опосредованный характер и осуществлялась в основном при посредничестве курильских айнов и айнов, проживавших на

Хоккайдо. Определенная часть японских изделий попадала на российский рынок через голландских купцов, обладавших монопольным правом в торговле со страной Восходящего солнца и доставлявших японские товары (а затем и подделки под них) через европейские порты России.

Исходя из стратегических интересов государства, правительство стремилось усилить российское влияние в сопредельных странах Востока, прежде всего в Средней Азии. Основным способом решения этой проблемы стало укрепление торгово-экономических отношений. Задача установления прочных торговых связей приобретает не только экономическое, но и политическое значение. Как показывает сам ход российской истории в эпоху позднего феодализма, развитие страны, расширение ее границ, миграционные процессы, развитие внешней торговли имели четко выраженный восточный вектор. Таким образом, изучение внешней политики России в данный исторический период невозможно без анализа торгово-экономических отношений России со странами Азии.

Конкретным выражением этой политики стало появление новых центров экономических связей с Востоком. До середины XVIII в. главным каналом русско-восточной торговли была Астрахань. Уходящие корнями в глубокую древность торговые связи России с государствами Востока через Астрахань по Волго-Каспийскому пути, а затем через Закавказье и земли туркмен способствовали расширению географии торговли России с зарубежными странами. Во второй половине XVIII века роль Астрахани в российской внешней торговле постепенно снижается. Освоение огромного Оренбургского края позволило использовать его для дальнейшего торгово-экономического продвижения на Восток. Оренбург становится одним из важнейших пунктов транзитной торговли и плацдармом осуществления российской торгово-экономической экспансии в восточном направлении. С развитием внешней торговли Российской империи по Оренбургскому направлению в орбиту интересов купеческого капитала попадают и малоизвестные для них районы Азии: Афганистан, Синьцзян, Бадахшан, Балх и др. Освоение рынков Средней Азии позволило России не только обеспечить себе к началу XIX в. исключительно выгодный источник сырья и обширный рынок сбыта для развивавшейся отечественной промышленности, но и закрепиться к середине XIX века в этом регионе, предотвратить английскую торгово-экономическую экспансию у южных границ империи, что в целом отвечало геополитическим и военно-стратегическим интересам России.

Укрепление позиций России на Южном Урале, интенсивное освоение природных богатств этого региона, активное вовлечение его в хозяйственную жизнь страны способствовали дальнейшему продвижению государства в во-

сточном направлении. С формированием Сибирской пограничной линии возникают новые центры российско-восточной торговли, носившей первоначально меновой характер. Начало торгового обмена в Ямышевской крепости, Семипалатинске, Петропавловске и других форпостах Сибирской линии свидетельствовало о расширении российско-восточной торговли, вовлечении в нее все новых участников как со стороны России, так и зарубежных стран Азии. Таким образом, канал российско-восточной торговли к началу XIX в. простерся от побережья Черного моря на западе до Кяхты и Приморья на Дальнем Востоке. Срединное побережье Оренбуржья, находящегося на перекрестке торговых путей и ставшего своеобразным транзитным центром как российско-восточной торговли, так и торговли европейской части империи с Сибирью и Уралом, через который шли колоссальные потоки товаров, в том числе ярмарочных, определяло его исключительное место во внешней торговле России в целом.

С развитием российской мануфактурной промышленности, расширением рынков сбыта и источников сырья, значительным распространением торгово-предпринимательской деятельности наблюдается рост внешнеторговых оборотов России. В системе внешней торговли империи происходят структурные перемены, характеризующиеся как количественными, так и качественными изменениями. К началу XIX в. в российско-восточной торговле просматривается четкая сегментация внешнего рынка, которая определялась не только географическим принципом, но и историческими традициями, культурными связями, сложившимися торговыми путями и т.д. Налицо — следующие центры российско-восточной торговли: Астрахань, Казань, Оренбуржье, Сибирь, включая Кяхту. Каждый из них специализируется на торговле с определенными странами Востока, превращается в важный форпост соответствующего направления восточной политики Российской империи. Астрахань, Оренбург, Сибирь ориентируются и на определенные рынки сбыта восточных товаров.

Указанная сегментация внешней торговли по ведущим ее центрам способствовала цементированию единого экономического пространства Российской империи, развитию межрегиональной специализации и кооперации, началу промышленного переворота в стране. Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на различии понятий «русско-восточная торговля» и «российско-восточная торговля», а также «торговля восточными товарами». В подавляющем большинстве дореволюционных и современных исследований, посвященных вопросам торгово-экономических отношений России с государствами Востока, авторы, как правило, используют понятие «русско-восточная торговля» (в разных вариациях: русско-иранская, русско-китайская, русско-

индийская и т.д.), что, на наш взгляд, не совсем оправдано. Как показывает исторический опыт, на многих направлениях российско-восточной торговли на протяжении как рассматриваемого периода, так и более ранних (эпоха средневековья, нового времени) и поздних (вторая половина XIX века) эпох русские купцы не имели доминирующего положения в составе купцов, занимавшихся этой торговлей. Более того, в некоторых случаях (как, например, в российско-среднеазиатской, российско-синьцзянской торговле) они оказывались редкими участниками, доверяли свои торговые дела татарским приказчикам. В российско-иранской торговле важную роль играли армяне и иранцы (в том числе принявшие российское подданство). Поскольку понятие «русско-восточная торговля» в первом слове несет лексическое значение национальной принадлежности ее участников, оно применимо лишь в случаях, когда речь идет о торговле непосредственно русских купцов. В противном случае возникают фактические ошибки. Приведем типичный пример. Так, в монографии М.К. Рожковой рассматривается история отправления в Бухару купеческого каравана в 1828 г. Автор отмечает, что данный пример, «рисую внешние условия, в которых находилась русская торговля со Средней Азией, показывает направление интереса правительства к развитию этой торговли» [Рожкова М.К., 1949, с. 48]. Исследовательница приводит перечень купцов, отправившихся для торговли с этим караваном. Среди прочих значились: поверенные казанского купца 1-й гильдии Утямышева, астраханский армянин Иван Баласанов и др. [Там же, с. 47]. Подобного рода примеры встречаются и в монографии Е.Я. Люстерник [Люстерник Е.Я., 1966, с. 52, 54, 55 и др.]. Учитывая многонациональный характер участников торгово-экономических отношений России с государствами Востока, а в отдельных случаях и доминирование в них представителей нерусских национальностей империи, более разумным и объективным, на наш взгляд, является использование понятия «российско-восточная торговля». Наконец, хотелось бы остановиться на различиях в понятиях «российско-восточная торговля» и «торговля восточными товарами». В первом случае речь идет о торговле России с государствами Востока (Турция, Иран, ханства Средней Азии, Индия, Китай и т.д.) по южным рубежам империи. Когда же мы ведем речь о торговле восточными товарами на внутреннем рынке России, то следует принимать во внимание значительный реэкспорт восточных товаров через балтийские, некоторые северные, черноморские и азовские порты, осуществляемый как российскими, так и, прежде всего, европейскими предпринимателями.

Следует учитывать и то обстоятельство, что с распадом СССР и появлением на политической карте новых суверенных государств, в том числе в среднеазиатском регионе, начался процесс пересмотра исторического прошлого этих народов. Представители молодой национальной историографии в попытках переосмысления исторического прошлого своих народов подвергают кардинальному пересмотру их взаимоотношения с Россией. Как правило, под влиянием политической конъюнктуры их оценки роли Российского государства в развитии национальных регионов носят крайне негативный характер. В этой связи особую значимость приобретает объективное изучение и взвешенные оценки процесса становления и развития всего комплекса отношений России с сопредельными государствами и народами.

В настоящей монографии особое внимание уделено проблемам государственно-правового регулирования внешнеторговых отношений Российской империи на протяжении двух столетий: в XVIII и XIX веках. В некоторых случаях автор раздвигал хронологические рамки исследования, если это было вызвано исследовательскими задачами. Заметное место в труде отведено восточному направлению отечественной внешней торговли, которое имело свои специфические черты, этноконфессиональные особенности и нередко регулировалось отдельными законодательными актами.

ГЛАВА 1. ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОКА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

1.1. Освещение исторических аспектов развития российской внешней торговли в публикациях второй половины XVIII века

Определяя степень научной разработанности проблемы, следует отметить, что отдельные ее аспекты исследовались отечественными и зарубежными специалистами. Так, уже со второй половины XVIII в. вопросы торговых связей России с сопредельными странами Востока стали привлекать внимание отечественных историков. Первой работой, посвященной описанию российской внешней торговли, в том числе и ее восточного направления, был многотомный труд М.Д. Чулкова. Приведя многочисленные факты, он подчеркнул важность восточного направления российской торговли для процветания государства. Являясь сторонником развития отечественного производства и поощрения торговли, Чулков критически высказывался в отношении монопольных торговых компаний, полагая, что они подрывают интересы тех торговцев, которые с успехом торговали в Иране и ханствах Средней Азии. [Чулков М.Д., 1781–1785, т. 2, кн. 2, с. 384] Отдельные аспекты этой темы рассматривал известный историк XVIII в. Г.Ф. Миллер. Его внимание привлекали экономические возможности среднеазиатской торговли и роль сибирских ярмарок в ее становлении. [Миллер Г.Ф., 1756; 1760] Начало торговли по оренбургскому направлению потребовало экономической оценки и анализа новых торгово-экономических отношений России с государствами Востока. С этой задачей блестяще справился крупный русский экономист XVIII в., государственный деятель П.И. Рычков. Высоко оценивая роль и значение Оренбуржья в восточной торговле России, Рычков называл Оренбург «пристанищем и портом многим азиатским народам». Посвятивший Оренбургскому краю более 40 лет своей жизни, автор ввел в научный оборот ценные статистические материалы, дал характеристику начального этапа российской торговли с ханствами Средней Азии и казахскими жузами. [Рычков П.И., 1762] Ценность публикаций второй половины XVIII в. заключалась в накоплении фактического материала, характеризовавшего основные тенденции развития российской внешней торговли на восточном направлении. Носившие в основном описательный характер, эти работы либо носили компилятивный характер (как в случае с работами М. Чулкова, воспроизводившего правовые акты), либо содержали фактические ошибки, что объяс-

нялось распространением недостоверных, полуфантастических сведений о странах и народах Востока.

Одной из первых работ, посвященных исследованию мануфактурного производства хлопчатобумажных тканей и изделий из верблюжьей шерсти, стала статья П. Рычкова, в которой автор подчеркивал исключительную роль Оренбуржья как транзитного центра сырья из ханств Средней Азии и казахских жузов [Рычков П., 1766, ч. 2, с. 89–101].

Российские читатели познакомились и со способами производства некоторых восточных изделий. К примеру, Ерих Иоганн опубликовал обстоятельную статью, в которой рассказал о способах приготовления монгольского зеленого сафьяна [Ерих Иоганн, 1791, с. 227–233]. Данная публикация, вызывала безусловный интерес, поскольку сафьяновое производство в России считалось одним из лучших в мире, а появившаяся статья о монгольском сафьяне позволяла расширить знания об иных способах изготовления кож.

Тема Востока и торговых связей Российской империи с государствами и народами Азии занимала видное место на страницах журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащая». В нескольких номерах за 1763 год публиковалось «Описание Каспийского моря...» Ф.И. Соймонова. Этот солидный труд содержал, по сути, обобщение всех тех знаний о прикаспийских областях, которые были накоплены к тому времени в России. Эта публикация представляет безусловный интерес для исследователей истории России и стран Востока. В частности, в ней дается обстоятельное описание миссий князя Александра Бековича в Среднюю Азию и Артемия Волинского в Персию. Автор дал описание Низовой пристани, где существовала «беспрерывная ярмарка» между российскими и иранскими купцами. Среди товаров, реализуемых на ярмарке, важнейшим являлся шелк, который доставлялся иранскими и армянскими торговцами из Шемахи. Российские купцы привозили туда сукно, полотно, юфть, мелочные товары: зеркала, иглы, наперстки и т.д. [Описание Каспийского моря..., 1763]. Ценные сведения приводит автор о торговле Гиляни: «По частым и великим караванам, из Турции, Персии, Бухарии, и из самой Индии в Ряще (Реште. — В.Ш.) приходившим, сделалось сие место сборищем всех европейских и азиатских товаров» [Там же, июнь, с. 493]. Здесь, в Реште, происходил колоссальный обмен товаров, а российские купцы имели возможность приобретать не только персидские, но и индийские, среднеазиатские, европейские товары.

Проявление повышенного интереса к Каспийскому морю и прикаспийским областям, усилившееся в середине и во второй половине XVIII века, сти-

мулировало как научное изучение этого региона мира, так и расширение тематики, касавшейся рыбодобычи и торговли рыбопродуктами. В том же издании (декабрь 1763 г.) публикуется статья «О рыбьем клее», в которой рассказывается о способах производства рыбьего клея и его продаже за границу [О рыбьем клее, 1763, с. 483–495]. Важнейшими поставщиками этого товара являлись Гурьев и река Яик: «...у яицких казаков ... делается больше рыбьяго клею, нежели во всех прочих местах России» [Там же, с. 486]. Действительно, на протяжении всего рассматриваемого периода освоение рыбных промыслов, в том числе в Каспийском море, способствовало расширению внешней торговли России, а также ее экономическому продвижению на Восток.

Наиболее полное описание Средней Азии было представлено в сочинении «Известие о песошном золоте в Бухарии...», опубликованном в нескольких номерах «Сочинений и переводов, к увеселению служащих» за 1760 год. Здесь обосновывалось стремление российских властей к развитию торговых связей с ханствами Средней Азии как средства к установлению прямой торговли с Индией. Автор подчеркивал, что это желание высказывал еще Иван Грозный. С основанием же Оренбурга у российских торговцев появилась реальная возможность торговать с соседними народами Востока [Известие о песошном золоте в Бухарии..., 1760, январь: с. 3–54; февраль: с. 99–136].

В июльском номере «Сочинений» полковник артиллерии Иван Гербер опубликовал статью о Кавказе, его народах и их связях с Ираном, Турцией и другими странами Азии [Гербер И.Г., 1760, июль: с. 3–48; август: с. 99–140; сентябрь: с. 195–232; октябрь: с. 292–308].

В сентябрьском и октябрьском номерах «Сочинений и переводов» за 1761 г. опубликован перевод из ганноверского издания статьи «Историческое и географическое описание города Пондишери» [Сочинения и переводы, 1761, сентябрь: с. 261–277; октябрь: с. 353–373]. Это не только первый в отечественной литературе подробный рассказ об индийском городе, но и ценный источник о торговой роли Пондишери. Из этого города изделия индийские вывозились не только в Европу, но и Иран, Турцию, а, значит, были доступны и российским купцам.

В ноябрьском номере за 1763 г. опубликована статья: «Изъяснение о способах к произведению российской коммерции из Оренбурга с бухарскою, а из оной с индейскими областями». Эта публикация — один из первых аналитических материалов о роли и значении оренбургского направления российской внешней торговли после основания Оренбурга. Основанная на материалах И.И. Неплюева, статья знакомила российского читателя с эволюцией оренбург-

ской торговли в первые годы ее существования, а также отражала взгляды официальных лиц на развитие восточного направления отечественной внешней торговли. Автор публикации отмечал, что за очень короткий срок оренбургская торговля «до той высокой степени достигла, что из приращения интересов великие казенные капиталы получила...» [Изъяснение..., 1763, с. 401–408; цит. с. 402].

Активное освоение богатств Сибири, стремление России к расширению торговых связей с народами Востока по сибирской линии вызывали повышенный интерес к этому огромному региону империи. В статье, вышедшей в «Ежемесячных сочинениях» в 1764 г., Сибирь названа «золотым дном». В довольно обширной публикации, размещенной в нескольких номерах журнала, повествуется о хозяйственном освоении просторов Сибири, о взаимоотношениях русских с местными аборигенами, о первых торговых контактах с народами Востока (в частности, монголами) [Миллер Г.Ф., 1764, январь: с. 41–59; февраль: с. 99–135; март: с. 195–213].

С активным продвижением России в Сибирь повышается интерес в обществе и к Китайской империи. На страницах российских журналов появляются статьи, посвященные жизни Поднебесной, в том числе деятельности купечества. Так, в статье «Описание купечества в Китае» (перевод с английского. — В.Ш.) приводятся ценные сведения о торговых связях Китая с Японией, Сиамом, Кохинхином, Филиппинами, Англией и другими государствами как Азии, так и Европы [Описание купечества..., 1761, с. 255–260]. Российские торговцы, операции которых с китайцами были ограничены Кяхтой, были, безусловно, заинтересованы в расширении своих знаний о деятельности своих торговых контрагентов. Поэтому данная статья, несомненно, имела и практическую значимость для отечественных предпринимателей.

Торговые связи России с Османской империей, экономическое развитие Египта, Турции, Палестины освещались на страницах периодических изданий: «Праздное время, в пользу употребленное» (1759, 1770 гг.), «Собрание новостей» (1775–1776 гг.), «Растущий виноград» (1785 г.), «Зеркало света» (1786–1787 гг.) и др. Таким образом, во второй половине XVIII в. расширяется интерес просвещенных российских читателей к народам и государствам Востока, их торговой деятельности, а также взаимоотношениям России со странами Азии. В тех случаях, когда было недостаточно сведений, издатели прибегали к публикации переводных статей, помещенных в зарубежных газетах и журналах (английских, голландских и пр.). В целом же в этот период было накоплено достаточно большое количество материалов и разносторонних сведений как о торго-

вых связях России с государствами Востока, так и об экономической ситуации в них.

Таким образом, расширение торгово-экономических отношений Российской империи со странами Востока вызвало усиление интереса российского читателя к истории и современной жизни соседних народов Азии. Неслучайно на страницах российских журналов и газет во второй половине XVIII века появляются публикации, посвященные как конкретным государствам и народам Востока, так и проблемам взаимоотношений России с ее азиатскими соседями. Примечательно, что в это время делаются первые попытки осмысления двусторонних торговых связей. Расширение мануфактурного производства, прежде всего, хлопчатобумажного и суконного, зависящего от азиатского импорта хлопка и шерсти, вызывало повышенный интерес к иранскому, среднеазиатскому и казахскому рынкам.

1.2. Проблемы развития и регулирования отечественной внешней торговли в трудах исследователей XIX века

В XIX в. появляется ряд специальных исследований, в которых анализировались отдельные направления русско-азиатских торговых отношений. Торговые связи России с ханствами Средней Азии и сопредельными странами Востока стали предметом изучения П.И. Небольсина и Г.Н. Потанина [Небольсин П.И., 1855; Потанин Г.Н., 1868]. Заслугой этих авторов было вовлечение в научный оборот широкого корпуса источников, в том числе архивных документов, путевых дневников, отчетов дипломатических миссий. Это позволило им дать широкую картину торгово-экономических связей России со странами Востока и показать их эволюцию. В работе П. Голубкова впервые был поставлен вопрос о возможности использования среднеазиатских рынков для установления экономических связей с Индией. Ученый подробно описал торговые пути, пролегающие через киргиз-кайсацкие степи, дал характеристику внутривнутриполитической обстановки в регионе, быта и нравов местного населения [Голубков П., 1843].

В связи с усилением русско-английского торгово-экономического соперничества во второй половине XIX в. проблема взаимоотношений России и Востока приобрела новое звучание. М.П. Федоров, М.Л. Терентьев, А. Субботин, А. Е. Снесарев, А. Семенов, А. Ротчев рассматривали вопросы внешней торговли в контексте усиления английской экспансии на рынках Среднего Востока. Выходя за рамки чисто научного исследования, эти авторы предлагали кон-

кретные меры, направленные на укрепление позиций русского капитала в этом регионе [Федоров М.П., 1908; Терентьев М.Л., 1856; Субботин А., 1885; Снесарев А.Е., 1906; Семенов А., 1859; Ротчев А., 1855].

Для большинства исследователей второй половины XIX в. и современных исследователей большое значение имели работы Г.П. Неболсина, посвященные анализу внешней торговли России [Неболсин Г.П., 1835]. Автором привлечен богатый статистический материал, характеризующий основные направления внешней торговли Российской империи. Вместе с тем, как показывает анализ архивных документов, некоторые статистические данные, которые приводит Г.П. Неболсин, оказываются неполными. Введение в научный оборот новых архивных источников (прежде всего отчетов таможенных округов за соответствующие годы), приведенных автором, позволяет скорректировать количественные характеристики внешней торговли, а также, в некоторых случаях, и сделать новые, более точные выводы.

Настольной книгой для многих отечественных исследователей стал трехтомный труд А. Семенова, в котором рассматривается широкий комплекс вопросов, посвященных истории становления и развития торгово-экономических отношений России с зарубежными странами, в том числе восточными [Семенов А., 1859]. Опираясь на данные официальной статистики, А. Семенов дал качественную и количественную характеристику российской внешней торговли по периодам правления российских монархов.

Для анализа российско-китайской торговли в Синьцзяне, в целом внешней торговли Российской империи по Сибирской линии за более чем вековой период большое значение имеет работа М. Красовского [Красовский М., 1868]. Автор анализирует просчеты и ошибки властей, уделяет большое внимание вопросам таможенной политики, причинам широкого распространения контрабанды товаров, структуре и объемам торговли России с Китаем, Кокандским и Бухарским ханствами, а также казахскими жузами. Высоко оценивая значение Сибири в развитии российско-восточной торговли, Красовский приходит к выводу, что на определенном этапе расширение сибирской торговли (особенно в Петропавловской крепости) привело к уменьшению объемов торговли по Оренбургской линии [Там же, с. 221]. Ценность работы М. Красовского заключается и в том, что им приведены важные статистические материалы, которые отсутствуют в работах Г.П. Неболсина, А. Семенова и других исследователей. Другой значимой работой, посвященной российско-китайским торгово-экономическим отношениям, стала монография А. Корсака «Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем» [Корсак А.,

1857]. Основанная на богатом статистическом и фактологическом материале, работа исследователя впервые в отечественной науке вводит периодизацию российско-китайских торгово-экономических отношений. Автор особое внимание уделяет кяхтинскому направлению российско-китайской торговли, отмечая его исключительно важную роль для обеих империй. А. Корсак приходит к выводу: «...торговля с Китаем составляет одну из важнейших отраслей нашей заграничной торговли» [Там же, с. 442].

В XIX в. в сферу научных интересов российских ученых включаются вопросы истории и экономики Ирана; появляются первые публикации, затрагивающие тему российско-иранской торговли. Среди них особо следует выделить труды Ю.А. Гагемейстера, П.Г. Буткова, И.Ф. Бларамберга и др. [Гагемейстер Ю.А., 1838; Бутков П.Г., 1869; Бларамберг И.Ф., 1853]. Так, к примеру, П.Г. Бутков связывал развитие российско-иранской торговли с нормализацией положения в этом восточном государстве. Автор приводит конкретные примеры из иранской истории, свидетельствующие о том, что в периоды усиления шахской власти и наступления стабильности в стране российско-иранская торговля получала заметный импульс в своем развитии. Одним из первых П.Г. Бутков обратил внимание на отрицательные последствия на развитие российско-иранской торговли соперничества европейских держав в Иране, которое обострилось в 80-е гг. XVIII в.

Активное продвижение России в Средней Азии, накопление сведений о положении в ханствах, полученных в результате официальных и неофициальных миссий в этот регион, способствовали изучению Средней Азии и Казахстана. В.В. Бартольд отмечал: «в деле изучения новой истории мусульманской Средней Азии, как и в деле изучения географии тех же областей, русская наука уже в первой половине XIX в. была впереди западноевропейской...» [Бартольд В.В., 1971, с. 331]. Среди работ выделяются труды Н.В. Ханыкова, посвященные Средней Азии, Ирану, Курдистану, Хорасану и др. [Ханыков Н.В., 1843]. Особое внимание автор обратил на экономику Бухарского ханства, состояние торгово-экономических отношений в Средней Азии, а также препятствия, сдерживавшие российско-среднеазиатскую торговлю. Высоко оцениваемая современниками и не утратившая своей значимости и сейчас главная работа Ханыкова «Описание Бухарского ханства» — это обстоятельный труд, в котором приведены ценные сведения о российско-бухарской торговле, а также экономических связях Бухары с соседними владениями [Там же, с. 160–179]. Автор показывает прекрасное знание материалов на европейских и восточных языках. Среди работ, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы

торгово-экономических отношений России с ханствами Средней Азии, туркменами и казаками, следует выделить труды К. Боде, В. Бутыркина, В. Вельяминова-Зернова, М. Галкина, Г. Гельмерсена, В. Григорьева, Д. Долинского и др. [Боде К., 1842; Бутыркин В., 1864; Вельяминов-Зернов В.В., 1856; Галкин М.Н., 1868; Гельмерсен Г., 1840; Григорьев В.В., 1861, 1863; Долинский Д., 1859; Килевейн Е.Я., 1862].

В журнале «Всемирный труд» в 1867 г. была опубликована статья М. Михайлова «Наша среднеазиатская торговля» [Михайлов М., 1867, с. 235–244]. Автор кратко остановился на основных этапах истории торговых связей России с народами и странами Средней Азии, отметив периоды их подъема и спада. С самого начала оренбургского торгового направления внешней торговли России показало свою перспективность и исключительную выгодность: только за период с 1748 по 1755 гг. на Оренбургскую линию было доставлено (кроме товаров) до 50 пуд. золота и до 4 тыс. пуд. серебра в монете (в основном индийские рупии) [Там же, с. 235]. Спустя столетие ситуация резко изменилась. М. Михайлов заметил: «Теперь, напротив, золото и серебро увозят от нас, и, следовательно, с неплюевских времен среднеазиатская наша торговля мало-помалу приняла другой оборот, т.е. ныне у нас более нужды в среднеазиатских произведениях, чем у среднеазиатцев в наших» [Там же, с. 236]. Общий же вывод автора заключался в том, что на всем протяжении столетия (с середины XVIII до середины XIX вв.) торговля с ханствами Средней Азии имела для России большое значение.

В контексте исследования проблемы немаловажное значение имеют труды, посвященные истории Нижегородской ярмарки. Среди них следует выделить работы И. Гурьянова, А. Зубова, П. Мельникова, В. Безобразова [Гурьянов И., 1864; Зубов А., 1839; Мельников П., 1850; Безобразов В., 1865]. Большинство из этих авторов отмечали, что Нижегородская ярмарка в первые десятилетия XIX века являлась своеобразным центром азиатской торговли, куда приезжали бухарские, хивинские и персидские купцы. Ими также было установлено, что значительная часть караванов прибывала в Нижний Новгород через Оренбуржье, Астрахань, Казань. Это доказывает значимость данных путей транзитной торговли.

Свои богатые традиции имеет историография, посвященная основанию Оренбурга и освоению Оренбургского края. Очевидец и непосредственный участник начального периода истории Оренбурга П.И. Рычков дал подробное изложение деятельности Оренбургской экспедиции под руководством И. Кирилова. Работа Рычкова стала основой для исследований В. Витевского, Р. Игна-

тьева, А. Алекторова, А. Добромыслова, Н. Модестова и др. Рассматривая различные аспекты оренбургской истории, все авторы, в первую очередь, обращались к «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова, считая этот труд непререкаемым авторитетом [Рычков П.И., 1896; Соловьев С.М., 1963, с. 592; Витевский В.Н., 1889–1895; Добросмыслов А., 1900, с. 1–124; Модестов Н., 1917, с. 73]. Каждое новое исследование вводило в научный оборот новые факты из Оренбургской истории, способствовало накоплению фактического материала.

Значительно уже круг дореволюционных исследований, посвященных вопросам российско-индийской и российско-афганской торговли. Среди них работы А. Малиновского, М. Лунина, Ф. Аделунга, В. Игнатьева, С. Южакова, А. Снесарева, В. Орановского и др. В контексте решения более широких задач авторы лишь затрагивают вопросы экономического развития Индии и Афганистана и их торговых связей с Россией [Малиновский А., 1837; Лунин М., 1988; Аделунг Ф., 1864; Игнатьев В., 1895; Южаков С., 1881, 1885; Снесарев А., 1906; Орановский В., 1895].

Немало публикаций о развитии торговли России с народами и государствами Востока в рассматриваемый период появилось в «Журнале мануфактур и торговли». Их тематика очень обширна: от проблем англо-российского соперничества на рынках Азии до характеристики российско-восточной торговли на отдельных направлениях. К примеру, в № 6 за 1826 г. была опубликована статья «О торговле по Азовскому морю», в которой особое внимание уделено состоянию торговли в Таганроге, Мариуполе и других портах Азовского моря, приведены статистические сведения о ходе торговли за 1824 г. и 1825 г. [О торговле..., 1826, с. 110–130].

Несколько обстоятельных статей, посвященных характеристике ведущих ярмарок Российской империи, было опубликовано в разных номерах журнала. Приведем примеры по одному 1833-му году. В № 5 приведены сведения о ходе торговли на Ирбитской ярмарке: восточных товаров в 1833 г. было доставлено на 2 412 450 руб. Все азиатские товары продавались либо за наличные деньги, либо передавались в кредит с отсрочкой платежа. В этот год на ярмарку в Ирбит прибыло немало торговцев из стран Востока. К примеру, только из Ташкента приехало 124 купца [О Ирбитской ярмарке..., 1833, с. 69–70]. В № 7 вышла статья «О ярмарках, бывших в земле войска Донского в 1832 году», в которой приведены сведения о ходе торговли на ведущих ярмарках Донского края: Урюпинской Покровской, Новочеркасской, Нижнечирской и других за 1832 г. [О ярмарках..., 1833, с. 97–114]. Подобного рода данные важны для определения доли реализуемых восточных товаров на ярмарках России, а также геогра-

фии их распространения. Наконец, в № 11 опубликована большая статья «О Нижегородской ярмарке 1833 года» с подробным указанием объемов и ассортимента торговли [О Нижегородской ярмарке..., 1833, с. 67–101]. Из общего объема продаж в 117 210 676 руб. восточных товаров было продано на ярмарке на 17 174 650 руб. [Там же, с. 97]. Из всего ассортимента товара, реализованного в этот год в Нижнем Новгороде, самое большое количество пришлось на китайский чай — 14 521 750 руб. (весь товар был продан. — В.Ш.) [Там же, с. 94]. Также на значительные суммы были проданы персидская и сальянская икра, турецкий табак, китайские шелковые ткани, бухарские и персидские товары. Подобного рода публикации за разные годы, основанные на отчетах губернских властей и местной региональной прессы, дают нам возможность проследить динамику привоза восточных товаров в разные города империи, изменение ассортимента и т.д. [О Нижегородской ярмарке..., 1828, с. 51–127].

Наряду с указанными статьями на страницах «Журнала мануфактур и торговли» появлялись аналитические материалы, посвященные исследованию динамики развития внешней торговли Российской империи, в т.ч. на ее восточном направлении. Автор статьи «О внешней торговле российской» предпринял попытку сравнить «ход торговли других коммерческих наций с ходом оной у нас в России» [О внешней торговле..., 1828, с. 105–125]. Автор ратует за расширение торгового мореплавания, тщательное изучение зарубежного опыта предпринимательской деятельности, учреждение консульств в других странах для защиты интересов отечественных торговцев, открытие купеческих контор в тех государствах, с которыми у России были наиболее тесные экономические связи. В 1830 г. в № 7 опубликована статья «Кяхтинская торговля бумажными изделиями», в которой приведены статистические данные об объемах промена российских хлопчатобумажных изделий на китайские товары в Кяхте за период с 1819 по 1829 гг. Здесь же приведен ассортимент изделий, дана характеристика их качеству и спросу.

Усилившееся к 30-м гг. XIX в. англо-российское торгово-экономическое соперничество на рынках Среднего Востока и Средней Азии оказалось в центре внимания отечественных исследователей. На страницах «Журнала мануфактур и торговли» появляются статьи (в том числе переводные) о деятельности британских торговцев в этих регионах мира. Так, в № 6 за 1833 г. была опубликована статья из прусского журнала «Распространение английской торговли в Средней Азии» [Распространение английской торговли..., 1833, с. 86–91]. Автор отмечает, что российские товары во второй половине 20-х гг. встречались повсюду на территории к северу от Кандагара. Ост-Индская компания, в свою

очередь, расширила свою торговую деятельность как в Афганистане, так и в Иране, вступив в соперничество с российским купечеством. В этот период времени наблюдался процесс активного продвижения российских товаров с севера и английских товаров с юга, после чего англичане предприняли попытку вытеснения конкурентов в центральных районах Ирана, севере Афганистана, Синьцзяне, готовя плацдарм для экономической экспансии еще севернее — вплоть до побережья Каспия и ханств Средней Азии.

С предыдущей статьей созвучна и вторая публикация в этом же номере. Речь в ней шла о деятельности Ост-Индской компании, расширившей свою торгово-экономическую деятельность не только по всей Индии, но и в сопредельных странах (Бирме, Китае, Афганистане и т.д.) [Ост-Индская компания, 1833, с. 75–85]. Ее деятельность проникла в те земли, которые одновременно рассматривались и сферой торговых интересов российских купцов. В № 11 за 1830 г. в журнале была опубликована «Таблица пошлин, взимаемых в Англии по Тарифу 1829–1830 гг. на некоторые товары, рассчитанные на российский вес, меру и деньги...» [Таблица пошлин..., 1830]. Эта публикация — свидетельство повышенного внимания российских предпринимателей к британской внешней торговле. Встречая все большее соперничество англичан на рынках Среднего Востока, отечественные купцы, официальные лица следили за торговой деятельностью конкурентов, изучали все изменения в британской таможенной политике.

Среди других публикаций, непосредственно касавшихся темы нашего исследования, опубликованных в «Журнале мануфактур и торговли», следует отметить «Замечания о торговле с Персией» [Замечания о торговле..., 1832, с. 100–112]. В статье приведены данные об объемах привоза тифлисскими армянами товаров и монеты из Ирана и Карабаха, а также сведения об ассортименте импорта. В № 8 за 1827 г. помещена статья, посвященная торговым связям Европы с Китаем, в том числе торговле сукнами [Нидерштетер Г., 1827, с. 96–119]. Автор статьи, прусский ученый Г. Нидерштетер, отмечал, что русские торговцы имели немалые прибыли от сбыта прусских сукон в Кяхте. Автор, ссылаясь на «достоверные источники», приводит сведения об объемах русско-китайской торговли в отдельные годы, начиная с 1777 по 1820 гг. Публикация другого прусского исследователя Г. Кунта касалась торговли кофе, сахаром и табаком [Кунт Г., 1827, с. 101–132]. В обстоятельной статье речь идет о расширении торговли этими продуктами питания, о каналах доставки их в страны Европы и Россию, изменениях в ценах и т.д. В 1831 г. в № 8 «Журнала мануфактур и торговли» выходит статья «Состояние фабрик и заводов в Орен-

бургской губернии в 1828 году», в которой приводятся статистические данные о суконных, кожевенных, поташных, писчебумажных и чугунолитейных фабриках и заводах [Состояние фабрик..., 1831, с. 58–78]. Опубликованный материал интересен еще и тем, что сопровождается справочными материалами о владельцах этих предприятий, объемах производства и основных каналах сбыта (в том числе на Восток). И еще об одной публикации стоит упомянуть. Речь идет о статье В. Пельчинского «О распространении сбыта российских мануфактурных изделий в Закавказье и Персии» [Пельчинский В., 1831, с. 93–105]. В ней автор повествует об успехах отечественной мануфактурной промышленности, замечая, что избыток продукции может быть с успехом реализован на внешних рынках. А поскольку «европейские рынки по многим причинам не представляют нашим мануфактурам выгодного сбыта», следует, по мнению автора, «обратить все свои усилия к распространению торговых действий с азиатскими народами» [Там же, с. 93]. Выгодным рынком сбыта отечественных изделий В. Пельчинский назвал Закавказье и Иран, но для этого необходимо учитывать «вкус» азиатцев. В заключение статьи автор приводит перечень тех мануфактурных изделий, которые пользовались наибольшим спросом в Иране и Закавказье [Там же, с. 105–107].

Несомненный интерес представляют и аналитические статьи, а также различного рода обзоры и описания, которые печатались в «Журнале МВД» за разные годы. В качестве примера охарактеризуем некоторые, наиболее значимые публикации. В 1853 г. опубликована статья известного исследователя внешней торговли России, замечательного ученого Ю.А. Гагемейстера «Хозяйственно-статистический очерк Камчатки» [Хозяйственно-статистический очерк..., 1853, с. 228–255]. Автор подробно охарактеризовал природные богатства полуострова, занятия коренных жителей и русских переселенцев. Отдаленность Камчатки от главных промышленных и сельскохозяйственных центров оказывала влияние на цены. Вот почему развитие торговых связей с соседними азиатскими народами стало насущной потребностью жителей полуострова. Неслучайно камчатские товары попадали в Кяхту, на Курилы, в Америку. К середине XIX в. Камчатка активно вовлекается во внешнюю торговлю Российской империи, она становится привлекательной и для иностранцев. Известно, что в 40-е гг. некоторые американцы не только вели хозяйственные операции на полуострове, но и жили в Петропавловском порте [Там же, с. 248].

Известный отечественный исследователь, историк Новороссийского края А.А. Скальковский опубликовал в 1856 г. статью «Торговля Азовского бассей-

на в 1850 годах» [Скальковский А.А., 1856, с. 7–40]. Основываясь на богатом статистическом материале, автор рассмотрел развитие внешней торговли на азовском направлении в течение десятилетия: с 1845 по 1855 гг. За этот период времени, по мнению А.А. Скальковского, азовские порты «заняли важное место в ряду русских отпускных рынков» [Там же, с. 7]. Если в 1845 г. все обороты азовской торговли по данным таможен составляли 9 047 620 руб. сер., то в 1850 г. — 9 457 960 руб. сер. [Там же, с. 8]. До 1836 г. Таганрог был фактически единственным важным центром внешней торговли на азовском направлении. Со временем упрочились позиции Ростова-на-Дону, Мариуполя и Бердянска.

Это свидетельствовало о появлении на азовском побережье новых центров отпускной торговли.

Расширение торговых связей Российской империи с народами и государствами Востока, развитие внутреннего производства и повышение потребительского спроса стимулировали возникновение новых отраслей в отечественной экономике, в том числе шелководства и шелковой промышленности. Истории развития этих отраслей в России посвящена статья, опубликованная в «Журнале МВД» в 1856 г. [Шелководство..., 1856, с. 162–200]. Неизвестный автор отметил, что начало развитию шелководства было положено в период царствования Алексея Михайловича, когда появились первые тутовые плантации близ Астрахани. Первое же шелковое производство было основано иранским армянином Сафаром Васильевым на реке Терек близ Кизлярского урочища [Там же, с. 170]. За период с 1798 по 1806 г. количество тутовых деревьев в России выросло с 665 172 до 2 017 587 шт. [Там же, с. 176]. Однако шелка-сырца не хватало, поэтому на протяжении всего рассматриваемого нами периода ввоз шелковых изделий и шелка-сырца из государств Востока оставался внушительным.

Ценность работ дореволюционных историков определяется тем, что они содержат разнообразный фактический и статистический материал, характеризующий российско-восточную торговлю по оренбургской линии. Несомненна заслуга авторов в том, что ими были определены основные методологические аспекты изучения данной проблемы.

1.3. Внешнеторговые связи России в освещении отечественных исследователей XX века

Историографическая традиция, заложенная дореволюционными исследователями, нашла свое продолжение в работах *советских авторов*. Необходимо отметить, что до середины 50-х годов данная проблема затрагивалась лишь в отдельных работах научно-популярного и публицистического характера. В 50-е гг. складывается школа исследователей, занимающихся изучением проблем взаимоотношения России со странами Азии. Расширяется проблематика исследований, большое внимание уделяется проблеме торгово-экономического соперничества великих держав, экономические проблемы рассматриваются в тесной связи с геополитической ситуацией и внешнеполитической экспансией европейских держав в страны региона; привлекается новый источниковедческий материал. В этих работах внешнеполитическая деятельность царского правительства оценивалась двояко: с одной стороны, исследователи подчеркивали, что установление экономических связей и дальнейшее присоединение территорий Средней Азии и Казахстана к России явилось мощным стимулом их дальнейшего развития, а с другой — характеризовали внешнюю политику России как колонизаторскую.

Среди первых крупных работ советских историков следует отметить монографию И.М. Кулишера «Очерк истории русской торговли», второе издание которой вышло в свет в 2003 г. [Кулишер И.М., 2003]. Содержащая богатый статистический и фактологический материал, работа внесла, безусловно, значительный вклад в изучение истории российского торгового предпринимательства. Однако отсутствие во многих случаях ссылок на источники вызывает немало вопросов. К примеру, без отсылки к источнику И.М. Кулишер рассматривает динамику морской торговли в последней четверти XVIII в. Следовательно, данные, приведенные Кулишером, неполны.

Среди крупных работ, посвященных связям России со Средней Азией и странами Среднего Востока, можно отметить исследования М.К. Рожковой, Н.А. Халфина, П.П. Иванова, Н.Г. Кукановой, Е.Я. Люстерник, А.Я. Соколова, Н.А. Кузнецовой, Х.А. Атаева, Б.П. Гуревича и др. [Рожкова М.К., 1949; Халфин Н.А., 1956, 1957, 1960, 1965, 1974; Иванов П.П., 1932, 1958; Куканова Н.Г., 1971, 1973, 1977, 1993; Люстерник Е.Я., 1960, 1966; Соколов А.Я., 1971; Кузнецова Н.А., 1979; Атаев Х.А., 1991; Гуревич Б.П., 1979].

Крупным исследованием, посвященным экономической политике России на Среднем Востоке, стала монография М.К. Рожковой. Исследовательница

ввела в научный оборот новый комплекс источников. Их анализ позволил дать оригинальную трактовку причин присоединения Средней Азии к России. Автор утверждает, что во второй четверти XIX в. российское правительство, как и представители различных слоев российской буржуазии, «столкнулись с наличием разрыва, существовавшего между ростом промышленности и ограниченностью внутреннего рынка крепостной России, что поставило перед ними задачу завоевания колониальных рынков» [Рожкова М.К., 1949, с. 382]. М.К. Рожкова подчеркивала значение внешнеполитического фактора. Анализ действия английских контрагентов на среднеазиатских рынках привел ученого к выводу, что проникновение английских промышленных товаров на рынки региона не оказало заметного влияния на среднеазиатскую торговлю России.

Большой вклад в разработку изучаемой проблемы внес известный советский историк, специалист по проблемам внешней политики России Н.А. Халфин. Он разработал концепцию преимущественного влияния геополитических факторов на развитие среднеазиатской политики страны. По мнению исследователя, экономическое проникновение России в этот регион было подчинено задачам военно-политической экспансии.

В статье Е.Н. Кушевой изложена история деятельности товарищества для сбыта изделий русской промышленности в ханствах Средней Азии, основанного в 1844 г. Автор убедительно показывает стремление российских купцов обосноваться на Аральском море и Сырдарье с целью создания экономического плацдарма для продвижения российского капитала в Среднюю Азию. В отличие от Н.А. Халфина, Е.Н. Кушева делает важный вывод о том, что решение проблемы обеспечения рынка сбыта изделиям российской промышленности явилось основным двигателем торговых мероприятий правительства в отношении к странам Среднего Востока.

Успехи политики России в Казахстане и Средней Азии дали возможность Петербургу не только упрочить экономическое положение страны в регионе, но добиться нормализации российско-китайских отношений в Центральной Азии и открыть для русской торговли Синьцзян. Этот аспект изучен Б.П. Гуревичем. Автор дал подробный анализ взаимоотношений России с народами Казахстана, Средней Азии, Восточного Туркестана и Алтая, подробно проанализировал роль изучаемого региона в обеспечении транзитной торговли с Китаем. Важным шагом в исследовании российско-казахских отношений в XVI–XVIII вв. стала работа В.Я. Басина [Басин В.Я., 1973]. На основе богатой документальной основы автор, рассматривая роль и место казахских жузов в системе внешней политики России, обращает особое внимание на вопросы развития торговли че-

рез казахские степи с Ираном, Индией, Афганистаном, ханствами Средней Азии и Китаем.

В свете нашего исследования следует выделить монографию Е.Я. Люстерник, посвященную анализу российско-индийской торговли на рубеже XVIII–XIX вв. [Люстерник Е.Я., 1966]. Для решения поставленной проблемы исследовательница первой среди отечественных историков обратилась к документам государственного архива Оренбургской области. Е.Я. Люстерник убедительно доказала взаимовыгодный характер российско-индийской торговли, подчеркнув исключительно важную роль в ней рынков Средней Азии. Роль среднеазиатского региона постоянно возрастала. Объяснение этому исследователь видит в невозможности для России осуществить политико-экономическую экспансию в Индию.

Немало работ последних десятилетий посвящено торговым отношениям России с Ираном. Среди них следует выделить монографию Х.А. Атаева «Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVII–XIX вв.» [Атаев Х.А., 1991]. В целом авторская концепция подтверждает положение о ведущей роли среднеазиатских рынков в осуществлении торговых связей России с Востоком. Вместе с тем, по нашему мнению, ученый несколько завышает посредническую роль туркменских племен в торговых связях России и Ирана. С выводом автора о том, что в конце XVIII — начале XIX вв. почти все торговые пути из Средней Азии в Восточную Европу проходили через туркменские земли, нельзя согласиться: это противоречит многочисленным описаниям караванных путей, сделанным российскими и восточными купцами и путешественниками.

Более взвешенно оценивает российско-иранские торговые связи Н.Г. Куканова. В монографии «Торгово-экономические связи России и Ирана в период позднего феодализма» она дает не только развернутую картину торгового взаимодействия двух государств на протяжении целой исторической эпохи, но и позволяет лучше оценить исторические причины и характер эволюции торгово-экономической политики России в центрально-азиатском регионе [Куканова Н.Г., 1993]. Рассматривая основные этапы российско-иранской торговли, автор показывает нарастание противоречий и трудностей к середине XIX в., что во многом объяснялось обострившимся англо-российским соперничеством на Среднем Востоке. Автор выделил основные этапы развития российско-иранских экономических связей, выявил главные тенденции торговой экономической политики России.

Непосредственно вопросам англо-российского соперничества на Среднем Востоке в XIX в. посвящены работы О.И. Жигалиной, Г.Л. Бондаревского,

Л.С. Семенова, Е.Л. Штейнберга, Ю.Ф. Юлдашбаевой, статьи А. Тихоновой, С.В. Шостаковича и др. [Жигалина О.И., 1990; Бондаревский Г.Л., 1966; Семенов Л.С., 1963; Штейнберг Е.Л., 1950; Юлдашбаева Ю.Ф., 1963; Тихонова А., 1957; Шостакович С.В., 1956].

В последние десятилетия исследователи не раз обращались к анализу торгово-экономических связей России и Средней Азии. Можно выделить несколько направлений в исследовании проблемы. Одни авторы (Х. Атаев, А.Я. Соколов, Е.В. Бунаков, Н.Г. Апполова, В.С. Батраков и др.) [Атаев Х., 1965; Соколов А.Я. 1971; Бунаков Е.В., 1941, 1956; Апполова Н.Г., 1948; Батраков В.С., 1956, 1958] рассматривали вопросы торговли России с народами Средней Азии, другие (Д.В. Валиева, И. Низамутдинов, И.А. Рустамов, В.С. Кузнецов, К.Ш. Хафизова) [Валиева Д.В., 1963; Низамутдинов И., 1969; Рустамов И.А., 1956, 1958; Кузнецов В.С., 1962; Хафизова К.Ш., 1973, 1974] изучали экономические отношения государств Средней Азии с сопредельными странами, третьи — исследовали торговые связи России и Индии (О.Ф. Соловьев, К.А. Антонова, П.Е. Матвиевский и др.) [Соловьев О.Ф., 1958; Антонова К.А., 1972; Матвиевский П.Е., 1969]. В работах названных востоковедов исследованы важнейшие вопросы торговых связей России со странами Востока. Авторы сходятся в определении ведущих целей среднеазиатской политики, по-разному оценивают они и средства проведения этой политики, но существенно то общее, что отмечают все вышеуказанные авторы, — стремление к тесному экономическому взаимодействию и сотрудничеству, стремление простых купцов разных стран к взаимовыгодной торговле.

Следует заметить, что в XX веке история Оренбуржья редко становилась предметом целостного научного исследования. Часто страницы оренбургской истории рассматривались лишь в контексте решения иных задач: изучения истории башкирского и казахского народов, развития горнозаводской промышленности на Южном Урале и т.д. Отсюда — те неизбежные недочеты, а порой и ошибки в выводах некоторых исследователей. Так, к примеру, готовя важный для исследователей сборник документов по истории Башкортостана, составитель и автор предисловия (Ф. Гумеров) допустил грубые ошибки, вкладывая в уста Петра I следующую фразу: «Оренбургский край всем Средне-Азиатским странам и землям есть ключ и врата» [Законы Российской..., 1999, с. 14]. О каком Оренбургском крае могла идти речь в петровскую эпоху? Недостатком работ по истории башкирского и казахского народов является не всегда объективная оценка роли и места Оренбуржья. Зачастую авторы просто «выхватывают» отдельные исторические факты, подтягивая их под свои концепции.

Вместо объективного и целостного исследования получается пестрая мозаика, составленная из сведений, отобранных под «себя». Как совершенно справедливо заметил Д.А. Сафонов, «историки Башкирии «забывают» о «казахском» вопросе; историки Казахстана — поступают с точностью до наоборот; историки Оренбуржья, ловко манипулируя понятиями «Оренбургская комиссия», «Оренбург» и т.п. создают иллюзию того, что все происходило на территории Оренбуржья, а не в какой-нибудь Башкирии; а еще есть историки казачества...и проч., и проч., и проч.» [Сафонов Д.А., 2003, с. 9]. Автор настоящего исследования, изучавший Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений России с государствами Востока в эпоху позднего феодализма, также пришел к выводу, что целостной и объективной истории Оренбургского края пока не создано. Среди наиболее значимых трудов хотелось бы отдельно выделить работу Д.А. Сафонова, исследовавшего историю Оренбуржья со времени начала деятельности Оренбургской экспедиции до учреждения Оренбургской губернии (1744 г.), а также исторический раздел, подготовленный С.А. Петровым для книги «Орденоносное Оренбуржье» [Орденоносное Оренбуржье, 1968]. Многие ученые неоднократно обращались к исследованию С.А. Петрова. Но, справедливости ради, следует заметить, что и в работе указанного автора содержится немало ошибок и неточностей. К примеру, ошибочно мнение автора о том, что «в конце XVII — начале XVIII века Казахстан представлял политически раздробленную страну», тогда как ни о какой государственности у казахов в этот период времени речи вести нельзя; допущены неточности в описании границ Оренбургской губернии, несправедлив, на наш взгляд, вывод о том, что «с 1746 года торговля с среднеазиатскими купцами и казахами сосредоточивается исключительно в Оренбурге» и т.д. (см. раздел «Страницы истории».- В.Ш.) Таких недоразумений у С.А. Петрова мы находим немало. Основанная на архивных источниках статья Л. Граммакова посвящена вопросам развития меновой торговли в Оренбуржье в XVIII–XIX вв. [Граммаков Л., 1941, с. 224–235].

Непосредственный интерес для нашего исследования представляет коллективная монография «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления» [Национальные окраины, 1997], в которой предпринята попытка выявления особенностей и закономерностей генезиса, инфраструктуры и механизма взаимодействия центральных и местных органов власти на основе регионального подхода. Применительно к нашей теме представляют несомненный интерес главы, посвященные Поволжью и Южному Уралу, Сибири, Казахстану и Средней Азии.

Подводя итоги современному состоянию изучения торгово-экономических связей России со странами Средней Азии и Ближнего Востока, можно отметить, что данное научное направление оформилось как самостоятельное. Историками решены многие принципиальные вопросы, сформирован основной корпус источников, определены основные тенденции развития проблемы. Вместе с тем многие кардинальные вопросы требуют дальнейшего изучения. Прежде всего, это относится к периоду второй половины XVIII — начала XIX вв. Недостаточно исследована также роль отдельных региональных торговых центров в развитии этого процесса, в частности, Оренбуржья.

1.4. Зарубежные исследователи истории внешней торговли России и проблематика их трудов

Вклад *зарубежных историков* в изучение проблемы можно оценивать двояко. С одной стороны, в трудах последних десятилетий затрагивались ее отдельные аспекты и предпринимались попытки исследования материалов дневников, отчетов и книг английских путешественников и миссионеров прошлого века. Это позволило обнаружить новые детали и нюансы многочисленных торгово-дипломатических контактов России в азиатском регионе. Так, ряд работ израильского историка М. Занда посвящен изучению торговой деятельности бухарских евреев на территории Средней Азии. Французский историк К. Пужоль в 1985 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Россия в Центральной Азии: путешествия и экспедиции с 1714 по 1840 годы», в которой дана общая картина отношений России с сопредельными странами. Для нас особый интерес представляет раздел диссертации, посвященный миссиям поручика А. Субханкулова в Бухару и Хиву в 1810 и 1818 гг. [Poujol C., 1985]. В 1998 г. в Париже была опубликована статья А. Бертон, посвященная торговой деятельности бухарских купцов в 1558–1920 гг. Небольшая по объему журнальная статья представляет собой весьма поверхностный экскурс по большому хронологическому периоду, тем не менее она интересна солидной библиографией, включающей как зарубежные, так и российские источники. А. Бертон пришла к выводу о том, что среднеазиатские рынки стали в эпоху позднего феодализма крупнейшим центром международной торговли в Центральной Азии, привлекавшим внимание торговцев из России, Ирана, Афганистана, Индии и Китая [Burton A., 1997].

С другой стороны, для большинства зарубежных исследований характерна тенденциозная оценка деятельности России в регионе. Экономическое про-

движение России в Центральной Азии рассматривается ими как в основном военно-политическая и дипломатическая экспансия, что, очевидно, не соответствует истинному положению вещей. Отсутствие доступа зарубежных исследователей к российским архивам приводит к досадным фактологическим ошибкам и неточностям, которые встречаются даже в солидных и хорошо фундированных работах.

В последние десятилетия торгово-экономические отношения на Востоке оказались в центре внимания многих зарубежных исследователей. Среди них — работы, непосредственно посвященные торговым связям народов Азии во второй половине XVIII—первой половине XIX века [Claude Markovits, 2000; William Schaw Lindsay, 2001; Sushil Chaudhury, Michel Morineau, 1999]. Особое место среди исследований следует выделить труды, в которых дается характеристика торговой деятельности индийских купцов и британской Ост-Индской компании [Charles MacFarlane, 2001; Seema Alavi, 2002; David Christian, 2003; Stephen Frederic Dale, 2002; Andrew Porter, 2001; Tirthankar Roy, 1999]. Авторы обращают внимание на широко развитые связи индийских купцов с соседними народами. На развитие этих связей не влияло порой и господство британской Ост-Индской компании: в обход запретов и искусственно созданных препятствий торговцы находили пути их преодоления. Важную роль в развитии российско-индийской торговли играла индийская диаспора Астрахани, представители которой вели оживленную торговлю по всему Волго-Каспийскому пути. Еще в XVII — первой половине XVIII в. были заложены прочные основы для взаимной торговли двух стран, которая, преодолевая многочисленные трудности, получила новый импульс в развитии в последующие десятилетия [Stephen Frederic Dale, 2002, p. 121–130].

В целом ряде зарубежных страноведческих исследований по истории государств Азии содержатся ценные материалы по торговым связям их народов с Россией. Среди них следует выделить труды М. Эванса, П. Сайкса, И. Лина, М. Лала, М. Хайдара, Ч. Хакке и др. [Martin Ewans, 2002; Sir Percy Sykes, 1981; I Lin, 1963; Mohan Lal, 2004; Mavsura Haidar, 2002; Charles O. Hucker, 1977]. Авторы обращают внимание на усиление англо-российского соперничества, которое сдерживало торговые связи народов Афганистана с Россией, а также активное проникновение европейского капитала на рынки Китая в середине XIX в.

Проблемам торгово-экономических взаимоотношений европейских держав и Японии, вопросам насильственного открытия этой дальневосточной страны посвящены работы Г. Сэнсома, В. Бисли и др. [George Sansom, 1963; William Beasley, 1995], японских ученых Накамуры Кооя, Акиямы Кэнзоо и др.

[Накамура Кооя, 1938; Акияма Кэнзоо, 1941]. По мнению Акиямы Кэнзоо, «судьба режима Токугава была решена, когда европейские и американские корабли стали прибывать в Ниппон (Японию.- В.Ш.) в возрастающем количестве, прилагая усилия открыть закрытые двери этой страны» [Акияма Кэнзоо, 1941, с. 477]. Россия не отстала от США и Англии: адмирал Путятин, прибывший в Нагасаки в августе 1853 г., добился заключения Симодского договора с Японией, который заложил правовые основы для двусторонней торговли [Там же, с. 479–480].

Развитие торгово-экономических отношений в Средней Азии, продвижение России в этом регионе и столкновение интересов Лондона и Санкт-Петербурга стали предметом исследования Г. Мирфендерески, Д. Христиана, Б. Тэйлора, О. Олуфсена, Ф.Г.Б. Скрайна, Э.Д. Росса, Р.Н. Фрайя, Х. Стамма [Guive Mirfendereski, 2001; David Christian, 1998; Bayard Taylor, 2005; Ole Olufsen, 2002; F.H.B. Skrine, Edward Denisson Ross, 2001; Richard N. Frye, 2006; Hugo Stumm, 1876]. Усилившееся в первые десятилетия XIX в. англо-российское соперничество в Иране привело к подрыву экономических интересов Санкт-Петербурга на рынках Среднего Востока. Предпринятые Россией меры к защите своих экономических интересов в Иране, в том числе путем введения запрета на ввоз европейских товаров на закавказский и иранский рынок через российскую территорию, оказались малоэффективными: дешевые английские промышленные товары вытесняли изделия российских мануфактуристов [Robert Grant Watson, 2005, p. 6–7].

Особую ценность для нашего исследования представляет работа Дж. Федерико, который изучил историю развития шелковой промышленности на протяжении целого столетия (1830–1930-е гг.) [Giovanni Federico, 1997]. Основанная на богатой документальной основе, работа ученого показывает значимость восточных сырьевых рынков для развивавшейся шелковой промышленности в странах Европы, а также России. Среди других монографических исследований следует отметить работы Роберта Гарделлы, Стюарта Кирби и Джона Эванса, посвященные экономической истории Китая в целом и китайской торговле чаем, в частности [Robert Gardella, 1994; Stuart Kirbi, 2006; John C. Evans, 1992]. Р. Гарделла, посвятивший свою работу изучению производства чая и чайной торговле провинции Фуцзянь, приходит к выводу о том, что чай — традиционный продукт китайской внешней торговли — играл заметную роль в российско-китайских торгово-экономических связях.

Значительный пласт зарубежной литературы посвящен путешествиям европейских миссионеров в страны Востока. Наблюдения британских эмиссаров,

побывавших в самых разных уголках Центральной Азии, видных лондонских политиков и дипломатов, известных европейских путешественников дают живую картину наиболее значимых событий в регионе, а также содержат описание экономического уклада, традиций, внешнеэкономических связей народов Востока. Практически все описания путешествий в той или иной степени затрагивают вопросы торгово-экономических связей народов Азии друг с другом, а также с Россией [Mountstuart Elphinstone, 1998; Frederick Burnaby, Peter Hopkirk, 1997; Alexander Burnec, 1992, 2001; William Griffith, 2001; Arthur Conolly, 2001; Charles Masson, 1997; Thomas Witlam Atkinson, 2000; G.T. Vigne, 2004; Fred Burnaby, 2001; William Moorcroft, George Trebeck, 2005; J.P. Ferrier, 2005; Arminius Vambery, 2001; Bayard Taylor, 2005]. Работы британских и других европейских авторов позволяют проследить эволюцию взглядов Лондона в отношении государств Востока, а также рост напряженности в Азии, связанный с усилением торгово-экономического соперничества на рынках Востока.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии накоплен значительный пласт научных исследований, посвященных различным аспектам торгово-экономических связей Российской империи с сопредельными государствами и народами Востока в эпоху позднего феодализма. Архивные документы позволяют расширить и уточнить некоторые положения, характеризующие восточное направление российской торговли на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. Изучение богатого наследия отечественной и зарубежной историографии позволяют подойти к целостному, комплексному анализу развития торгово-экономических отношений Российской империи с государствами Востока в рассматриваемый период.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

2.1. Аптекарский приказ и внешняя торговля России в XVII — начале XVIII века

Появление в России в XVI веке европейских врачей вызвало необходимость координации их деятельности и обеспечения страны лекарственными препаратами. С этой целью в 1620 году при царе Михаиле Федоровиче был учрежден Аптекарский приказ [6, с. 168]. В период его царствования в целях сокращения импорта лекарств из-за границы, расширения экспорта отечественных препаратов и лекарственного сырья были созданы специальные аптекарские сады. Однако полностью обеспечить страну только своими лекарствами Россия в это время, конечно, не могла. О том, что закупалось за границей, можно судить по некоторым историческим актам. Так, в «Росписи лекарствам, отпущенным из Аптекарского приказа под Смоленск к полковнику Якову Шарлу» от 22 июня 1633 года содержится большой список препаратов. Среди них мы встречаем и те, что были доставлены в Россию из-за границы: сандал (желтый, красный и белый), померанцы в сахаре, ладан простой, сироп фиалковый немецкий, розмариновый сахар, камень-аметист, сироп лимонный, масло кориичное и пр. [2, с. 474–475]. Перечисленные товары доставлялись в Россию как из стран Европы, так и из государств Азии. В 1644–1645 гг. из Аптекарского приказа были выделены лекарственные препараты по просьбе королевича Вольдемара [2, с. 479]. Среди них — чернильные орешки, камфара, винный камень, шафран, иссоп, алоэ, ревень, лавровый лист, венецианский терпентин, балсам индийский, сандал, трава сальвии, кора тамарикса, имбирь, хина, корица, кора граната, цедра апельсина, гиацинт и пр. [2, с. 479–491]. Эти лекарственные препараты и товары, считавшиеся таковыми в XVII веке, были доставлены в Россию из Индии, Турции, Китая, государств Средней Азии, стран Европы и из Африки. В данном случае речь шла, чаще всего, не о прямых торговых связях (кроме Турции и Китая), а опосредованных, когда товары из стран Азии, Африки попадали в Россию при посредничестве европейских купцов и аптекарей.

Расширение внешнеторговых операций российских купцов потребовало от правительственных органов усиления контроля за эпидемиологической и фитосанитарной ситуацией в приграничье. Для этих целей еще в 1592 году в Ржеве был учрежден первый Карантин (или Пограничная застава) [4, с. 151].

В период правления царя Федора Алексеевича Аптекарский приказ включал в себя целую сеть подсобных хозяйств, включая загородные огороды, птичьи дворы, хозяйственные постройки. Для оценки объемов поставки иностранных товаров в Аптекарский приказ особый интерес представляет «Опись Аптекарскому и иным дворам и Московского и иных городов уездов волостям и селам, и заводам, которые ведомы были Приказу тайных дел» [5]. На складах хранились лекарственные травы, в том числе шалфей, иссоп, майоран, а на птичьем дворе держали немецких и индийских кур [5].

Некоторые восточные пряности, ладан, благовония, которые в России употреблялись в качестве лекарства, доставлялись из Индии. Так, в 1663 году индийские армяне привезли в Москву и поднесли царю Алексею Михайловичу фрукты, благовония и ладан [3, с. 52]. Н. Костомаров отметил, что царь благосклонно принял иноземных торговцев, а «армяне заключили с правительством договор доставлять в Аптекарский приказ лекарства, особенно чупучинный корень (*Radix chinae*), но правительство не согласилось, чтобы привоз этих товаров был освобожден от пошлин» [3, с. 52–53].

С середины XVII века установились регулярные торговые отношения России с Китаем. Главным центром этой торговли первоначально был Тобольск. Китайские купцы доставляли сюда среди прочих товаров чай, бадьян, хину, ревень, бобровую струю и пр. [3, с. 58]. В самом конце XVII века центром российско-китайской торговли стал Нерчинск.

В немалом количестве в Архангельск из стран Европы доставлялись самые разные пряности и специи, которые часто употреблялись в качестве лекарственных средств. Н. Костомаров привел список этих товаров: перец, шафран, мускатный орех, корица, кардамон, гвоздика, которые продавались мешочками, ящиками, бочонками, кипами и связками [3, с. 237]. Также в Россию в значительном количестве поступал ладан. Кроме европейцев, его доставляли и восточные купцы. К примеру, в 1694 году армяне привезли 95,5 пудов ладана [3, с. 240].

Особое значение для внешней торговли имела торговля ревенем, который доставлялся в Россию бухарскими, русскими и татарскими торговцами. Торговля ревенем на протяжении длительного времени оставалась казенной. Местом своза ревеня был Тобольск. В конце XVII века ревень стали заготавливать и в Сибири. Вывоз этого лекарственного растения в страны Европы приносил российской казне немалую прибыль. Среди других лекарственных средств, вывозившихся из России, следует упомянуть струю кабарги, которую доставляли из Крыма.

В 1707 году Аптекарский приказ был преобразован в Аптекарскую канцелярию. Петр I перевел последнюю в Санкт-Петербург (1712 г.). По поручению императора в 1719 году в целях исследования лекарственных растений была направлена экспедиция в Сибирь и на Восток, в которой приняли участие ученые Мессершмидт, Буксбаум и Крашенинников [2]. В целях предотвращения привоза фальсифицированных лекарственных растений в России были изданы специальные «травники», содержащие описание и рисунки [7, с. 541].

Таким образом, со времени учреждения Аптекарский приказ (с 1707 г. Аптекарская канцелярия) являлся не только органом, координировавшим деятельность врачей и фармацевтов, но и активно участвовал во внешнеторговых операциях: в его функции входило приобретение лекарственных препаратов за границей, а также у иностранных купцов, приезжавших в Россию с товаром. Также по линии Аптекарского приказа осуществлялись закупка и продажа в Европу ревеня — важнейшего казенного товара, приносившего государству немалую прибыль.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — Т. 3: 1613–1645. — СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1841. — 501 с.
2. Аптекарское искусство / Энциклопедический лексикон. — Т. 2. — СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835. — С. 441–444.
3. Костомаров, Н. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях / Н. Костомаров. — СПб.: Тип. Н. Тиблена и Ко, 1862. — 299 с.
4. Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. — Ч. 3. — М.: Тип. С. Селивановского, 1831. — 416 с.
5. Опись Аптекарскому и иным дворам и Московского и иных городов уездов волостям и селам, и заводам // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. — СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1861. — С. 44–125.
6. Полное собрание сочинений К.А. Неволлина. — Т. 6: Исследования о различных предметах законоведения. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. — 634 с.
7. Успенский, Г. Опыт повествования о древностях русских / Г. Успенский. — Ч. 1. — Харьков: Универ. тип., 1818. — 815 с.

2.2. Внешняя торговля как фактор расширения границ Российской империи в XVIII веке

Внешняя торговля на разных исторических этапах играла особую роль в жизни государств. Нередко внешнеторговые интересы становились доминирующими в продвижении стран в самые отдаленные уголки мира, а также в расширении государственных границ за счет экономического освоения сопредельных территорий, а затем их военного и политического подчинения. Не стала исключением и Россия.

О важности развития торговых связей с ближними и дальними соседями в качестве одной из приоритетных задач государства не раз говорил Петр Великий. Один из образованнейших людей своего времени, купец 1-й гильдии Иван Вавилов очень метко заметил: «Великий Петр предугадал, какое положение в торговом мире он занять должен; он сделал все, чтобы привлечь в него внешнюю торговлю, а с тем вместе привести в большее обращение народный капитал и усилить производительность России» [2, с. 40]. Эти же мысли высказывали его современники Феофан Прокопович и Василий Татищев.

Поборником защиты интересов отечественных торговцев и всемерной государственной поддержки внешней торговли выступал сенатор И.В. Лопухин. Он был убежден, что при сохранении существующего правительственного курса, когда европейские торговцы имеют очевидные преимущества перед торговцами российскими, вряд ли стоит надеяться на укрепление позиций России на внешних рынках. Иван Владимирович полагал, что для российских купцов куда выгоднее торговля на восточных рынках, чем попытки пробиться на рынки Европы. Да и для отечественной экономики, с его точки зрения, российско-восточная торговля важнее. В одной из своих «записок» он не без иронии пишет: «Не имели бы мы по привычке такой надобности в сахаре, кофе, сукнах тонких и прочем подобном, и разрыв бы с Англией в Государстве [России. — В.Ш.] едва известен был» [3, с. 191]. Исправление ситуации И.В. Лопухин видел во введении новых законов, в корректировке правительственного курса: «Государство, как и человек частный, чем меньше имеет надобностей, тем меньше и зависимости, а чем меньше в нем зависимости от других, тем больше в себе господства и силы» [Там же]. Сенатор ратовал за расширение изучения иностранных языков, государственную поддержку науки, культуры и искусства, сохранение добрых национальных традиций в противовес слепому копированию западной культуры. Все это, по его мнению, положительно должно отразиться и на развитии внешней торговли империи.

На продвижение россиян в сопредельные регионы Азии и Америки во многом оказывала влияние потребность в мехах, реверне, некоторых других изделиях и в сырье, которые были необходимы для вывоза в Европу. В условиях неразвитого мануфактурного производства, зависимости внутреннего потребительского рынка России от импорта европейских готовых изделий, доминирования в отечественном экспорте сырьевых товаров российское правительство всемерно поддерживало внешнеторговую инициативу купцов и предпринимателей. Продвижение отечественного капитала в сопредельные регионы носило многовекторный характер. Наряду с уже традиционными направлениями внешнеторговых операций (через Астрахань, Кяхту, Архангельск, Колу и др.) отдельные российские купцы открывали и совершенно неизвестные и далекие рынки Востока. Некоторые торговцы проникали в Индию, Кашмир, Тибет, Палестину, Монголию и т.д. Первые, порой не всегда удачные опыты, впоследствии становились примером для других. Без преувеличения, российские купцы зачастую становились пионерами, первопроходцами в новых землях. Как мы уже отмечали, расширение империи, имевшей четко выраженный восточный вектор, приводило и к углублению различных форм связи с государствами Востока, среди которых торгово-экономические занимали доминирующее место [5, с. 474].

На протяжении всего XVIII века внешняя торговля Российской империи четко разделялась на западноевропейскую и восточную. Это было не просто чисто географическое деление. Эти два направления различались формами, средствами, способами, условиями торговли. Еще в первой половине века не только правительство, но и отечественные купцы осознавали, что восточное направление более выгодно, нежели европейское. Установление российскими купцами прямых торговых отношений с европейскими странами сдерживалось незнанием языков, особенностей торгового законодательства, препятствиями, чинимыми западноевропейскими торговцами, которые не хотели терять всех выгод от фактической монополизации российско-европейской торговли. С основанием же Оренбурга и началом постоянной караванной торговли с ханствами Средней Азии российские купцы стали обеспечивать динамично развивавшуюся отечественную мануфактурную промышленность необходимым сырьем (хлопком-сырцом, шелком, красителями и т.д.) и в то же время расширяли вывоз готовых российских изделий в казахские степи и в сопредельные страны Азии. Среднеазиатское направление российской внешней торговли имело свои особенности: в ханства для торговли выезжали в основном купцы-мусульмане или приказчики-татары, которым русские купцы доверяли свои товары. Иначе

и быть не могло. На протяжении практически всей второй половины XVIII века это направление российской внешней торговли было монополизировано татарскими купцами. Укрепление позиций России на ее южных рубежах было связано, прежде всего, с необходимостью обеспечения внешнеторговых интересов. В это время правительство не ставило задачу военных захватов, вооруженного продвижения вглубь Центральной Азии. К военной силе власти прибегнут значительно позже, в середине XIX века, когда резко обострится англо-российское торгово-экономическое соперничество на рынках Среднего Востока. В целях недопущения англичан в Среднюю Азию, продвижения британского купеческого капитала к южным границам империи, защиты торговых интересов отечественных купцов, Санкт-Петербург санкционирует поход Перовского на Хиву.

Расширение торгово-экономической деятельности на просторах Сибири и Дальнего Востока способствовало вовлечению новых, малоосвоенных регионов в экономическую жизнь огромной империи. Коренные народы этих гигантских по своим масштабам макрорегионов оказались втянутыми в меновую торговлю, испытали на себе цивилизирующее воздействие, стали воспринимать себя неразрывной частью великой России. Купеческий капитал продвинулся на Аляску, Гавайские острова, Курилы, Камчатку, в Даурию, Восточный Туркестан, в иные приграничные и сопредельные территории Азии. Торговая инициатива, природная смекалка, предприимчивость, целеустремленность — все эти качества, присущие отечественным торговцам, способствовали утверждению российского купеческого капитала в порубежье. Многочисленные обращения купцов к российскому правительству, различного рода «записки», жалобы, «мнения» по вопросам внешней торговли не оставались без внимания. На протяжении всего рассматриваемого периода российские монархи, органы государственного управления оказывали всемерную поддержку купечеству, видя в его деятельности «главнейшую отрасль народного богатства, следовательно, и народного благосостояния» [2, с. 1].

В связи с расширением торгово-экономической деятельности отечественных купцов в новых районах возникла необходимость правового регулирования статуса коренных жителей. Законы, принятые в период правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, получившее окончательное оформление в «Своде учреждений губернских» от 22 июля 1822 г. (№ 29125), определяли правовой статус так называемых инородцев, т.е. «в Сибири всех племен обывателей нерусского происхождения» [4, с. 310]. О вовлечении коренных народов Южной Сибири и Дальнего Востока в экономическую жизнь Россий-

ской империи свидетельствовало правовое отнесение лиц из их числа, занимавшихся торговлей, к первому разряду. Таких иностранцев считали оседлыми. Данный факт доказывал, что вовлечение их в экономическую деятельность (в том числе, во внешнеторговую) приводил к изменению самого уклада жизни коренных народов, к складыванию в их среде земледельцев, ремесленников, купцов.

Примечательно, что приращение территории Российской империи на протяжении всего XVIII века характеризовалось включением в ее состав, прежде всего, тех земель, которые имели особое значение для внешней торговли государства. Если при Петре I общие приобретения оценивались в 14 376 кв. миль, то при Анне Иоанновне они составили уже 37 500 кв. миль, а при Екатерине Великой — 33 209 кв. миль [1, с. 57]. Таким образом, со времени кончины императора Петра I, когда общая площадь России оценивалась в 282 454 кв. мили, территория государства увеличилась до 352 472 кв. мили к концу царствования Екатерины II [Там же, с. 56–57]. Большое значение для продвижения российского купеческого капитала в сопредельные земли Северной Америки, Азии, Европы имело включение в состав Российской империи Лифляндии, Эстляндии, Камчатки, Курильских островов, земель Средней и Малой Орды, Белоруссии, Крыма, Украины, Крыма, Кавказа, Черноморского побережья и т.д. Страна не только расширила выход к морям трех океанов, но и обеспечила надежную защиту своих внешнеторговых интересов на гигантской по своим масштабам территории порубежья. Все это позволило России к концу XVIII века заявить о себе как о значимом игроке на мировом рынке, как о стране, расширявшей географию внешней торговли.

Таким образом, на протяжении всего XVIII века внешнеторговые интересы подталкивали российское правительство к освоению новых земель, к укреплению торгово-экономических отношений с сопредельными странами, к защите своих экономических позиций на колоссальной территории порубежья. Впоследствии соперничество России с ведущими европейскими странами на рынках Востока вызвало необходимость обеспечения правового статуса российских купцов, защиты их интересов, в том числе с применением военной силы. Вся мощь государства была направлена на продвижение отечественного капитала в сопредельные страны, вовлечение населения окраин, зачастую становившихся посредниками между Россией и соседними государствами, в экономическую жизнь империи.

Список литературы

1. *Арсеньев, К.* Статистические очерки России / К. Арсеньев. — СПб.: Тип. Академии наук, 1848. — 503 с.
2. *Вавилов, И.* Беседы русского купца о торговле / И. Вавилов. — СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1846. — Ч. 1. — 201 с.
3. Записки сенатора И.В. Лопухина. Репр. воспроизведение // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
4. Свод учреждений губернских // Свод законов Российской империи: Свод учреждений государственных и губернских. — Ч. II: Учреждения губернские. — СПб.: в Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1833. — 842 с. (Т. 11).
5. *Шкунов, В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока / В.Н. Шкунов. — Самара: ПФ ИРИ РАН, 2007. — 578 с.

2.3. Государственно-правовое регулирование внешней торговли России с государствами Востока в XVIII веке

С воцарением на российском престоле Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича открывается новая страница в истории отечественной внешней торговли. На рубеже XVII–XVIII вв. в качестве основных направлений внешне-торговых интересов России были определены: прибалтийское, архангельское, черноморское, китайское и среднеазиатское. Особое значение для государственной казны на протяжении длительного времени имела российско-китайская торговля. Эти приоритеты нашли отражение и в законодательных актах того времени.

Широкомасштабные реформы Петра I открыли новые перспективы для развития внешней торговли России. Особое значение для государства имели торгово-экономические связи с сопредельными странами и народами Востока, поскольку из районов Азии доставлялось сырье, необходимое для динамичного развития отечественной мануфактурной промышленности. Восточное направление внешней торговли император оценивал как наиболее выгодное и перспективное для России по нескольким причинам. Во-первых, европейский рынок был почти не знаком российским купцам, так как экспорт отечественных товаров практически полностью был монополизирован иностранными торгов-

цами. Во-вторых, в российско-восточной торговле принимали активное участие российские мусульмане и армяне, хорошо знавшие восточные языки, а также традиции и обычаи народов Азии. Все это позволяло отечественным мусульманам и армянам достаточно комфортно чувствовать себя на рынках Востока. И, наконец, в-третьих, развитие торговых отношений с государствами и народами Азии отвечало имперским устремлениям российского императора, стремившегося к упрочению позиций России в сопредельных регионах Востока.

Внешнеторговая политика Российской империи на протяжении всего XVIII в. неоднократно менялась, что было вызвано изменениями в приоритетах внешней политики, обострением или улучшением межгосударственных отношений, переменами в тарифной и таможенной политике государства, потребностями внутреннего рынка и отечественного производства. В течение всего столетия по отношению к восточному направлению внешней торговли российское правительство проводило в основном протекционистскую политику, ограничивая доступ торговцев из стран Азии вглубь территории России, поощряя меновую торговлю в приграничных районах. Вместе с тем, многочисленные попытки купцов русской национальности наладить прямую торговлю с государствами Азии в XVIII в., как правило, оказывались безуспешными. Отчасти это было связано с тем враждебным отношением к русским, как к иноверцам, со стороны народов Средней Азии, Ирана, так и с незнанием языков, традиций и обычаев народов Востока. Кроме этого, немусульманские купцы должны были уплачивать таможенные пошлины в 2 раза больше, чем мусульмане. Все попытки российского правительства урегулировать проблемы торговых отношений с ханствами Средней Азии были неудачными: каждый раз во время официальных визитов российских посланников ханские чиновники обещали создать самые благоприятные условия для торговли русских купцов, но на практике эти обещания не выполнялись.

Несколько иное положение складывалось на черноморско-кавказском направлении внешней торговли. В 1701 г. в целях развития российско-турецкой торговли были приглашены стамбульские греки. Именно они на долгое время монополизировали российскую торговлю с Османской империей. Некоторые из них переехали в Россию на постоянное место жительства. В Санкт-Петербурге и далеко за его пределами, к примеру, знали выходца из Греции Ивана Андреевича Варваца, дедушку прекрасного русского поэта Дмитрия Петровича Ознобишина. Герой Чесменского сражения, получивший от императрицы Екатерины Великой многие привилегии, он за короткое время стал богатейшим человеком Российской империи, сколотив значительный капитал на торговых

операциях в Иране и Закавказье, а также на рыболовных промыслах осетровых в Каспийском море, включая иранские рыбные промыслы.

Расширение всемирной торговли к середине XVIII в. вызвало потребность в изменении национального внешнеторгового законодательства в Российской империи. Если в первой трети столетия отечественная казна получала немалые прибыли от реэкспорта китайских товаров в Европу, то к 1740 г. стал отмечаться возрастающий ввоз этих товаров в Россию европейцами через балтийские порты. Наплыв товаров из Европы негативно отразился на объемах российско-китайской торговли, что потребовало от правительства ужесточения действовавших правил торговли: с 1744 г. российским и иностранным купцам было запрещено привозить из Европы китайские, а также индийские товары «под опасением конфискации» [1, с. 156].

В целях расширения торговых связей с Ираном российские власти в 1750 г. установили отпускные пошлины по тарифу 1731 г., а на привозные товары — 5 % с рубля. При этом разрешалось купцам вносить пошлины как в российской валюте, так и в персидской золотой и серебряной монете.

Коренные изменения в российско-восточной торговле произошли с основанием г. Оренбурга, который за короткий срок превратился в ведущий центр внешней торговли Российской империи с государствами и народами Центральной и Средней Азии, а также Синьцзяном, Афганистаном, Пенджабом, Кашмиром, Тибетом и Индией. Для привлечения купцов к новому направлению торговли российским правительством были установлены пониженные (до 3 % — В.Ш.) ставки таможенных пошлин. В 1750 г. оренбургский торг был приравнен к ярмарочному, что означало возможность оптовой торговли на меновых дворах как самого Оренбурга, так и Троицка. Расширение оренбургской торговли совпало с изданием нового таможенного устава в 1755 г., упразднившего все внутренние таможи, что положительно отразилось на развитии как внутренней, так и внешней торговли. К этому же времени относится и введение паспортного режима выезда отечественных купцов и их приказчиков за границу, а также полного запрета на вывоз из России золота и серебра, а также золотой и серебряной монеты. Отметим, что российско-восточная торговля регулировалась в основном положениями так называемого Азиатского тарифа 1752 г. Так, с товаров, доставлявшихся в Оренбург и Троицк, взималось по 5 % с рубля. Лишь привоз золота и серебра из стран Востока был объявлен беспошлинным. Азиатский тариф был далек от совершенства. К примеру, ввоз из ханств Средней Азии хлопка-сырца, шелка-сырца и шерсти, в которых нуждались отечественные фабрики и заводы, имел самые высокие таможенные ставки.

В 1761 г. российское правительство издало еще один Азиатский тариф, регулировавший ставки пошлин в российско-китайской торговле. Он имел существенные отличия от тарифа 1752 г. Так, в Кяхте, а также в других центрах российско-китайской торговли пошлина была назначена с меры, веса и кусков. Так, чай был обложен пошлиной от 1 до 10 руб. за пуд. В отличие от оренбургского тарифа 1752 г. на китайском направлении российской внешней торговле разрешался беспошлинный ввоз хлопка, шелка-сырца, красителей. Также без пошлин разрешался вывоз в Монголию и Китай российских сукон, выбойки, писчей бумаги, игл, посуды и других готовых изделий [1, с. 172]. Этот же тариф запрещал вывоз в Китай соболиных, лисьих и песцовых (черных) шкур, серебра, золота, лошадей, кож, поташа, смольчуга, льняной пряжи, военных снарядов.

На протяжении всего XVIII в. российское правительство поощряло учреждение и деятельность торговых компаний. Одни из них действовали на протяжении многих лет, другие же существовали только на бумаге. В Санкт-Петербурге полагали, что от организованной, «компанейской» торговли будет больше выгоды для казны. Но, как показывает опыт всей истории российско-восточной торговли на протяжении XVIII столетия, деятельность торговых компаний так и не приобрела особого размаха (за исключением Российско-Американской компании, которая принимала участие и в российско-восточной торговле. — В.Ш.). Организацией таких компаний занималась, как правило, Коммерц-коллегия. Особенно активным процесс учреждения новых компаний по торговле с государствами и народами Востока стал в 50-е гг. Так, в 1755 г. для поощрения торговли с Турцией через Темерниковский порт была учреждена торговая компания в 200 акций по 500 рублей каждая. Первыми купцами, выразившими желание принять участие в ее деятельности, стали Хостатов, Шемякин и Ярославцев. Учитывая географию ее деятельности (не только Турция, но и Италия, Венеция и другие места), российскими властями было установлено, что компания будет находиться в ведомстве Сената. В 1758 г. учреждена компания по торговле с Ираном, учредителями которой стали армянин Иссаханов, Матвеев и Земской. Эта компания получила исключительное право отпускать отечественные товары сухопутным и морским путем через Астрахань и Кизляр в Иран. Остальным российским купцам запрещалось вести торговлю в Иране. Наконец, в 1760 г. граф Воронцов получил право учредить торговую компанию по Каспийскому морю для организации торговли в Бухарском и Хивинском ханствах, а также прибрежными туркменами.

Установление новых льгот и привилегий купечеству в период правления Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины Великой (в частности, освобождение от рекрутской повинности, разделение на гильдии и пр.) положительно отразилось на развитии российско-восточной торговли. Протекционистская политика российских властей была нацелена в последней четверти XVIII века на защиту отечественного производства и интересов российских купцов. Так, еще в 1763 г. был введен запрет на въезд восточных торговцев вглубь Российской империи, чтобы они не могли узнать настоящую цену товарам. Отметим, что этот запрет нередко нарушался и приводил к росту контрабанды в Россию. Присоединение Крыма и расширение российской внешней торговли по черноморско-азовскому направлению отвечало потребностям развития южных районов Российской империи.

В 1777 г. был издан тариф для Оренбургского направления внешней торговли. В соответствии с ним разрешался беспошлинный привоз в Россию из государств Востока хлопка-сырца, шелка-сырца, шерсти, а также крупного рогатого скота из казахских степей. Такой подход правительства свидетельствовал о стремлении расширить объемы импорта сырья для динамично развивавшейся отечественной мануфактурной промышленности. Определенные послабления в таможенной политике были сделаны российским правительством и на кизлярском направлении российско-восточной торговли в 1798 г.

Особенностью развития российско-восточной торговли в XVIII в. было государственно-правовое регулирование оборота отдельных видов товара.

Достаточно жесткие правила существовали в отношении экспортно-импортных операций по отдельным видам товаров, реализация которых приносила существенные доходы в государственную казну. Среди них следует отметить ревень, на который правительственная «регалия» была объявлена еще в XVII в. Петр I, стремившийся к значительному пополнению государственной казны, своим указом подтвердил монополию на продажу и покупку ревеня [ПСЗРИ, Т. IV, № 1967]. В первой половине XVIII в. этот овощ, считавшийся ценным лекарственным средством, закупался в сибирских городах Тобольске, Красном Яре, Кузнецке, бухарских городах Турфане и Камыне [2, с. 18]. С 1737 г. для закупки ревеня стал направляться особый комиссар с помощниками и купцами в Кяхту. С этого времени в Санкт-Петербург в большом количестве стал доставляться китайский ревень. Следует отметить, что государственная политика в отношении торговли ревенем неоднократно менялась на протяжении всего XVIII в. Так, в 1727 г. в соответствии с указом Верховного Тайного совета ревень был объявлен в свободную продажу, но уже в 1731 г. именным ука-

зом императрицы Анны Иоанновны он вновь стал предметом исключительной торговой монополии государства. Правительственная регалия на этот товар сохранялась вплоть до 1782 г., когда была разрешена частная торговля ревенем [ПСЗРИ, Т. X, № 7181].

Государственным органом, отвечавшим за покупку и доставку ревеня из Средней Азии и Китая, являлся Сибирский Приказ, деятельность которого в этой сфере координировалась сначала Семеновской приказной палатой (Москва), а затем Камер-Коллегией [ПСЗРИ, Т. IX, № 6714]. На местах закупкой ревеня занимались так называемые приставники, а также аптекари, которые отвечали за качество сырья. Кроме этого, наместники, волостели, а впоследствии и губернаторы были призваны строго следить за контрабандой ревеня. Объемы же контрабанды, по всей видимости, были внушительны. Не случайно еще в 1704 г. Петр I ввел смертную казнь за это преступление. Столь строгое наказание сохранялось в России вплоть до самого конца XVIII века. В 1735 г. к этому наказанию была добавлена конфискация всего имущества виновных [ПСЗРИ, Т. IX, № 6749].

Особую роль в российско-восточной торговле на протяжении всего рассматриваемого периода играл табак, объемы импорта которого значительно выросли к концу XVIII в. В соответствии с указом от 12 ноября 1698 г. «О сборе в сибирских и приморских городах таможенных пошлин», разрешалось в Нерчинске закупать китайский табак, который в то время называли «шар» [ПСЗРИ, Т. III, № 1628]. Однако весь закупленный (а фактически вымененный) табак продавать или менять на товары на территории России запрещалось: весь товар должен был поступить в казну. Заметим, что строгий запрет на частную торговлю табаком распространялся и на иностранных подданных. Даже послам и членам посольств из стран Востока запрещалось продавать табак в России; в противном случае «шар» конфисковывался в казну «безденежно».

Казенная торговля табаком просуществовала в Российской империи до 10 октября 1716 г., после чего была введена откупная система [3, с. 32]. После кончины императора Петра I были разрешены беспошлинный привоз табака и его свободная продажа в Дербенте, Баку и в крепости Св. Креста для нужд российских войск, дислоцировавшихся на Кавказе [ПСЗРИ, Т. VII, № 4757].

К середине XVIII в. объемы ввоза табака значительно выросли. Так, Теплов отмечал: «...вся Россия, или лучше сказать, вся Европа без изъятия и многие части Азии употреблением табака заражены» [ПСЗРИ, Т. XVI, № 11777]. Кроме европейского канала табак поступал в Россию по черноморско-

азовскому, кавказскому, среднеазиатскому и китайскому направлениям внешней торговли.

Таким образом, на протяжении всего XVIII в. внешнеторговая политика российских властей на восточном направлении внешней торговли неоднократно менялась. От провозглашения идей меркантилизма до жесткого протекционизма — таков эволюционный путь государственно-правового регулирования российско-восточной торговли. Заинтересованное в расширении и углублении взаимовыгодной торговли с государствами Востока российское правительство использовало весь арсенал имеющихся средств для продвижения отечественного купеческого капитала вглубь Азии. По большому счету, внешнеторговая политика Российской империи в XVIII веке охватывала не только сферу торговли, она сращивалась и с иными направлениями государственной политики: дипломатическим, военно-стратегическим, этноконфессиональным и др. Расширение границ Российской империи, имевшее четко выраженный восточный вектор, объясняло и стремление российского правительства к углублению торгово-экономических отношений с народами и государствами Востока.

Список литературы

1. Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год / А. Семенов. — Часть I. — СПб.: Тип. И.И. Глазунова и КО, 1859. — 295 с.

2. Толстой, Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II / Д. Толстой. — СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. — 258 с.

3. Чулков, М. История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II / М. Чулков. — Казань: Издание книгопродавца И. Дубровина, 1855. — 44 с.

2.4. Государственная торговая политика России в отношении Китая и проблемы правового регулирования российско-китайской торговли

В истории государственно-правового регулирования российско-китайской торговли можно выделить несколько этапов:

1) 1689–1728 гг. — время действия Нерчинского трактата, когда повысилась роль государства в осуществлении двусторонней торговли;

2) 1728–1762 гг. — период государственной (казенной) торговли с Китаем, запрещения частной торговой инициативы;

3) 1762 — до конца XVIII в. — отмена казенной торговли и разрешение свободного торгога с Китаем для частных купцов.

Каждый из указанных этапов имел свои особенности, обусловленные как развитием межгосударственных договорных отношений, так и характером, и объемами российско-китайской торговли.

Торговые отношения России с Китаем восходят к 1654 году [Зинченко Н., 1899, с. 1]. В самом исходе XVII века, в 1699 г., были опубликованы так называемые торговые Сибирские статьи, в которых очень подробно излагались правила о ввозе и вывозе товаров через Сибирь, о порядке снаряжения торговых караванов в Пекин, о взимании пошлин и т.д. [Чулков М., История краткая, с. 54]. Торговля с Китаем, ввоз в Россию ревения, чая, шелковых и иных изделий имели для отечественного рынка особое значение, поскольку китайские товары не только очень высоко ценились среди российской знати, но и являлись важнейшими продуктами реэкспорта в страны Европы. В соответствии с действовавшим законодательством, торговля с Китаем являлась исключительной монополией государства.

До 1727 г. российско-китайская торговля регулировалась в соответствии с условиями Нерчинского договора, заключенного 27 августа 1689 г. Проект этого международного договора с российской стороны обсуждали послы: ближний окольничий и наместник брянский Федор Алексеевич Головин, стольник и наместник елатомский Иван Евстафьевич Власов и дьяк Семен Корницкий. С китайской же стороны на переговоры в Нерчинск прибыли китайский посол, родственник императорской семьи Сумгут (Сонготу. — В.Ш.), который являлся командующим корпусом императорских телохранителей и главным воспитателем наследника престола, и другие видные китайские сановники [АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 1, 1689, д. 22, л. 2]. Наиболее важными вопросами дипломатических переговоров были проблемы определения российско-китайской границы и взаимной торговли. Безусловно, на характер и ход переговоров оказывала влияние военная угроза для российской делегации со стороны маньчжуров. Именно по этой причине Ф.А. Головин вынужден был уступить требованиям пекинской делегации и согласиться с признанием за Китаем значительной территории по нижнему и среднему течению реки Амур, а также по правому берегу реки Аргунь. Однако цинские власти часто нарушали условия Нерчинского договора, вводили запреты и, фактически, прекращали полностью торговлю, оказывая давление на российскую сторону. Вместе с тем, этот международный

договор был скорее исключением в общей картине российско-восточной торговли. Несмотря на всю его противоречивость, неравноправность, он стал одним из первых межгосударственных договоров России с государствами Востока, который закладывал основы взаимной торговли.

Спустя 3 года после заключения Нерчинского трактата, Петр I направил в Китай известного путешественника Избранда Инеса для решения вопросов о правилах торговли. Предложения российской стороны были приняты китайским правительством, что позволило впоследствии российским купцам вести торговлю не только в Пекине, но и в Урге.

В период правления Петра Великого сложились определенные правила осуществления казенной торговли в Китае. При караване находился комиссар, который непосредственно отвечал за выгодную продажу товаров. Безопасность в пути обеспечивал унтер-офицер гвардии. В 1731 г. был утвержден штат российского консула в Пекине. Также в состав каравана входили частные купцы и приказчики. Таким образом, общая численность казенного каравана порой доходила до 1 тыс. чел. Причем все эти лица проживали в Пекине за счет китайского правительства.

Товары для казенного каравана отпускались в Москве из Сибирского приказа присяжными государевыми ценовщиками, а после возвращения торговцев из Пекина казна выплачивала каждому купцу двойную цену за каждый китайский товар. Если же часть мягкой рухляди оказывалась невостребованной в Пекине, то ее вновь возвращали в Сибирский приказ. Таким образом, органы государственного управления фактически полностью контролировали весь процесс российско-китайской торговли на этапе ее казенной организации.

В Цинскую империю поставлялась в основном российская мягкая рухлядь, а также иностранная серебряная монета и серебро в разных изделиях (серебро обменивали на китайское золото. — В.Ш.). Все эти товары шли в обмен на китайские товары: золото и серебро в слитках, фарфор и драгоценные камни, ремень, шелк и шелковые ткани, бадьян, шпалеры, шторы и различную посуду [Корсак А., 1857, с. 21].

Дальнейшее развитие российско-китайские торговые отношения получили в 1727 г. с заключением Бурунского трактата об определении государственной границы между Россией и Китаем в районе Халха-Монголии (20 августа. — В.Ш.), разменного письма о демаркации границы на восток от Кяхты до верховьев реки Аргунь (12 октября. — В.Ш.) и, наконец, Кяхтинского договора 21 октября 1727 г. Переговоры о последнем договоре со стороны России возглавил граф С.Л. Владиславич-Рагузинский. Он же стал и инициатором строи-

тельства Кяхты как центра российско-китайской меновой торговли. В соответствии с Кяхтинским договором предполагалось направлять в Пекин один раз в 3 года торговый караван в 200 человек [АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 2, 1728, д. 240/7, л. 4 об.]. Торговые караваны были освобождены от каких-либо пошлин. Также предусматривалось проведение меновой торговли в Цурухайту, который, впрочем, не играл особой роли в российско-китайской торговле в силу отдаленности.

Важнейшую роль в развитии российско-китайских отношений, в целом, и торговых, в частности, сыграла Российская Духовная Миссия в Китае, которая на протяжении длительного времени фактически исполняла функции дипломатического подворья. Роль миссии трудно переоценить: она стала местом сбора ценнейшей информации о Цинской империи, изучения китайского и маньчжурского языков, изучения китайской культуры и т.д. Из донесений Российской Духовной Миссии, в частности, в России знали о таможенной системе Китая, о делопроизводстве, объемах ежегодных таможенных сборов и т.д. [Бичурин И. Статистическое описание..., 1842, с. 126].

В свою очередь, цинские власти также прилагали усилия к урегулированию межгосударственных отношений с Россией. Но не всегда эти стремления вызывали понимание со стороны российского правительства. Так, в 1731 г. китайский император направил в Санкт-Петербург посольство для поздравления Петра II с вступлением на престол. Из-за длительного переезда послы прибыли к церемонии коронации Анны Иоанновны. И хотя их в столице встретили очень радушно, ответного посольства из России в Китай не последовало, что вызвало недовольство императора [Корсак А., 1857, с. 58].

Внимание российского правительства к торговле с Китаем сохранялось на протяжении всего XVIII века. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные указы Правительствующего Сената, которые регулировали отдельные вопросы российско-китайской торговли. Так, к примеру, очень выгодная для России торговля ревенем, объявленная исключительной монополией государства, регламентировалась несколькими сенатскими указами. В соответствии с ними, в Кяхту из Санкт-Петербурга для контроля за качеством продукта направлялись специальные ученые аптекари, которые на месте оценивали сырье, его свойства и т.д. А 17 августа 1738 г. было указано впредь из столицы работных людей к аптекарю в Кяхту не направлять, а назначать на эту должность местных жителей [Чулков М., История, с. 161]. 30 мая 1739 г. Сенат направил в Кяхту еще одно указание. Лицам, ответственным за отбор ревеня, было предписано отбирать только чистый, небракованный продукт. Бракованные же рас-

тения предлагалось сжигать на месте [Там же, с. 163]. Такое решение было принято не случайно, т.к. отбракованный ревень часто доставлялся в центральные районы европейской части Российской империи, отчего казна несла убытки.

Новым этапом в развитии законодательства, регулирующего российско-китайскую торговлю, стал именной указ от 21 сентября 1739 г., когда китайский казенный караванный торг был отменен, а «велено быть ему отныне в вольной торговле» [Там же, с. 165]. Позже, в 1740 г. «партикулярные люди» получили право свободно торговать в Кяхтинском и Цурухайтуевском форпостах товарами, «которые в караване не употребляются» [Там же, с. 166]. Все эти меры способствовали тому, что кяхтинский торг со временем набирал обороты, а исключительно выгодная российско-китайская торговля становилась все более привлекательной как для купцов из европейской части России, так и из Сибири. Обратили внимание на кяхтинский торг и иноземные купцы, в частности бухарские. Однако не всегда их торговые операции отличались чистотой и порядочностью. Так, в том же 1740 г. Правительствующий Сенат указывал, что бухарец Мурат, один из основных поставщиков ревеня в Санкт-Петербург, стал все чаще привозить бракованный продукт. Чтобы этого впредь не было, Сенат обязал всех поставщиков ревеня привозить растение в очищенном виде, что позволяло избежать поставки брака.

Многие именитые российские купцы стремились заняться торговлей китайскими товарами, однако, в одиночку этого они не могли сделать в силу ряда причин. Во-первых, караванный характер торговли сохранялся, а это означало, что проводить самостоятельные торговые операции конкретные торговцы не могли. Во-вторых, путь от берегов Волги до Кяхты был опасным, сложным и очень долгим. Все это заставляло российских купцов держаться вместе. Не случайно Коммерц-коллегия 31 августа 1741 г. объявила о возможности объединить купеческие капиталы в рамках Китайской компании [Там же, с. 170]. Заметим, что это был не первый проект: еще в 1739 г. Сибирский вице-губернатор Ланг представил свои предложения по созданию компании знатных купцов. Проект был одобрен императрицей, но желающих объединиться в компанию не оказалось. В 1741 г. инициатором учреждения компании стал граф Остерман, который передал правительнице Анне Леопольдовне свое «мнение». Но и на этот раз никто из российских купцов не откликнулся на призыв правительства объединить свои капиталы [Корсак А., 1857, с. 39–40]. Таким образом, в конце 30-х — начале 40-х гг. XVIII в. российское правительство предпринимало меры к организации торговой компании из частных лиц для менового торга в Китае. Однако купцы, хорошо освоившие самостоятельный путь в Китай через Ургу, несмотря на запреты российских властей вести торговлю непосредственно на

территории Цинской империи, не спешили к объединению капиталов. На наш взгляд, одной из причин такого недоверия к предложениям правительства стал отрицательный опыт деятельности торговых компаний на других направлениях российской внешней торговли.

Отметим и еще одно обстоятельство, которое опосредованно влияло на развитие российско-китайской торговли в середине и во второй половине XVIII века. В это время в России появляется мода на китайские вещи. Российская аристократия вслед за европейской стремилась к приобретению изделий из китайского фарфора (посуда, статуэтки, скульптура и пр.), шелка, драгоценных камней и т.д. За такие вещи платили большие деньги. Вот почему российские купцы были заинтересованы в расширении поставок на внутренний рынок готовых изделий из Цинской империи. Это побуждало власти к созданию более благоприятных условий для торговли с Китаем. Но не все зависело от желания российского Правительства: китайские власти, проводя привычную политику самоизоляции, часто препятствовали деятельности купцов в приграничье. Всего же караванный торг с Китаем продолжался около 60 лет: если первый казенный караван был направлен в 1699 г., то в последующем караваны из России снаряжались в 1705, 1711, 1713, 1728, 1732, 1736, 1741, 1746 и в 1755 г. (последний караван) [Корсак А., 1857, с. 20].

Со временем казенная караванная торговля с Китаем становилась менее выгодной. Главными причинами такого положения стали следующие:

1) соперничество частных купцов, торговавших в Урге и вывозивших в Китай большое количество пушного товара;

2) ко времени прибытия казенного каравана в Пекин там уже скапливалось значительное количество российских мехов, что негативно сказывалось на всем ходе казенной торговли;

3) конкурентная деятельность частных купцов, доставлявших в Россию значительные партии китайских товаров, приводила к падению цен на них, вследствие чего казна теряла прибыль.

На российско-китайскую торговлю на протяжении всей первой половины XVIII века негативно влияло внутреннее таможенное устройство в Российской империи: купцам приходилось доставлять товар через многочисленные внутренние заставы, где с них собирали большие поборы. Безусловно, это негативно отражалось на ценах.

Нормативно-правовыми актами регулировалась и деятельность Кяхтинской таможни. Расширение российско-китайской торговли потребовало усиления таможенного контроля в приграничье. По ходатайству Сибирского приказа в августе 1754 г. Правительствующий Сенат определил штатную численность и

качественный состав кяхтинской таможни, а также поручил Коммерц-коллегии издать соответствующие инструкции. Примечательно, что в штат таможни были включены и переводчики с китайского языка, что свидетельствовало об углублении знаний о Китае, о становлении в России научного китаеведения. Любопытно, что полномочные комиссары в Кяхту назначались в соответствии с именными указами российских императоров. Так, в 1767 г. в соответствии с указом императрицы Екатерины II, в Кяхту в качестве полномочного комиссара был назначен полковник Кропотов [Чулков М.Д., с. 271]. Учитывая значительную отдаленность Кяхты от Санкт-Петербурга, многие вопросы, связанные с регулированием кяхтинского торгова, были делегированы Сенатом иркутскому губернатору. Именно он отвечал за организацию казенных поставок ревеня из китайского приграничья, а также за заготовку мягкой рухляди в обмен на ремень. Также, начиная с 60-х гг. иркутские губернаторы лично участвовали во время менового торгова в Кяхте, который все чаще стали называть «ярмаркой».

На законодательном уровне предпринималась попытка распространить ремень — один из важнейших товаров отечественной казенной торговли — в Даурии. Правительствующий Сенат поручил это важнейшее дело иркутским губернаторам. Но попытки сажать ремень близ Кяхты не увенчались успехом. Местный кяхтинский аптекарь засвидетельствовал, что в местном климате ремень родиться не может. Вплоть до 1782 г. торговля ременем оставалась исключительной монополией государства. Казна получала от его продажи значительные доходы; не случайно еще в 1704 г. (указ от 7 февраля. — В.Ш.) Петр I ввел смертную казнь за торговлю ременем частными лицами. Этот указ был подтвержден в 1735 г. [Корсак А., 1857, с.49]. Сравним цены на ремень. Так, пуд ревеня с доставкой от китайского пограничья до Санкт-Петербурга обходился в 37 руб. 07 коп., а отпускался за границу по цене 289 руб. [Андриевич В.К., 1887, с. 197]. Такой выигрыш в цене давал колоссальную прибыль казне.

В эти же годы расширяется ввоз в Россию китайского курительного табака (он назывался «шар». — В.Ш.). 17 ноября 1763 г. импорт китайского табака стал свободным. Правительство же установило ввозную пошлину в размере 10 коп. с каждого фунта [Чулков М.Д., История, с. 255].

В последней четверти XVIII в. в российско-китайской торговле происходят некоторые перемены. Они связаны, в частности, со структурными изменениями в системе управления кяхтинским направлением российско-восточной торговли. Так, в марте, апреле и сентябре 1775 г. именными указами императрицы Екатерины II по докладу Правительствующего Сената на российско-китайской границе в Троицкой крепости вместо таможни была учреждена Коммерческая экспедиция, а для сбора пошлин в Иркутске — Коммерческое

комиссарство. Этими же указами определялись новые штаты, должные обязанности, инструкции и т.д. [Чулков М.Д., История, с. 296].

Вопросы регулирования российско-китайской торговли периодически рассматривались на заседаниях Государственного Совета. К примеру, 14 февраля 1788 г. (по ст. ст. — В.Ш.) члены совета заслушали рапорт генерал-поручика Якоби из Иркутска о получении официального ответа из Пекина по вопросам торговли. В связи с тем, что иркутский губернатор задержал информацию о депеше из Цинской империи, ему было указано впредь не мешкать с информацией. Более того, к протоколу заседания был приложен указ генерал-губернатору прибыть в столицу «для удобнейшего решения разных его до того края относящихся представлений и для нужных распоряжений» [Архив, ч. 2, с. 641]. В Государственный Совет поступали рапорты о ходе торговли в Цурухантуевской пограничной таможне, о ценах на товары, объемах таможенных пошлин и пр. Сменившие Якоби на посту иркутского губернатора генерал-майор Арсеньев и генерал-поручик Пиль докладывали в Санкт-Петербург о всех наиболее значимых событиях в Цинской империи, а также о препятствиях на пути взаимной торговли. Из Государственного Совета в Иркутск отправлялись приказы, инструкции, указания.

Следует отметить, что Государственный Совет отвечал и за переписку с «Пекинским трибуналом». Так в его протоколах назывался Лифаньюань — Палата внешних сношений Цинской империи. 17 мая 1792 г. на заседании Совета были заслушаны рапорт генерал-поручика Пиля от 24 марта, а также известие о согласии цинского императора о возобновлении кяхтинского торгового дела: после длительного перерыва китайские власти разрешили вновь торговлю с Россией в мае 1792 г. [Архив Гос. Совета, 1869, с. 655]. В последующем иркутский генерал-губернатор подробно информировал Государственный Совет о ходе меновой торговли; в его рапортах содержались отчеты об ассортименте товаров, доставленных в Кяхту, условиях обмена и пр. Поражают объемы российско-китайской торговли. Так, к середине июня 1792 г. по донесениям директора Троицкой коммерческой экспедиции надворного советника Вонифатьева, российские купцы доставили в Кяхту отечественных товаров на 1 189 301 руб. [Там же, с. 656]. Таким образом, Государственный Совет непосредственно влиял на развитие российско-китайской торговли, рассматривая корреспонденцию из Лифаньюаня, заслушивая рапорты Иркутского генерал-губернатора и давая иркутской администрации конкретные распоряжения по вопросам взаимной торговли.

В 1792 году (8 февраля) между Российской и Цинской империями был заключен специальный акт о порядке российско-китайской торговли через

Кяхту и о пограничном режиме [АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 2, 1792, д. 242/10, л. 15–16 об.].

В последнее десятилетие XVIII в. с увеличением ввоза в Россию китайского чая и расширением его потребления россиянами возникла новая проблема: фальсификация чая. Считается, что первым фальсификатором продукта стал дворовый человек из Царскосельской вотчины г. Савелова, побывавший в составе российского посольства в Китае и узнавший там выделку чая. Поддельный чай стали изготавливать из кипрея (Иван-чай. — В.Ш.), а также некоторых других трав (сокольника, вероники, березовых почек, пушистых почек рябины и т.д.). Вскоре такой фальсификат стали называть в России копорским чаем по названию населенного пункта Копорья, места главного его производства. Фальсифицированный чай стал в большом количестве поступать из Петербургской губернии на Нижегородскую ярмарку, в Москву, в Прибалтику и т.д. [О подделке..., 1860, с. 214]. Однако в это время российские власти и торговцы настоящим китайским чаем еще не били тревогу. Запретительные меры последуют уже в начале XIX в., о чем мы расскажем ниже. Некоторые отечественные и зарубежные исследователи еще в XIX веке отмечали, что по-настоящему российско-китайская торговля стала развиваться лишь в самом конце XVIII в., когда главным предметом торга стал чай. Так, Дигамма отметил: «Более обширные и правильные торговые сношения с Китаем установились только в конце прошлого века (XVIII. — В.Ш.), когда начался ввоз в Сибирь чрез Кяхту китайских чаев. Уже к началу нынешнего века обороты этой торговли достигали 13 млн руб.» [Дигамма, 1899, с. 54].

Положение россиян непосредственно в Китае регламентировалось местными законами. Как отметил архимандрит Софроний, российские подданные, как и иные немногочисленные иностранцы, «пользуются великими вольностями» [Софроний, ЧОИДР, 1861, кн. 1, с. 81]. Так российские торговцы могли беспрепятственно передвигаться по Пекину, а также отъезжать по торговым делам от столицы на расстояние не более 48 верст. Кроме этого, россияне, проживавшие в Пекине, получали за счет императорской казны крупу из амбаров. В самой Цинской империи (в отличие от пограничья с Россией) китайские подданные стремились строго соблюдать условия договоров. Как заметил тот же архимандрит Софроний, такое поведение китайцев объяснялось страхом перед наказанием в случае жалобы иностранца: «...маньчжур и китаец боятся, чтоб иностранец не пошел на него в присутственное место жаловаться, в котором случае не токмо не получит от взятой по контракту в займы какой-либо вещи

барыш, но, напротив, претерпит великий убыток...» [Там же, с. 83]. Глава Российской Духовной Миссии отмечал и строгость китайских законов.

В самом Китае было немало очень богатых купцов, состоянию которых порой завидовали даже императоры. Особенно по объемам торговых капиталов славились пекинские купцы. Многие из них поддерживали торговые связи не только с разными провинциями Цинской империи, но и с сопредельными странами: Кореей, Японией, Сиамом, Тибетом, Бирмой, Индией и др. Торговое взаимодействие российских купцов с китайскими торговцами, безусловно, оказывало положительное влияние на первых. Коммерческий опыт китайских торговцев, их талант, проявлявшийся во время реализации товара, были востребованы российскими купцами. Но и отечественные купцы впитывали в себя все новое. Со временем они хорошо изучили особенности потребительского спроса в Китае, постигали сложности китайского языка, прекрасно разбирались в качестве китайских изделий, чая, сырья и т.д.

На протяжении всего рассматриваемого периода кяхтинское направление доставки китайского чая фактически носило монопольный характер. Росли объемы его ввоза. Если в период с 1755 по 1765 гг. в Россию через Кяхту доставлялось 12 тыс. пуд. чая, то в 1768–1785 г. — уже 29 тыс. пуд. [Субботин А.П., 1878, с. 277].

Таким образом, XVIII век стал новым этапом в развитии российско-китайской торговли. Заинтересованное в расширении торговых связей с соседним Китаем, российское правительство предпринимало меры к государственно-правовому регулированию двусторонней торговли. Они включали в себя целый комплекс мероприятий: от заключения межгосударственных договоров, закладывавших правовые основы торговли, до указов и распоряжений, касавшихся таможенного и пошлинного регулирования, организации подготовки казенных караванов и пр. В целом на протяжении всего XVIII века в вопросах государственно-правового регулирования российско-китайской торговли наблюдалась преемственность курса российского правительства, выражавшаяся в заинтересованности Санкт-Петербурга в расширении и упрочении торговых связей с Цинской империей, хотя подходы к организации и формам этой торговли, безусловно, менялись. Ключевыми событиями в истории российско-китайских торговых связей на протяжении XVIII века стали Кяхтинский договор 1728 года, прекращение казенной торговли в соответствии с указом императрицы Екатерины II в 1762 г. и новый торговый договор с Китаем 1792 г, после ратификации которого российско-китайская торговля получила мощный импульс в своем развитии.

Список литературы

1. Список с договору, каков постановил боярин Федор Алексеевич Головин китайского хана с послы Сумгута советником с товарищи на съезде на рубеже близ Нерчинска 7197 году // АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 1, 1689, д. 22, л. 2, 3 об.
2. Копия с трактата главного между Российской и Китайскою империи вечного мира, о границах, о перебежчиках, и о коммерции, и о прочем, учиненной чрез графа Саву Владиславича с китайскими министрами при Селенгинске, при речке Кяхте в 1728-м году июня 14-го дня // АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 2, 1728, д. 240/7, л. 3–7.
3. Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме // АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 2, 1792, д. 242/10, л. 15–16 об.
4. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 696 с.
5. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. — Т. II: 1725–1727. — М.: Наука, 1990. — 668 с.
6. Юзефович, Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович; Гос. публ. ист. б-ка России. — М.: Типография ГПИБ, 2005. — 292 с.
7. Архив Государственного Совета. Том I: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). Часть II: Отделение юридическое. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1869. — 932 с.
8. Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Изданы под ред. Н.И. Веселовского. — Вып. I. — СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. — 71 с.
9. Андриевич, В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года / В.К. Андриевич. — СПб.: Военная тип., 1887. — 236 с.
10. Бичурин, И. Статистическое описание Китайской империи / И. Бичурин. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1842. — 278 с.
11. Гессе-Вартег, Эрнест фон. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / Эрнест фон Гессе-Вартег / Пер. с нем. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1900. — 379 с.
12. Дигамма. Торговля с Китаем / Дигамма. — Томск: Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1899. — 72 с.
13. Зинченко, Н. Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли / Н. Зинченко. — СПб.: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1899. — 16 с.

14. Историческое и географическое описание Китайской империи / Пер. с нем. — М.: Универ. тип., 1789. — 123 с.

15. *Корсак, А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем / А. Корсак. — Казань: Издание книгопродавца И. Дубровина, 1857. — 445 с.

16. О подделке и подмеси чаев и обманах по чайной торговле // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1860. — Июль–сентябрь. — Книга 3. — С. 212–222.

17. *Чулков, М.* История краткая Российской торговли / М. Чулков. — М.: Тип. Пономарева, 1788. — 314 с.

2.5. Эволюция внешнеторгового законодательства в период правления Анны Иоанновны

Экономическое развитие Российской империи в период правления императрицы Анны Иоанновны — поучительная страница в истории нашего государства, требующая как дальнейшего изучения, так и переосмысления. Особого внимания заслуживает анализ эволюции внешнеторгового законодательства, отразившегося на динамике и характере развития отечественной внешней торговли как в период правления императрицы, так и при ее преемниках.

В конце зимы 1730 г., когда статус Анны Иоанновны еще не был толком определен, из Верховного Тайного Совета вышел указ «О предосторожности от заразительной болезни, открывшейся в Турции» [ПСЗРИ, Собр. 1, Т. 8, № 5502, с. 247]. Появление данного акта было вызвано опасением российских властей, что распространившаяся в Турции, а также на Сицилии и в Венеции чума вместе с иностранными товарами будет занесена в Россию. Такие оградительные меры правительства предпринимались каждый раз, когда возникала опасность возникновения пандемии. Чаще всего «моровая зараза» распространялась с товарами, перевозившимися из одного государства в другое, поэтому в целях санитарно-эпидемиологической профилактики власти вводили эмбарго на ввоз иностранных товаров. Пандемии в 30-е годы XVIII века охватывали разные регионы мира: России грозила опасность как со стороны Европы, так и со стороны Азии. 29 ноября 1738 г. Кабинет министров на доклад Сената принял резолюцию «О непропуске в Россию людей и товаров из мест, где свирепствует моровое поветрие» [Там же, Т. 10, № 7693, с. 657]. В конце лета — начале осени 1738 г. пандемия охватила многие районы Ирана и Закавказья, что привело к многочисленным жертвам. Купцы, находившиеся в это время за границей и

узнавшие о введении запрета на ввоз иранских товаров в Россию, искали безопасные пути возвращения на Родину.

С первых месяцев своего правления императрица Анна Иоанновна особое внимание уделяла развитию внешнеторговых связей с государствами Европы и Азии. Сенатским указом от 16 марта 1730 г. подтверждалось право российских и персидских подданных на свободное торговое мореплавание по Каспийскому морю, «дабы торги и пошлинный сбор пополнялись» [Там же, Т. 8, № 5516, с. 256]. В сентябре того же года вышел Сенатский указ о взимании таможенной пошлины в Астрахани с купцов, отправлявшихся с торговыми целями в Иран [Там же, № 5618, с. 323]. В январе 1731 года российское правительство разрешило закупать от казны в Иране медь монетой, в посуде и в слитках, а таможенным предписывалось установить строгий контроль за самовольным ввозом меди в Россию [Там же, № 5675, с. 365]. К концу 30-х годов XVIII века российско-иранские торговые связи упрочились. Адмиралтейство и Коммерц-коллегия периодически докладывали Сенату и Кабинету министров о торговле российских купцов в Иране, о препятствиях на ее пути. Российские власти старались решить некоторые проблемы. Так, Сенатским указом от 13 июля 1739 г. был введен запрет на использование для каспийского торгового мореходства ненадежных судов типа иверцев, так как нередкими были случаи кораблекрушений. Купцам предписывалось посылать в Иран только грамотных приказчиков, «дабы от неискусства их не могло тем купцам происходить в купечестве помешательства и обид» [Там же, Т. 10, № 7852, с. 814–815]. В целях предотвращения пиратских нападений на отечественные торговые суда на Каспии снаряжались два корабля «для искоренения российских воровских людей и охранения от разбоев как российских, так и персидских судов» [Там же, с. 815].

В марте-апреле этого же года Сенатским указом вводился новый порядок продажи казенных товаров. Впервые смольчуг, поташ, сало и треску стали продавать с публичного торга, что было выгодно казне, поскольку товар доставался лицу, предложившему максимальную цену. В это же время появляются законодательные акты, регламентирующие экспорт отдельных видов товаров. К примеру, в апреле 1730 г. вышел Сенатский указ об отпуске черной икры за границу: лучший продукт из Нижнего Новгорода поступал в Санкт-Петербург для дальнейшей отправки в страны Европы, а бракованная икра распределялась Коммерц-коллегией в Москву («две доли») и на Макарьевскую ярмарку («одна доля») [Там же, Т. 8, № 5541, с. 269]. Другой указ, принятый также в апреле, касался свободной продажи трески на внутреннем рынке. До этого треска, выловленная поморами, закупалась в казну для последующей ее продажи «за мо-

ре». Приведенные примеры свидетельствовали о смене курса правительства в отношении торговли так называемыми казенными товарами: государство искало более эффективные приемы реализации отечественных товаров на внешних рынках, что обеспечивало дополнительные доходы казне.

В отдельных случаях с одобрения императрицы Сенат откликался на частные просьбы иностранцев по вывозу российских товаров за границу. Поскольку такие решения носили единичные характер, они оформлялись Сенатскими указами. Примером может служить Сенатский указ от 9 июня 1730 года «Об отдаче английскому консулу Варду на комиссию для посылки в Англию поташа, ревеня, клея и прочих казенных товаров» [Там же, № 5572, с. 289]. То же самое касалось и передачи некоторых промыслов в частные руки отечественных купцов. К примеру, 27 января 1731 года вышел Сенатский указ о передаче китоловного, рыболовного, моржового и прочих промыслов на севере европейской части России «в компанию» Андрею Евреинову с братьями. Евреиновы получили право не только на производство промысла рыбы и морских животных в акватории Белого и Баренцева моря, но и в Гренландии. Все добытые морепродукты, рыбу и сало братья имели право сбывать за границу с оплатой пошлины «по Уставу и Тарифу» [Там же, № 5687, с. 373]. В апреле 1737 г. московский купец Матвей Евреинов получил высочайшее разрешение на закупку внутри России товаров на 10 тыс. руб. для обмена их на шелк в Кяхте [Там же, Т. 10, № 7217, с. 97]. 23 июля этого же года Евреинов с братьями получили право также поставлять для мены в Китай мягкую рухлядь на 10 тыс. руб. [Там же, № 7293, с. 190].

16 мая 1732 года именным указом иностранным купцам Шифнеру и Вульффу были переданы в откуп казенные товары, поташ и железо на 5 лет «в комиссию» [Там же, Т. 8, № 6058, с. 817]. Эти товары вывозились в Англию. 13 мая 1735 года Сенатским указом были утверждены «Кондиции, постановленные с бароном Шафировым о промысле морских зверей на Белом море и Северном океане» [Там же, Т. 9, № 6734, с. 516–518]. Барон получил право добычи морского зверя, китов и ловли рыбы на огромной акватории Северного Ледовитого океана, включая и прибрежные воды Гренландии, а также право продажи сала, являвшегося важным экспортным товаром, в европейские страны.

Расширение промыслов на Севере вызывало потребность в большом количестве соли. Поморы нередко жаловались на ее недостаток, что порой приводило к порче добытой рыбы. В сентябре 1739 г. вышел именной указ «О позволении привозить к Архангельскому порту до 500 пудов заграничной соли» [Там же, Т. 10, № 7914, с. 914]. Однако такое количество соли предназначалось ис-

ключительно для соления мяса и рыбы, поставляемой ко Двору императрицы. Дефицит соли для промысловиков сохранился.

Отдельные законодательные акты, принятые в период правления Анны Иоанновны, касались правового регулирования торговых отношений Российской империи с сопредельными государствами. К числу таких актов, к примеру, относился Сенатский указ «О российском караванном торге с Китайским государством» [Там же, Т. 8, № 5666, с. 354]. Его появление было вызвано участившимися случаями незаконной торговли российских поданных в Китае, в том числе мягкой рухлядью. Указ подтверждал отправку казенного каравана с мехами и иными отечественными товарами 1 раз в 3 года; в нем четко регламентировался порядок организации и сопровождения казенных караванов в Пекин и в Ургу. Китайское направление российской внешней торговли считалось одним из главных в период правления Анны Иоанновны. Его значимость еще больше повысилась, когда в декабре 1735 г. вышел именной указ «О покупке китайского серебра и об отправлении оногo в Москву для делания монеты» [Там же, Т. 9, № 6843, с. 654]. Серебро поступало в Москву в Монетную канцелярию для изготовления отечественной монеты. В июне 1737 г. Сенат принял указ «О дозволении продавать китайские караванные товары желающим покупать оные большими статьями, без разбора на партии» [Там же, Т. 10, № 7305, с. 196–197]. В эти годы товары, доставленные из Китая, поступали на продажу в пользу казны. Однако цена некоторым китайским товарам, по мнению императрицы, была низкой, как, например, на камку. Кроме этого, наиболее ценные товары («каменные, также и серебряные, и медные вещи, и фигуры») подолгу оставались в распоряжении Сибирского приказа, а затем продавались в той же Москве. Таким образом, Двор даже не располагал информацией о том, какие же товары были в очередной раз привезены из Китая. Указом от 22 июня 1739 г. порядок реализации китайских «десятичных» товаров менялся: служащие Сибирского приказа должны были сначала отправить ко Двору полный список китайских товаров и только потом, получив Высочайшее разрешение, приступать к их реализации [Там же, № 7838, с. 807–808].

В конце 30-х годов сохранялась проблема контрабандного вывоза в Китай ценных российских мехов, что нарушало установленные запреты. Правительство было обеспокоено широким размахом контрабанды и неоднократно, как уже отмечалось выше, ужесточало меры в отношении виновных. Объяснялось это просто: российские власти стремились вывести сбыт отечественных мехов в Китай в разряд «первого достоинства к государственной прибыли» [Там же, № 7895, с. 895]. Впервые в этом указе дана оценка объемов контрабанды:

«в Пекине против казенного каравана китайские купцы разве втрое такие же товары от российских границ туда же привозят, отчего в казенном нашем торге великое чинится помешательство и убыток» [Там же, с. 896].

Китай привлекал внимание российских властей не только в торговом плане, но и как государство, обладавшее уникальными технологиями. В сентябре 1738 г. императрица дала указание направить сына управляющего Нерчинскими заводами Степана Домеса в Китай для изучения способов отделения золота от серебра и серебра от золота и свинца. Сам Домес уже бывал в Китае, изучал опыт пекинских мастеров [Там же, № 7650, с. 602]. Проживание в Китае российских подданных расширяло их знания не только о Поднебесной, но и о других государствах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Примечателен и другой пример — с сибирским купцом-«серебряником» Осипом Мясниковым, который во время пребывания в Пекине, куда он отправился с казенным караваном, пытался постигнуть премудрости китайского ремесла. Однако китайские власти строго охраняли секреты производства некоторых изделий. Если оценивать действия российского купца с современных позиций, то он занимался не чем иным, как промышленным шпионажем. Мясников обратился за помощью в Санкт-Петербург. Здесь его «доношение» было рассмотрено в Кабинете министров. Мясникову было разрешено отобрать 3 способных ремесленных молодых людей и выехать с ними в должности целовальника с ближайшим казенным караваном в Пекин. Правительство поставило перед ними задачу: изучить на месте китайские ремесла, а по пути проведать и залежи руд. После возвращения в Россию Осип Мясников должен был прибыть в Санкт-Петербург «с рапортом о его науках, чему он сверх прежнего обучится, и какие курioзные вещи он там сыскать мог» [Там же, № 7898, с. 897–898].

Пожалуй, одним из самых важных решений императрицы в отношении китайского торгога стала отмена его казенного характера. 21 сентября 1739 г. вышел именной указ «Об отмене китайского караванного казенного торгога» [Там же, № 7906, с. 908]. Этим актом определялось создать с будущего года Китайскую компанию, состоящую из «знатных» купцов и прочих лиц. Запись желающих вела Коммерц-коллегия. А 1 февраля 1740 г. некоторые позиции правительства в отношении российско-китайской торговли были конкретизированы резолюцией императрицы на сообщение Сената [Там же, Т. 11, № 8017, с. 20–31]. Наконец, 9 сентября 1740 г. вышел Сенатский указ «О незапрещении на китайской границе партикулярным людям производить торговлю такими товарами, которые в караванном торге не употребляются» [Там же, № 8234, с. 247]. 11 сентября Сенат специальным указом подтвердил стремление создать

Китайскую торговую компанию и призвал купцов записываться в нее через Коммерц-коллегию «немедленно» [Там же, № 8238, с. 256].

Некоторые законодательные акты касались регламентации торговых отношений России со среднеазиатскими ханствами. В июле 1731 года Сенатским указом «О пошлинах с торговли, производимой в Астрахани, бухарскими и другими иноземцами» устанавливались размеры таможенных сборов с иностранных купцов, торговавших в Астрахани [Там же, Т. 8, № 5799, с. 514]. Уделяя особое внимание развитию очень выгодных торговых связей с Ираном, российские власти прилагали усилия к четкому регулированию российско-иранской торговли. 21 января 1732 года был обнародован «Трактат между Россией и Персией», в соответствии с которым российская сторона вернула Ирану прикаспийские провинции, завоеванные еще Петром Великим, а также закрепила правовые основы межгосударственных торговых отношений [Там же, № 5935, с. 614–620]. 23 ноября 1734 года в российско-иранский трактат 1732 г. были внесены «кондиции» о привилегиях и беспошлинной торговле российских купцов в Иране [Там же, Т. 9, № 6648, с. 431–432]. Позже условия взаимной торговли были подтверждены российско-иранским трактатом от 16 марта 1735 г. [Там же, № 6707, с. 492–496]. Вместе с тем российско-иранские отношения в 30-е годы XVIII века не всегда были мирными. Именно по этой причине в Кабинете министров были возмущены участвовавшими сообщениями о том, что российские подданные в большом количестве продают строевых лошадей и верблюдов в Иран через Кизляр [Там же, № 7002, с. 872]. Среди продавцов было названо имя рыбинского купца Тимофея Иванова, который вместе со своими земляками пригнал из Кизляра в лагерь шаха 5 тыс. лошадей и 600 верблюдов. Решением Кабинета министров от 3 июля 1736 г. был введен запрет на продажу лошадей в Иран.

Российское правительство стремилось к установлению торговых связей и с теми сопредельными государствами, с которыми у России торговли еще не было. Примечательна в этом отношении «Инструкция, данная начальнику Охотска Григорию Писареву», в которой было изложено четкое поручение наладить торговлю с Японией: «...подать причину дружбы и искать способа к свободному торгу; также лежащие между Японии острова велеть осматривать, какие на них народы живут, и какое довольство имеют» [Там же, Т. 8, № 5813, с. 523–524]. К этой же задаче правительство вернулось в мае 1732 года, когда Сенат издал указ «Об отправлении капитан-командора Беринга на морских судах для проводывания новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткой» [Там же, № 6042, с. 774]. В инструкции Берингу указывалось на необходимость

изыскать способы «с японцами торг завести, что не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться» [Там же]. Внешнеторговые интересы российского правительства простирались и на другие регионы Азии. 28 декабря 1732 года были приняты «Высочайше утвержденные правила, данные капитан-командору Берингу», в которых ставились новые задачи: предпринять попытку установления торговых связей не только с Японией, но и изучить морские пути до Мексики, Кореи, тихоокеанского побережья Северной Америки [Там же, № 6291, с. 1002–1013]. В «правилах» особо подчеркивалась необходимость изучения природных богатств новых земель, установления дружественных отношений с коренными народами, завязывания с ними торговых связей. Интерес к Японии на протяжении 30-х годов XVIII века носил устойчивый характер. Анна Иоанновна мечтала рано или поздно установить торговые связи со Страной Восходящего Солнца. В этих же целях 10 мая 1736 года был издан Сенатский указ о прикреплении крещеных японцев Козьмы Шульца и Демьяна Поморцова к Академии наук «для обучения японскому языку» [Там же, Т. 9, № 6956, с. 812].

Поворотным пунктом во внешней торговле Российской империи стало принятие именного указа «О свободной торговле всякого звания иноземцам в России с уплатой положенной с товаров пошлины» [Там же, Т. 8, № 5806, с. 516]. В соответствии с этим указом всем иностранцам разрешалось приезжать по торговым делам в Российскую империю как морским путем, так и через сухопутную границу при условии оплаты положенных пошлин. Торговать иностранцы могли как в Москве, так и в других городах страны, но только оптом; розничная торговля для иностранцев по-прежнему была запрещена. При закупке в российских городах товаров они должны были оплатить внутреннюю пошлину в ефимках, а в порту или на границе — портовую вывозную пошлину. В декабре 1737 года Сенатским указом было установлено, что российские купцы, отъезжавшие по торговым делам за границу, должны были получать паспорта от губернаторов или провинциальных воевод [Там же, Т. 10, № 7457, с. 367]. Такое решение было вызвано необходимостью усилить контроль за тем, чтобы купцы не отклонялись от маршрута и не могли провозить необъявленные товары. А в феврале 1738 г. этот указ был усилен и конкретизирован новым, обязавшим купцов удостоверить по месту жительства отсутствие у них каких-либо долгов [Там же, № 7516, с. 420–421]. В мае 1733 года специальным сенатским указом разрешалось взимать пошлину за вывоз казенных товаров не только ефимками, но и испанскими пиастрами [Там же, Т. 9, № 6397, с. 124].

Торговые отношения с зарубежными странами регулировались и двусторонними межгосударственными договорами. В качестве примера можно привести трактат с Англией «О дружбе и взаимной между обеих держав коммерции» от 2 декабря 1734 г. [Там же, № 6652, с. 436–443]. Англия в рассматриваемый период оставалась одним из главных торговых партнеров Российской империи на европейском направлении отечественной внешней торговли. Заключение межгосударственных договоров являлось и следствием окончания войн, которые вела Россия в период правления Анны Иоанновны. Так, к примеру, было после окончания войны с Османской империей. 18 сентября 1739 года был обнародован «Трактат между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде» [Там же, Т. 10, № 7900, с. 899–904]. Среди прочих вопросов в нем были освещены следующие: о свободной взаимной торговле, «о беспошлинном россиянам посещении Иерусалима» и о назначении российского резидента в Стамбул.

Определенный вклад в развитие внешнеторгового законодательства внесло принятие «Морского пошлинного регламента или Устава», в котором четко излагался порядок взимания пошлин с иностранных судов, осмотра товаров, их конфискации и т.д. [Там же, Т. 8, № 5733, с. 409–446]. В то же время некоторые новые законы вступали в противоречие с другими законодательными актами. Например, в соответствии с указами Петра I запрещалось взимать пошлины с личных вещей послов и резидентов иностранных государств, приезжавших в Россию в дипломатических целях, а в соответствии с Морским торговым уставом с них взималась пошлина. Это противоречие было разрешено Сенатским указом от 11 июня 1733 года, которым разъяснялось, что возврат взысканных в качестве пошлин сумм должен производиться Коллегией иностранных дел [Там же, Т. 9, № 6435, с. 162].

Нередко политика вмешивалась в развитие внешней торговли: межгосударственные противоречия или, наоборот, союзы, заключаемые между монархами, накладывали существенный отпечаток на правовое регулирование внешнеторговых операций. Так, к примеру, было в августе 1735 года, когда в Стокгольме был заключен Трактат со Швецией с двумя сепаратными артикулами [Там же, № 6782, с. 551–558]. Этим договором разрешалось шведским купцам закупать в Российской империи беспошлинно хлеб, пеньку, лен, пеньку, мачтовый лес на 100 тыс. руб. в год. Это право было подтверждено сенатским указом от 17 апреля 1736 г. [Там же, № 6940, с. 800]. Другим примером, когда политика довлела над торговлей, стал запрет на ввоз в Россию польских календарей [Там же, Т. 10, № 7715, с. 680]. Дело в том, что в напечатанных во Львове ка-

лендарях содержалась информация с «зловымышленными и непристойными пассажами» в адрес Украины и ее нахождения в составе Российской империи. Это возмутило императрицу, и она приказала сжечь все календари, попавшие в Киев, и впредь такие издания из Польши не допускать. В марте 1740 г. в связи с большим отпуском мягкой рухляди в Турцию, которую доставило «великое посольство» по случаю заключения трактата, был введен запрет на вывоз мехов из России [Там же, Т. 11, № 8033, с. 43]. Уже в сентябре этого же года именным указом был снят запрет на вывоз некоторых мехов за границу: разрешалось экспортировать шкуры хорька и хорьковые шубы, меха корсака, белки (и шубы беличьи), норки, куницы, ласки, волка, кошки (шубы из меха кошки), шубы заячьи [Там же, № 8231, с. 245–246].

В рассматриваемый период выходили и законодательные акты, подтверждавшие или устанавливавшие торговые льготы и привилегии для отдельных регионов империи, народов или социальных групп. Это было своеобразной формой признания особых заслуг, особой роли территорий или этносов. В качестве примера можно привести Сенатский указ от 10 января 1734 года, в соответствии с которым подтверждались права донских казаков на беспрепятственную торговлю с приезжавшими на Дон греками, турками и армянами, подданными Османской империи [Там же, Т. 9, № 6530, с. 252]. Тем же указом запрещалось грекам и армянам, российским подданным, выезжать в Турцию для торговых целей без паспортов.

Выходили в это время и законодательные акты, устанавливавшие особые торговые льготы и привилегии конкретным лицам. 21 августа 1735 года императрицей была подписана особая грамота, даровавшая Иллирийскому графу Гавриле Владиславичу право на «свободную торговлю незапрещенными товарами с платежом узаконенных пошлин» [Там же, № 6792, с. 564]. Этот акт — отклик на особые заслуги графа и его родственников в войне с Турцией. В августе 1736 г. Сенатским указом было разрешено джультинскому армянину Авету Коросову и санкт-петербургскому купцу Якову Молтреху основать в Астрахани суконную и другие фабрики с правом закупки импортного сырья и предоставлением льгот на 15 лет [Там же, № 7036, с. 603–604]. Отдельные регионы Российской империи получали исключительное право на отпуск определенных отечественных товаров за границу. К примеру, 17 октября 1737 г. Сенатом был разрешен отпуск за границу свинца и сырых кож из Риги и Аренсбурга, что не допускалось в других регионах империи [Там же, Т. 10, № 7403, с. 317]. Другим примером предоставления особых льгот стал именной указ императрицы от 2 декабря 1737 г. «Об освобождении от постоя домов голландских купцов в

городе Архангельске» [Там же, № 7452, с. 365]. В феврале 1738 г. в адрес тайного советника В.Н. Татищева был направлен именной указ императрицы «Об учреждении с киргизцами и другими народами торговли для вымена у них верблюжьей шерсти» [Там же, № 7511, с. 408]. Появление этого указа было вызвано возраставшими потребностями отечественной мануфактурной промышленности в верблюжьей шерсти и большим спросом на сукно.

Некоторыми указами императрицы регламентировался отпуск хлеба за границу. Еще в начале века в период правления Петра I был определен четкий порядок экспорта российского хлеба: если зерна в России было достаточно, и цена на хлеб не поднималась выше принятого максимума, отпуск его за границу разрешался. Так, 16 марта 1739 г. вышел Сенатский указ, в котором определялись критерии экспорта хлеба: его можно было вывозить, если в Московской губернии и в рядом расположенных городах цена на хлеб была ниже 1 рубля за четверть, на рожь — ниже 80 коп. [Там же, № 7776, с. 745–746]. А 30 июня 1740 г. указом из Кабинета ее Величества в Коммерц-коллегию был запрещен вывоз хлеба за границу. Связано это было с незавидным прогнозом на урожай летом 1740 г. и опасением, что хлеба не хватит [Там же, Т. 11, № 8151, с. 171–172].

Во внешней торговле стали использоваться и новые формы привлечения иностранных купцов к торговле в Российской империи. 31 мая 1731 года Сенат издал указ «О приглашении иностранцев чрез газеты приводить немецких лошадей на Рижскую ярмарку для продажи беспошлинно в продолжение десяти лет» [Там же, Т.8, № 5765, с.469]. Собственно, речь в этом указе шла не просто о рекламных объявлениях в газетах, но и об издании специальных «плакатов» — прообраза современных рекламных листов. Также при возникновении различных недоразумений и препятствий в торговле иностранных купцов российское правительство законодательными актами, носящими оградительный характер, обязывало местные и региональные власти оказывать им всемерную поддержку и защиту. Так, к примеру, поступил Сенат в отношении польских и литовских купцов, торговавших в Риге: 1 декабря 1733 года вышел указ «О безопасном продолжении торговли подданным Королевства Польского и Великого Княжества Литовского в Риге и других подвластных Российской державе городах» [Там же, Т. 9, № 6513, с. 240]. А в ноябре 1737 года Сенат рассмотрел вопрос о вексельной практике российских и иностранных купцов. Поскольку некоторые отечественные торговцы использовали векселя при торговых сделках в Европе (как например, поручик Илья Неронов в Лондоне), Сенат посчитал необходимым расширить практику использования векселей в соответствии с Век-

сельным уставом [Там же, Т. 10, № 7448, с. 360]. В сентябре 1740 г. Сенатским указом было дано разрешение трем грекам-скорнякам выделять меха таким образом, чтобы готовая продукция удовлетворяла запросам покупателей в Турции [Там же, Т. 11, № 8241, с. 258–259].

Таможенная политика в период правления Анны Иоанновны носила избирательный характер. Когда возникала острая потребность в тех или иных товарах, российское правительство снимало все ограничения и создавало условия максимального благоприятствования для купцов, доставлявших такие товары. Приведем пример. 31 января 1732 года вышел именной указ, данный Коммерц-коллегии «О пропуске без досмотра аптекарских припасов, привозимых из-за моря в Московскую и Астраханскую аптеки с приложением печати и взятием об оных реестров и досмотре оных в месте привоза» [Там же, Т. 8, № 5947, с. 624–625]. А 3 января 1734 года императрица повелела освободить от таможенных пошлин все ввозимые иностранные аптекарские товары [Там же, Т. 9, № 6523, с. 248]. Такое решение было вызвано просьбой директора Медицинской канцелярии Ригера. В некоторых случаях российские власти вводили запрет на ввоз в страну и на свободную продажу на внутреннем рынке опасных и ядовитых веществ. Например, 8 января 1722 года именным указом были запрещены ввоз в Россию и свободная продажа мышьяка, сулемы, чилибухи, крепкой водки, купоросного и янтарного масла [Там же, № 6304, с. 12]. Вместе с тем, на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялась проблема широкого размаха контрабанды, что было неудивительно для страны, имевшей значительную сухопутную и морскую границу. Правительство принимало меры к усилению контроля за ввозом импортных товаров, предотвращению контрабандных операций. В мае 1732 г. вышел именной указ «О неторговании никому без объявления чужеземными товарами, о недержании товаров в домах и о непродавании оных в розницу» [Там же, Т. 8, № 6043, с. 775]. Этим указом усиливалась ответственность за нарушение Торгового устава: виновные наказывались штрафом, а их товар подлежал конфискации. 15 июня 1735 года Сенатским указом предписывалось усилить контроль за контрабандным вывозом за границу ревеня, который считался казенным товаром [Там же, Т. 9, № 6749, с. 531]. Наказание было ужесточено: «у кого и в котором месте, хотя фунт сыщется, что тайно вывезено, у того все его имение взять на Нас» [Там же]. Однако и такие строгие меры, по-видимому, были малоэффективными. Прошло всего несколько дней, и императрица одобрила новый указ, еще более строгий: за нелегальную торговлю ревенем, провоз его из Сибири за границу предусматривалась уже смертная казнь [Там же, № 6750, с. 531]. В сентябре 1736 г. по ре-

шению Кабинета министров в Иркутск были направлены купец и аптекарь для покупки и бракования ревеня, чтобы ежегодно отправлять в столицу по 800 пудов ревеня [Там же, № 7058, с. 931]. Позже, уже в феврале 1737 г. по решению Сената в Кяхту для закупки ревеня был направлен купец Симон Свиньин [Там же, Т. 10, № 7181, с. 53].

В целях поощрения отечественного мануфактурного производства российское правительство иногда вводило запрет на вывоз сырья за границу. Так, к примеру, решили Кабинет министров и Сенат в октябре 1736 года, когда запретили выпуск из России невыделанных козлиных кож [Там же, Т. 9, № 7077, с. 953]. В марте 1738 г. в Кабинете министров был рассмотрен доклад Коммерц-коллегии о продаже конфискованных таможенными товаров. Если ранее они реализовывались в Канцелярии конфискации, то теперь такие товары можно было продавать в самих таможнях в присутствии члена этой канцелярии [Там же, Т. 10, № 7530, с. 437].

Также Сенатским указом определялась обязанность представлять информацию об остатках нераспроданных товаров иностранцами по итогам календарного года. Идя навстречу просьбам иностранных купцов, указом от 23 марта 1734 года Сенат запретил взыскивать с них пошлины за нереализованный товар с прошлого года [Там же, Т. 9, № 6558, с. 288–290].

Одним из наиболее значимых для развития российской внешней торговли стал указ об основании Оренбурга. Изначально этому городу предполагалась роль форпоста отечественной внешней торговли на среднеазиатском направлении. В указе от 1 мая 1734 года высказывалось пожелание, чтобы в новый город «бухарцы, хивинцы, индийцы, армяне и другие, а, может быть, и европейские иноземцы поедут, а особливо выгнанные зальцбургские эмигранты, кои покрове себе везде сыскивают» [Там же, № 6571, с. 309]. Правительство выражало надежду, что открытие нового канала внешней торговли позволит упрочить торговые связи как с народами сопредельных стран Востока, так и с отдаленными странами: в указе упоминались Индия, Бадахшан, Зенгория (Джунгария. — В.Ш.), земли туркмен и т.д. 7 июня того же года именным указом Оренбургу были дарованы особые привилегии, в том числе и торговые [Там же, № 6584, с. 344–349]. Именным указом от 11 февраля 1736 года было дозволено среднеазиатским купцам, прибывавшим в Оренбург, селиться в городе и вести караванный торг с ханствами Средней Азии. В этом же акте говорилось и о намерении направить в Индию индийца Марвари Бараева для прокладывания прямого пути в эту страну. Оренбургу вновь были дарованы льготы на беспошлинную торговлю сроком на 6 лет для привлечения как отечественных, так и

восточных купцов [Там же, Т. 9, № 6889, с. 740–741]. На протяжении всего своего правления Анна Иоанновна пристально следила за развитием внешней торговли на оренбургском направлении. Считая его одним из самых перспективных, она способствовала его расширению и упрочению через систему законодательных актов, устанавливавших особые льготы и привилегии купцам, участвовавшим в российско-среднеазиатской торговле. К примеру, 16 сентября 1738 г. императрица именным указом определила дополнительные льготы для торговли российских купцов с казахами [Там же, Т. 10, № 7657, с. 614–615]. Именным указом, данным генерал-лейтенанту князю Урусову, от 20 августа 1739 г. императрица разрешила заложить Оренбург в новом месте, а прежний населенный пункт именовать Орской крепостью [Там же, № 7876, с. 867–871]. Для поощрения торговли императрица разрешила 1) уменьшить пошлину для желающих торговать в новом Оренбурге до 3 копеек вместо 5; 2) «первостатейным» купцам Казанской губернии свободно селиться в Оренбурге. Спустя несколько дней вышел новый именной указ, которым предписывалось оренбургским властям организовать сопровождение купеческих караванов вооруженными казахами [Там же, № 7885, с. 881–884]. Это решение было вызвано жалобами купцов на частые нападения и грабежи в пути следования караванов в ханства Средней Азии. Также в этом указе говорилось о необходимости отправки в Ташкент вместе с российскими купцами и казенных товаров; далее представлена подробная инструкция о правилах торговли отечественных купцов в среднеазиатских городах. 25 января 1740 г. вышел большой именной указ, касавшийся Оренбуржья и развития российско-среднеазиатской торговли [Там же, Т. 11, № 8011, с. 14–16]. В нем, в частности, речь шла о строительстве гостиного двора и лавок в новом Оренбурге, об отправке в Ташкент с купеческим караваном казенных товаров, о безопасности и охране торговых караванов и т.д.

Особый сегмент российской внешней торговли составляла торговля Русской Православной Церкви как в силу специфики церковных товаров, так и порядка правового регулирования торговых операций со стороны государства. В Российскую империю доставлялись самые разнообразные церковные товары: от дорогостоящих тканей, необходимых для пошива облачений, до ладана и икон. Одновременно российские власти по традиции оказывали материальную поддержку поместным зарубежным православным церквям. Раз в 5 лет от имени российского монарха передавались денежные средства и различные ценные товары посланникам патриархов Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, а также палестинских и иных зарубежных православных монастырей и архиереев Грузинской апостольской церкви. Такая

помощь, определяемая в российском законодательстве как «милостинная раздача», регулировалась особыми правилами [Там же, Т. 9, № 6738, с. 519–523].

Историки прошлого отмечали особую страсть Анны Иоанновны к диким животным. При ней зверинцы в Санкт-Петербурге и в Москве пополнились новыми, иногда экзотическими для России зверями и птицами. Торговля дикими животными представляла собой особую форму внешней торговли, регулируемую законодательными актами. Так, 13 мая 1738 г. вышел Сенатский указ «О ловле в России и Персии зверей и птиц и о присылке в зверинцы» [Там же, Т. 10, № 7681, с. 494]. Диких птиц, закупаемых в Иране (провинция Гилян. — В.Ш.), было велено доставлять на кораблях в Астрахань, а уже оттуда в обе столицы.

Для рассматриваемой эпохи, как, впрочем, и для всего XVIII века в сфере правового регулирования внешней торговли было немало законодательных актов «по случаю». Таких примеров можно привести немало. Так, 2 мая 1739 г. вышел Сенатский указ «О невзыскивании пошлин с купленных в России для персидского шаха товаров» [Там же, № 7795, с. 769]. Понятно, что это было дипломатическое решение, поскольку речь шла о товарах, предназначенных лично для шаха и его семьи.

В период правления Анны Иоанновны значительно расширилась география внешнеторговых связей Российской империи с зарубежными государствами. Анализ законодательных актов той эпохи показывает, что российские товары расходились по всей Европе: от Швеции и Норвегии до Испании, Италии и Греции. В 30-е годы XVIII века у России еще не было прямых торговых связей с некоторыми европейскими странами, что не означало отсутствия российских товаров на их рынках. Они реэкспортировались из крупнейших торговых центров Европы: Амстердама, Гамбурга, Лондона, Любека. Еще более впечатляющим было проникновение отечественного купеческого капитала в страны Востока: практически во всех сопредельных государствах (за исключением Японии) действовали российские торговцы и распространялись российские товары. Из приграничья они вывозились и вглубь Азии. В это же время развивались и торговые связи России с северной Африкой: отечественные товары можно было встретить в далеком Египте. Несомненно, российское правительство осознавало важность внешней торговли в укреплении могущества и влияния Российской империи. По этому поводу хорошо сказал Михаил Чулков: «Ибо то истинно, что коммерция есть верховная обладательница судьбины человеческого рода, и что прилежать к ней есть стараться о благоденствии оного, и есть дело самых

высочайших особ достойное» [Чулков М.Д., т. 2, кн. 1, 1785, с. 2]. На наш взгляд, императрица Анна Иоанновна это хорошо осознавала.

17 октября 1740 г. Анна Иоанновна тихо отошла в мир иной, а вместе с ней закончилась целая эпоха, которую историки (как в прошлом, так и сейчас) оценивают весьма противоречиво. Не будем касаться удач и просчетов в военной сфере, в дипломатии и иных областях государственной политики, подведем итоги внешнеторговой политики императрицы. На наш взгляд, в 30-е годы XVIII века торговые связи России с зарубежными странами значительно упрочились и приобрели более упорядоченный, с точки зрения правового регулирования, характер. В эти годы были сняты некоторые ограничения, сдерживавшие внешнеторговые операции отечественных купцов, хотя до полного уничтожения многочисленных препон еще было далеко. Российские власти стремились не только к поощрению ввоза товаров, которые отсутствовали на внутреннем рынке, но и были заинтересованы в импорте оригинальных технологий. Нередко внешнеторговая политика правительства Анны Иоанновны носила ярко выраженный протекционистский характер, но это было связано, прежде всего, со стремлением поощрять национальное производство и не допускать зависимости государственной казны исключительно от экспорта сырьевых товаров. Безусловно, внешнеторговое законодательство Российской империи в период правления племянницы Петра Великого носило противоречивый характер, как противоречивой была сама эпоха ее правления: нередко только что принятые законы подвергались корректировке, а введенные запреты подлежали отмене. На появление новых законодательных актов в сфере внешней торговли влияли субъективные факторы: протекция приближенных и фаворитов, потребность в дополнительных финансовых средствах в связи с растущими запросами двора и т.д. Чего стоили казне только некоторые причуды Анны Иоанновны, такие, как содержание крупных зверинцев в Санкт-Петербурге и в Москве, закупка и привоз из-за границы разных «курьезных» вещей и пр. И все же, общие векторы развития внешней торговли Российской империи в 30-е годы предопределили ее блестящее будущее в последующие десятилетия. Если даже не принимать во внимание другие достижения в этой сфере, а назвать только основание Оренбурга — нового форпоста восточной политики Российской империи — одного этого было бы достаточно, чтобы высоко оценить вклад правительства Анны Иоанновны в развитие внешней торговли.

Список литературы

1. ПСЗРИ. Собр. 1-е.
2. Чулков, М. Историческое описание российской коммерции. — Т. 2, кн. 1., пол. 1-я. — СПб.: Императорская академия наук, 1785. — 288 с.

2.6. Внешнеторговое законодательство России в период правления Екатерины II

Период правления Екатерины II — это время интенсивного развития внешней торговли Российской империи. Отечественный купеческий капитал в последней четверти XVIII века стал активно проникать не только на рынки сопредельных стран Европы и Азии, но и значительно дальше: вглубь Востока, в Северную Америку, в Африку. На внутреннем рынке России не редкостью стали товары, доставленные с островов Карибского моря, стран Юго-Восточной и Южной Азии, из Южной Америки. Все это свидетельствовало о значительных изменениях в мировой торговле, охватившей всю планету.

Продвижение российского купеческого капитала в сопредельные и отдаленные страны явилось ответом на потребности внутреннего рынка Российской империи, на расширение торговой инициативы купечества, на покровительственный подход правительства к внешней торговле. Этим объясняются и изменения в отечественном внешнеторговом законодательстве, которое было нацелено на устранение искусственных преград на пути торговли, на поощрение внешнеторговых операций российских купцов, на решение межгосударственных противоречий в сфере международных экономических отношений.

Императрица инициировала обсуждение проблем развития торговли в третьей Комиссии о коммерции в 60–70-е гг. Среди многочисленных предложений, «записок», «мнений» следует отметить те, в которых речь шла непосредственно о внешнеторговом законодательстве. В них, в частности, предлагалось учредить российские консульства за границей и назначить торговых агентов в те зарубежные города, где отечественные купцы вели свои торговые операции. Также выдвигались предложения о заведении торговых домов, которые могли бы противостоять конкуренции иностранных комиссионеров [3, с. 359]. Несомненно, предложения крупнейших российских купцов, включенных в списки представителей от купечества в Комиссию о коммерции в соответствии с указом императрицы от 19 августа 1764 года, были услышаны. Многие законодательные инициативы были удовлетворены.

По подсчетам известного исследователя российской внешней торговли Г. Шторха, объемы внешней торговли выросли с 20 330 000 руб. в 1762 году до 109 519 000 руб. в 1796 году, т.е. в 5 раз [4, р. 1–2]. Эти данные свидетельствовали и о существенных качественных изменениях в среде купечества, в котором императрица видела силу, способную обеспечить экономический рост в государстве и развитие целых отраслей мануфактурной промышленности. Поэтому не случайно ряд законодательных актов был нацелен на повышение статуса купцов 1-й и 2-й гильдии, в том числе в части освобождения от телесных наказаний, возможности держать лавки в своих домах, упорядочения гильдейских и иных сборов [2, с. 34].

На эволюцию внешнеторгового законодательства непосредственное влияние оказывали основные тенденции, складывавшиеся в отношениях России с зарубежными странами, а также расширение границ империи, имевшее четко выраженный восточный вектор. Практически во всех мирных договорах, заключенных российским правительством после войн с соседями, присутствовали статьи, непосредственно касавшиеся двусторонних торговых отношений. Каждый раз российская сторона добивалась включения в договоры законодательных гарантий для отечественных купцов, снижения таможенных пошлин, признания особого статуса российских торговцев как представителей «наиболее благоприятствуемой нации».

Включение в состав Российской империи новых земель способствовало открытию новых каналов внешней торговли, что, в свою очередь, требовало корректировки и внешнеторгового законодательства. Так было, к примеру, после присоединения Крыма, когда значительно укрепилось черноморское направление. Ко времени включения полуострова в состав империи здесь были значительные торговые центры, куда доставлялись различные товары из Османской империи, стран Южной Европы, Африки. Российское правительство стремилось не только к сохранению этих внешнеторговых каналов, но и к их расширению.

На протяжении рассматриваемого периода Екатерина II четко проводила курс на ограждение отечественной мануфактурной промышленности от ее подрыва вследствие наплыва дешевых иностранных товаров. При этом правительство прибегало к разным формам отстаивания национальных интересов в экономической сфере. К примеру, в 1793 году был введен полный запрет на торговлю с революционной Францией, а проведение жесткого протекционистского курса с 1782 года позволил Санкт-Петербургу оградить внутренний рынок от

ввоза предметов роскоши, а также тех изделий, которые выпускали отечественные мануфактуры [1, с. 752].

В целом в период правления Екатерины Великой были заложены основы внешнеторгового законодательства, учитывавшего как передовой европейский опыт, так и мнения представителей купеческого сословия России. Развитию внешнеторгового законодательства способствовало и заключение межгосударственных договоров, которые заложили правовые основы внешнеторговых отношений Российской империи с целым рядом государств. Все это придало значительный импульс отечественной внешней торговле, что отразилось как на ее объемах, так и на географии сбыта отечественных товаров.

Список литературы

1. *Исабель де Мадарига*. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 976 с.

2. *Лаппо-Данилевский, А.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А. Лаппо-Данилевский. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. — 62 с.

3. *Рубинштейн, Н.Л.* Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. / Н.Л. Рубинштейн // Исторические записки. — 1955. — Т. 54. — С. 343–361.

4. *Storch, H.* Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs. Supplementband zum V, VI und VII Teil. — Leipzig, 1803. — P. 1–2.

2.7. Государственно-правовое регулирование импорта вин и винной торговли в Российской империи в XVIII веке

Широкомасштабные реформы Петра Великого, европеизация страны, победа России в Северной войне и обеспечение выхода в Балтийское море — все это позитивно отразилось на отечественной внешней торговле, увеличении импорта европейских товаров, включая виноградные вина. Без преувеличения, в Российской империи в петровскую эпоху складывались новые традиции употребления вина, что отразилось и на отечественном производстве и торговле: динамично стали развиваться стекольное и хрустальное производство, вырос привоз столовой посуды из стран Европы, повысилось внимание к виноградарству и виноделию.

Еще в период царствования Алексея Михайловича был установлен порядок работы питейных заведений в России. Так, продажа вина запрещалась в посты рождественский, великий, покровский и успенский, а также по воскресеньям, средам и пятницам. Указом Петра I от 1698 г. виноградные вина можно было продавать только на Страстной неделе Великого поста. Также при царе Алексее Михайловиче был установлен режим работы кабаков: они открывались после обеда в 15 ч. и работали на протяжении светового дня (в зимнее время закрывались с наступлением сумерек. — В.Ш.) [7, с. 164]. Многие положения законодательства второй половины XVII в. почти без изменений вошли в Устав о вине, принятый в период правления императрицы Екатерины Великой.

С 1700 года всем питейным делом в России заведовали бурмистры, которые следили за соблюдением законодательства в сфере винокурения [4, с. 207]. В 1715 г. практически все частные винокурни были переведены в статус казенных. Однако столь категоричное решение просуществовало недолго: уже через год было вновь разрешено свободное винокурение.

Традиционные алкогольные напитки — пиво и мед — приготавливались непосредственно в кабаках, разрешалось и домашнее приготовление напитков (кроме вина. — В.Ш.), но исключительно для собственного употребления. За заготовку и продажу пива и меда на местах отвечали кабацкие головы и целовальники. В 1716 г. император снял запрет на винокурение для домашнего приготовления. В последующем это право для дворян неоднократно подтверждалось императорскими указами (1728 г., 1749, 1754 гг. и т.д.). Были и исключения. Так, указом 1740 г. запрещалось курить вино патриарху, архиереям и православным монастырям.

В первой четверти XVIII в. в Россию ввозилось большое количество французских вин. Не случайно в 1724 г. российские власти вынуждены были ввести ограничения на импорт этих вин, определив, что объемы ввоза будет устанавливать Камер-коллегия (при Петре II эти ограничения были отменены).

В 1725 г. указом императрицы Екатерины I иностранные посланники могли привозить для собственного потребления импортные вина на 2 тыс. руб., а резиденты — на 1 тыс. руб. Также они могли доставлять это вино в любые российские города и продавать его оптом. Однако произвол российских чиновников, неурегулированность многих вопросов в части таможенных сборов порождали многочисленные жалобы со стороны европейских купцов. В июне 1725 г. они обратились к императрице с прошением, в котором по пунктам изложили свои «обиды». В частности, они жаловались на то, что даже после оплаты установленного таможенного тарифа за белое и красное вино из Акциз-

ной палаты к приказчикам европейских купцов направляются солдаты, требующие дополнительного внесения акцизных сборов [8, с. 32]. Такие прошения имели место и в последующие годы, что свидетельствовало о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования импорта вина и виоторговли.

В период правления императрицы Елизаветы Петровны на винокуренных заводах страны производилось до 1,5 млн ведер вина, что давало казне до 1 млн руб. [7, с. 173]. При этом сохранялся и значительный импорт вина из стран Европы. Статистические данные свидетельствовали о росте потребления качественного виноградного вина в России к середине XVIII в. Расширялась и география доставки вин: это были не только практически все районы Южной и Центральной Европы, но и некоторые страны Азии, Африки и Латинской Америки.

В 1775 г. было утверждено положение о губерниях, а питейное дело перешло в ведение казенных палат [4, с. 221]. Государство, для которого питейные сборы составляли важную составляющую доходов, усиливало контроль как за винокурением, так и за импортом виноградных вин из-за рубежа.

В 1779 г. сенатским указом разрешен импорт виноградных вин из Ирана для реализации их на территории Астраханского края. А в 1784 г. был дозволен импорт кипрских, греческих, испанских, итальянских и португальских вин с уплатой пошлины в размере 4,5 рубля с оксофта (мера жидкостей от 10 до 18 ведер. — В.Ш.) [7, с. 172].

В ноябре 1784 г. Правительствующий Сенат рассмотрел рапорт графа Я.А. Брюса о жалобе московских торговцев вином. Купцы жаловались сенатору на то, что Казенная палата запретила им продавать виноградное вино из погребов без получения специальных билетов [2, с. 238–241]. Более того, чиновники Московской Казенной палаты опечатали винные погреба, чем нанесли убытки купцам. Сенат рассмотрел жалобу и постановил, что в таких случаях следует руководствоваться исключительно положениями Устава о вине, а также интересами казны в сборах от винной торговли. Иначе говоря, Сенат выступил на стороне закона, а с другой стороны, был категорически против стеснения предпринимательской инициативы московских купцов. В эти же годы доходы от питейных сборов росли: так, с 1783 по 1786 г. питейный доход увеличился с 7 до 10 млн руб. [4, с. 223].

В ноябре 1794 г. Сенат обнародовал именной указ императрицы «О дозволении помещикам курить вино для домового расхода и о предостережениях от корчемной выкурки и распродажи вина» [3, с. 591–599]. Этим указом разре-

шалось производство винокурения в помещичьих хозяйствах при сохранении казенных винных откупов. В течение второй половины XVIII в. питейные сборы многократно выросли. Приведем некоторые данные по годам: 1749 г. — 1 786 955 руб., 1750 г. — 2 666 909 руб., 1756 г. — 3 450 043 руб., 1765 г. — 4 294 610 руб., 1767 г. — 5 085 064 руб., 1770 г. — 5 709 396 руб., 1771 г. — 6 510 885 руб., 1775 г. — 6 818 477 руб., 1779 г. — 9 264 692 руб., 1794 г. — 10 775 659 руб., 1799 г. — 12 623 949 руб. [5, с. 3].

Современного исследователя не может не поражать ассортимент импортных виноградных вин в России XVIII в. Без преувеличения, российские гурманы могли употреблять самые знаменитые марки лучших европейских вин. К примеру, очень популярными были игристые вина, типа шампанского или так называемого «Бургонского с игрою». В зависимости от марки вина их можно было доставлять в Россию либо исключительно по суше, либо морским путем. Предпочтения в нашей стране менялись со временем: если в начале XVIII в. больше потребляли греческие и крымские вина, то с середины века — французские, рейнские и венгерские. Об объемах импорта виноградных вин в Россию можно судить по следующим данным: в 1768 г. было доставлено вина на 445 000 руб., виноградной водки — на 207 000 руб., виноградного уксуса — на 11 000 руб., изюма и коринки — на 34 000 руб. [6, с. 287]. В 1794 г. только через Санкт-Петербургский порт было доставлено виноградного вина на 859 000 руб. (несмотря на запрет ввоза французских вин. — В.Ш.). В большом количестве в Россию ввозилось кипрских, архипелагских, смирнских и анатолийских вин, доставлявшихся из Османской империи через черноморские и азовские порты. Очень быстро завоевали популярность в России германские белые вина. Среди них — рейнские, мозельские и др. Российские гурманы знали толк в швейцарских, богемских, силезских, моравских и австрийских винах. Как и сейчас, в России XVIII в. очень любили германское белое вино «Либфрауенмилх» («Молоко любимой женщины». — В.Ш.).

Иногда межгосударственные противоречия, войны вносили свои коррективы во внешнеторговые операции. Российские власти на протяжении XVIII в. неоднократно вводили эмбарго на импорт вин из некоторых европейских государств. Однако потребительский спрос и интересы торговли оказывались выше политических противоречий и действия законов. Так, в самом конце века с официальным запретом ввоза в Россию французского вина его доставка полностью не прекратилась: его ввозили в страну на судах других государств. На внутреннем рынке России можно было также встретить вина из Африки, Азии, Америки. К ним относились вина, доставленные с Канарских и Азорских ост-

ровов, из Южной Африки (Капская провинция. — В.Ш.), Мадейры, Бразилии, других стран и регионов. Практически вся Европа была представлена на винном рынке Российской империи: вина из Италии, Корсики, Сицилии, Португалии, Венгрии (особенно знаменитые токайские), Болгарии, Валахии, Молдавии (самое популярное — «Монастырское») и т.д. В рассматриваемый период активно развивалось и отечественное виноделие: популярными были вина из Армении, Кизляра, Баку, Дербента, Имеретии, Мингрелии, Крыма. Большим спросом на внутреннем рынке Российской империи пользовались крепкие вина: херес, портвейн, мадера, тенийф.

Таким образом, импорт виноградных вин составлял важный сегмент внешней торговли Российской империи, а доходы от винной торговли приносили немалый доход в государственную казну. Поэтому не случайно вопросы государственно-правового регулирования импорта вин и их реализации на внутреннем рынке России находились в центре внимания российских властей на протяжении всего XVIII века.

Список литературы

1. *Кеппен, П.* О виноделии и винной торговле в России / П. Кеппен. — СПб.: Типография К. Крайя, 1832. — 263 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 1-е: Т. XXII: 1784–1788. — СПб.: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. — С. 237–241.
3. Полное собрание законов Российской империи. — Собрание 1-е: Т. XXIII: 1789–6 ноября 1796. — СПб.: Типография II-го отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. — С. 591–599.
4. *Прыжов, И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа / И.Г. Прыжов. — Казань: Типо-литография В.В. Вараксина, 1868. — 282 с.
5. Сведения о питейных сборах в России. — Ч. 3. — СПб.: Государственная канцелярия по отделению государственной экономии, 1860. — 351 с.
6. *Спасский, И.* Вино (виноградное) / И. Спасский // Энциклопедический лексикон. — Т. 10. — СПб.: Типография А. Плюшара, 1837. — С.284 — 299.
7. *Толстой, Д.* История финансовых учреждений в России / Д. Толстой. — СПб.: Типография К. Жернакова, 1848. — 258 с.
8. *Чулков, М.* Историческое описание российской коммерции... / М. Чулков. — Т. 4, Н. 2. — СПб.: Университетская типография, 1785. — 680 с.

2.8. Внешнеторговая деятельность православных монастырей в XVII–XIX веках и ее государственно-правовое регулирование

Со времени крещения Руси и становления первых православных монастырей они заняли определенную нишу во внешнеторговой деятельности государства. На протяжении веков православные обители нередко являлись крупными хозяйствующими субъектами, способными к экспорту своей продукции и закупке необходимых товаров и изделий за рубежом. Государство оказывало всемерную поддержку монастырям, предоставляя им различные преференции и льготы. Не вызывает сомнений, что экспортно-импортные операции православных обителей составили весьма солидный и вполне самостоятельный сегмент отечественной внешней торговли.

Православные монастыри не случайно были связаны с торговлей. Большинство ярмарок России, так или иначе, были основаны близ монашеских обителей сначала в форме базаров, которые со временем перерастали в солидные торжища. Известный отечественный исследователь русской торговли П.П. Мельгунов писал в 1905 г.: «Духовенство понимало всю выгоду и важность таких базарных торгов, ибо монастырям, часто строящимся в малозаселенных местах, необходимо было иметь подобные базары, чтобы монахи на них могли закупать необходимые произведения на целый год. Монастыри в то время пользовались большими льготами...» [Мельгунов П.П., с. 225].

Торговые пути из России в Константинополь были освоены в глубокой древности. Эти же пути (сначала по Москве-реке, затем по Оке, Дону и морем) использовались дипломатическими миссиями. Известно, что в конце XIV в. этим путем воспользовались митрополит Пимен и митрополит Киприан. Существовали также сухопутные пути через Путивль-Перекоп-Белгород и др. Среди импортных товаров православные монастыри закупали в XVI веке хлопчатобумажные ткани бязь и пестрядь (из Алеппо), которую использовали для пошива церковного облачения [Фехнер, с. 71]. Для этих же целей использовалась и турецкая шерстяная материя зуфь. В приходно-расходных книгах монастырей находились данные о стоимости тканей, доставленных из стран Востока: Турции, Ирана, Индии, ханств Средней Азии и др. Их ассортимент был достаточно широк: камка иранская, бархат бурский, тафта, атлас турецкий, дорога, кутня, зуфь костоманская, кисея, миткаль, киндяк, зендень, бязь и др. Определенная часть тканей и иных товаров импортировалась в Россию в перв. пол. XVI в. из Казанского ханства, Крыма, Ногайской Орды. Важной статьей экспорта из восточных стран на протяжении всего рассматриваемого периода оставались пря-

ности и специи, а также лекарственные растения (к примеру, ревень). Гвоздика, перец, корица, имбирь, мускатный орех, лавровый лист, шафран и иные пряности и специи потреблялись и монастырями. Еще одной важной статьей экспорта являлся ладан. Его доставляли из Ирана и Турции, куда он поступал из Аравийского полуострова и Сомали. Наконец, для иконописи и настенной росписи храмов монастыри и церкви закупали различные краски (камеди, лазурит и др.), доставлявшиеся из Турции и реэкспортом из Бадахшана, Крыма, Средней Азии, Ногайской Орды.

Отдельную статью экспорта из стран Востока в XVI в. составляли золотые и серебряные изделия, которые закупались православными монастырями. Среди них в приходно-расходных книгах значились ковши, чаши, чарки, металлические нити и т.д. Россия выступала и обширным рынком сбыта драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней. Определенная часть этих товаров закупалась монастырями: жемчуг, алмазы, сапфиры, рубины, бирюза, изумруды, топазы, шпинель, гранаты, гиацинты, аметисты, горный хрусталь, бериллы, сердолики, корунды и др. Все эти камни использовались в православных монастырях как для украшения облачения (митры, панагии, посохи, кресты и т.д.), так и для образов, мощевиков, икон и пр. Перечисленные выше драгоценные и полудрагоценные камни добывались в самых разных странах Востока: в Египте, Индии, Афганистане, Иране, Бирме, Цейлоне и т.д.

Нередко в страны Востока по указу царей направлялись специальные торговые миссии для оказания помощи и посылки подарков греческим монастырям. Так, царь Иван Васильевич отправил торговых людей Ивана Мишенина и Борзукова «с милостынею». Известно, что по пути на Родину в Турции им пришлось оплатить значительные пошлины за товар, который они везли [Палестинский сборник, вып. 3].

Важным направлением внешней торговли России в XVII в. являлось Сибирское. Кроме российских купцов здесь активное участие в торговле принимали участники и торговцы из сопредельных стран Азии. Так, в Tobольск на протяжении всего столетия поступали товары из ханств Средней Азии, Китая, Джунгарии, арабских государств. Известный советский исследователь О.Н. Вилков полагал, что в Tobольск в 1639–1671 гг. поступало 88 наименований восточных товаров [Вилков, с. 192]. Среди покупателей в Tobольске были представители Tobольского Знаменского монастыря, священнослужители Tobольской епархии [Там же, с. 193]. Сюда же за товаром приезжали и посланцы митрополита Казанского и Свияжского [Там же, с. 214]. Об объемах покупок восточных товаров монастырями судить сложно, поскольку у православных

обителей были и свои спонсоры, благотворители, а также поверенные лица, производившие покупки для нужд монастырей от своего имени.

Нередко монастыри, которым были жалованы земли, деревни, леса, промыслы, осуществляя хозяйственную деятельность, реализовывали свою продукцию за границу. Приведем пример по Красногорскому (Черногорскому) монастырю в Архангельском крае. В 1653 г. царь Алексей Михайлович даровал обители право на рыбные и звериные промыслы по берегам Белого моря. В грамоте царя, в частности, говорилось: «...как они [монахи] ту морского промысла рыбу и зверя и сало продадут, и на те деньги купят в монастырь на церковный обиход воск, и ладан, и мед, и про монастырский обиход хлебные и всякие рыбные запасы, и масло, и соль, и одежду, и обувь, и с тех запасов, которые они повезут в монастырь в судах или на возах для монастырского обихода, наших таможенных пошлин имати не велели, а пропускати без задержания» [Макарий, с. 128]. Добытая продукция поступала в распоряжение монахов, за исключением одной десятой части, которая шла в таможенный доход казны. Как отметил в 1880 г. епископ Архангельский и Холмогорский Макарий, эти «промыслы находили выгодный сбыт, и на вырученные деньги закупались жизненные потребности — хлеб, соль, одежда, а также воск, ладан и мед» [Там же, с. 20]. Монастырские промысловые суда вели лов рыбы и добычу морского зверя как в акватории Северного Ледовитого океана, так и у берегов Новой Земли. На протяжении второй половины XVII в. монастырь посылал монахов в Сибирь с чудотворным образом Грузинской Божьей Матери для приобретения меха, а также готовой продукции (к примеру, соболиных шуб). Доставленные из Сибири товары впоследствии становились предметами продажи в Архангельске, Холмогорах и других центрах торговли.

Примечательна и история с чудотворной иконой Красногорского монастыря. В 1622 г. персидский шах Аббас покорил Грузию и разорил многие христианские храмы, а уникальные святыни вывез в Иран, где они были пущены на продажу. В это время для торговли в Иране находился приказчик ярославского купца Егора Лыткина Стефан Лазарев, который «по случаю» приобрел икону Пресвятой Богородицы Одигитрия, украшенную золотом и серебром. 22 августа 1629 г. Егор Лыткин подарил чудотворную Грузинскую икону Божьей Матери Красногорскому монастырю [Там же, с. 11]. С этого времени чудотворный образ стал святыней обители, притягивающей в Красногорский монастырь тысячи паломников со всей России.

В развитии ярмарочной торговли России была одна особенность: многие крупные торжища страны основывались при монастырях и были приурочены к

определенным двенадцатым или престольным праздникам. В эти дни в монастыри стекалось много верующих, поэтому ярмарки при таком скоплении народа были вполне оправданным явлением монастырской жизни. В некоторых случаях ярмарки основывались близ особо почитаемых мест. Так, к примеру, знаменитая на всю страну Свенская ярмарка основана при Брянском Свенском Успенском монастыре, где по преданию была явлена чудотворная Печерская икона Божьей Матери. Торжище начиналось 15 августа и продолжалось целый месяц. Ярмарочным местом служила обширная территория у западной монастырской стены. О размахе торговли можно судить по такому факту: в соответствии с грамотой царя и великого князя Федора Алексеевича от 1682 г. Свенская ярмарка была передана в ведение Киево-Печерской Лавры, так как «тот торговый славный съезд прибавлялся, а не умалялся» [Там же, с. 224]. На ярмарке находили сбыт не только отечественные товары, но и импортные. Известно, что еще в первой четверти XVIII в. на ярмарке находился так называемый Греческий ряд с 13 лавками. В 1732 г. общее количество лавок достигало 662, а доход в пользу монастыря составил 389 руб. 23 алтына [Там же, с. 225]. В Греческом ряду торговали греки константинопольские, македонские и неженские. Последние считались ведущими в торговле в Малой России во второй половине XVIII в. [Аксаков И.С., с. 6].

Кроме этого, на ярмарке в большом количестве закупались хлеб, пенька, сало, конопляное масло и семя, которые доставлялись в порты Санкт-Петербурга, Риги, Одессы, Херсона и Астрахани для последующего вывоза за границу. Доставляли этот товар портовые купцы и их агенты. В июле 1862 г. Орловская губернская администрация вышла с ходатайством к Министру внутренних дел о переводе Свенской ярмарки в Брянск.

На протяжении длительного времени значительное количество импортных товаров поступало в Россию через Астрахань. Так, в первой половине XVIII в. из Османской империи через Закавказье, а также через Новый Транжемент (Крепость Св. Анны. — В.Ш.) доставлялся ладан. Этот церковный товар поступал в Россию из Турции и другими путями: 1) через Нежин на Москву; 2) через Севск, Брянск и Курск; 3) через Петербургский порт [Юхт А.И., с. 128]. Известный советский исследователь торговли России с восточными странами А.И. Юхт, характеризуя российско-восточную торговлю в 20–60-е гг. XVIII в., к сожалению, ничего не сказал о роли в ней православных монастырей. Таким образом, из поля его зрения выпал очень важный сегмент российско-восточной торговли. Такая ситуация, на наш взгляд, объясняется тем, что исследователь, опиравшийся на архивные документы двух архивов (РГАДА и Государственно-

го архива Астраханской области), не обратился к архивам православных монастырей. Вместе с тем, многочисленные дореволюционные публикации свидетельствуют о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода, включая и 20–60-е гг. XVIII в., в Российской империи велось грандиозное храмовое и монастырское строительство, которое, естественно, вызывало потребность и в увеличении доставки церковной утвари, убранства, расходных материалах, облачения и т.д. Традиционно многие церковные товары, включая иконы, образа, ладан, утварь, ткани для облачения, благовония, богослужебную литературу, панагии, митры и многое другое, доставлялись в Россию из Греции, Святой Земли, Аравийского полуострова, Кипра, островов Архипелага и т.д.

Непосредственно с монастырем связана и деятельность крупнейшей в России Макарьевской ярмарки. Указом царя Михаила Романова от 19 сентября 1627 г. Макарьевский Желтоводский монастырь получил право взимать в свой доход таможенные пошлины. Такое право неоднократно подтверждалось на протяжении всего XVII столетия. В 1662 г. царь Алексей Михайлович предоставил всем купцам, приезжавшим на Макарьевскую ярмарку, «быть свободными от всяких позывов, исков, ответов и тяжб» [Костомаров Н., с. 102]. Все тяжбы, разбирательства по спорам между торговцами в соответствии с этим царским указом поручались архимандриту монастыря (кроме дел о разбоях и воровстве). В целях расширения торговой деятельности монастыря его руководство основало судовой промысел. Это позволило снаряжать судовые караваны, которые под военным прикрытием доставляли товар между Нижним Новгородом и Астраханью. Таким образом, восточные товары, доставленные в Астрахань летом, по Волге к осени попадали в Нижний Новгород, а зимой санным путем развозились в самые разные уголки России. Нередко с торговыми караванами выезжали и иранские послы.

Лишь в 1700 г. указом Петра I ярмарка полностью была подчинена государственной казне [Макарьевско-Нижегородская, 1997, с. 16]. На протяжении всего XVIII в. сюда, на берега Волги, приезжали иноземные торговцы. Среди них были купцы из ханств Средней Азии, греки, иранцы, армяне, индийцы из Астрахани, поляки, немцы, французы, англичане и др.

Огромное количество богомольцев, участвовавших в крестном ходе Курского монастыря, способствовало учреждению здесь ярмарки, которая с течением времени из мелочной, розничной, переросла в одно из крупнейших оптовых торжищ России. По состоянию на 1780 г. в Курске насчитывалось более 1 тыс. купцов [Аксаков И.С., с. 126]. В 1854 г. только икон было привезено на Коренную ярмарку на общую сумму 1 тыс. руб. [Там же, с. 132]. На большие

суммы продавались на ярмарке различные церковные вещи: 1850 г. — на 77 тыс. руб., 1851 г. — 110 тыс. руб., 1852 г. — на 190 тыс. руб., 1853 г. — на 190 тыс. руб. [Там же, с. 136].

Трехдневная ярмарка проходила и при Валаамском монастыре, который владел лесами, санными покосами, рыболовными промыслами (в том числе на Кольском полуострове). Это торжище приносило обители от 200 до 300 руб. дохода, который составляли сборы с лавок [Валаамский монастырь, 1864, с. 80].

Православные монастыри были крупнейшими покупателями церковных и иных товаров на ярмарках России и на протяжении всего XIX в. Приведем несколько примеров. Так, на Ирбитскую ярмарку в 1856 г. было доставлено свечей восковых и стеариновых на 36 тыс. руб., образов в ризах и без риз с драгоценными камнями и финифтью — на 22,6 тыс. руб., ладана росного и простого — на 7,2 тыс. руб. и т.д. На Симбирскую Сборную ярмарку в этот же год торговцы привезли воска и восковых свечей на 3 тыс. руб., а на Ростовскую ярмарку — церковной утвари, колоколов — на 31 тыс. руб., воска и восковых свечей — на 22 075 руб., икон — на 3 тыс. руб., ладана — на 2 950 руб. [Обороты, 1856, с. 33–39]. А на Нижегородскую ярмарку в 1855 г. было доставлено 12 тыс. пуд. воска на 163 тыс. руб. [Аксаков И.С., с. 362]. Большое количество восковых свечей продавалось на украинских ярмарках. Так, на Крещенской ярмарке в 1855 г. их реализовывалось на 100 тыс. руб., на Успенской — на 60 тыс. руб., на Покровской — на 35 тыс. руб. сер. В этот же год на Нижегородской ярмарке было продано восковых свечей на 101,5 тыс. руб. сер. (6,5 тыс. пуд.) [Там же, с. 363].

Практически на всех украинских ярмарках можно было купить парчу. Она была, как правило, двух видов: позолоченная и так называемая апплике, т.е. с хлопком. Первая парча в середине XIX в. продавалась до 10 руб. сер за аршин, а вторая — 30 коп. сер. за аршин и выше. И.С. Аксаков, знаток украинских ярмарок, отмечал: «Разумеется, этой последней расходуется больше, но, вообще, парчи продается немного, ибо Малороссия не так любит внешнее благолепие храмов, как Великая Русь» [Аксаков И.С., с. 174].

Некоторые российские православные монастыри поддерживали связи с Палестиной. На Святую Землю отправлялись паломники, которые мечтали поклониться Гробу Господню, посетить места, дорогие сердцу каждого христианина. Однако, как свидетельствует история, среди паломников было немало и тех, кто использовал паломничество в Иерусалим и в коммерческих целях. Из России такие богомольцы брали с собой некоторые отечественные товары, которые продавали в Палестине (или по пути в Святую Землю), а в Иерусалиме и

иных местах закупали местные, в том числе церковные, товары. Нередко реализация восточных товаров на Родине окупала затраты на паломничество. О том, что Святую Землю посещало достаточно много православных из России, свидетельствуют многочисленные факты, содержащиеся в дореволюционных публикациях. Так, в «Кратком описании путешествия в Палестину», опубликованном в 1851 г., неизвестный автор сообщил, что на корабле, следовавшем из Константинополя в Святую Землю, из 500 пассажиров 50 составляли его соотечественники [Н.Щ., с. 9]. В Иерусалиме число паломников уже достигло 60 чел.

Среди импортных товаров, которые закупались православными монастырями, следует особо отметить ладан. В то время различали два вида ладана: ладан-капанец и ладан росной. Первый в середине XIX века продавался по цене от 8 до 11 руб. сер. за пуд, а второй — до 57 руб. сер. за пуд (примерно 200 руб. асс.) [Аксаков И.С., с. 270]. Только на Крещенскую ярмарку привозили до 1200 пуд. ладана. Доставлялся этот товар морским путем, а на российские ярмарки поступал в основном из Одесского и Петербургского портов.

Самостоятельную отрасль торговли составлял так называемый игольный товар, который объединял самые разнообразные вещи: от медных и оловянных пуговиц до рыболовных крючков. Среди них были также медные кресты, которые продавались не штуками, а на вес, фунтами и пудами (от 38 руб. асс. до 45 руб. асс. за пуд) [Там же, с. 331].

На значительные суммы на ярмарках России продавались образа и церковные вещи, выполненные из золота и серебра. Только на украинских ярмарках таких изделий реализовывалось на значительные суммы: из золота — на 150 тыс. руб., из серебра — на 300 тыс. руб. [Там же, с. 335]. На Макарьевской ярмарке существовал Иконный торговый ряд. В 1812 г. сюда было доставлено товара на 113 тыс. руб., продано — на 65 тыс. руб. [Макарьевско-Ниж., с. 185].

Список литературы

1. Аксаков, И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках / И.С. Аксаков. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. — 383 с.
2. Валаамский монастырь. — СПб.: Тип. Департ. уделов, 1864. — 348 с.
3. Вилков, О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке / О.Н. Вилков. — М.: Наука, 1967. — 324 с.
4. Иерофей, архимандрит. Брянский Свенский Успенский монастырь Орловской епархии / Архимандрит Иерофей. — М.: Универ. тип., 1866. — 242 с.

5. *Костомаров, Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях / Н. Костомаров. — СПб.: 1862. — 299 с.
6. *Макарий, Архиепископ Архангельский и Холмогорский.* Историческое описание Красногорского монастыря / Архиепископ Архангельский и Холмогорский Макарий. — М.: Универ. тип., 1880. — 131 с.
7. Макарьевско-Нижегородская ярмарка. Очерки истории / Науч. ред. Н.Ф. Филатов. — Н.-Н.: Тип. ННГУ, 1997. — 221 с.
8. *Мельгунов, П.П.* Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. / П.П. Мельгунов. — М.: Издание магазина «Сотрудник школ», 1905. — 279 с.
9. Н.Щ. Краткое описание путешествия в Палестину / Н.Щ. — М.: Тип. А. Евреинова, 1851. — 48 с.
10. Обороты главнейших ярмарок в 1856 году // Отечественные записки. — 1856. — Август. — С. 33–39.
11. Палестинский сборник. — 1889. — Т. IX. — Вып.3.
12. *Фехнер, М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке / М.В. Фехнер. — М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1956. — 121 с.

2.9. Государственно-правовое регулирование деятельности торговых компаний в первой половине XVIII века

На протяжении всего XVIII века особую роль во внешней торговле Российской империи играли торговые компании, деятельность которых регулировалась государством. Особое внимание расширению торговой деятельности компаний крупнейших российских купцов уделял Петр I, стремившийся к пополнению казны и осознававший особую роль торговли в обогащении государства. Как заметил отечественный исследователь XIX в. Н.Н. Фирсов, «крупный торговый оборот, прежде всего, привлек его внимание и заботы; его преемники пошли по той же дороге, которая была проторена еще московской торговой политикой, пользовавшейся только более простыми средствами» [Фирсов, Н.Н., 1896, с.20]. Главной целью Петра Великого в сфере организации торговых компаний было «собрать рассыпанную храмину», т.е. соединить разобщенных купцов, которые своими капиталами не могли ни противостоять иностранным купцам, ни осуществлять крупные внешнеторговые операции. Именно ему принадлежала законодательная инициатива разделить купечество на две гильдии (третья гильдия была введена императрицей Елизаветой Петровной. — В.Ш.) [ПСЗРИ, Т. XI, № 8504].

На рубеже XVII–XVIII вв., в 1699 г., Петр I издал указ, в соответствии с которым повелел купцам «торговать так же, как торгуют в иных государствах, компаниями...» [ПСЗРИ, Т. III, № 1706]. Однако российские купцы не спешили к объединению капиталов, что объяснялось, на наш взгляд, целым рядом причин. Во-первых, незнание заграницы, иностранных языков сдерживало многих отечественных купцов от участия во внешней торговле в составе компаний. Во-вторых, отсутствие дипломатических и консульских отношений со многими соседними государствами ставили саму жизнь купца и его капитал под серьезную угрозу. В-третьих, следует учитывать и чисто психологический фактор: купцы видели друг в друге конкурентов, а не собратьев по цеху. Поэтому не случайно, даже в таком, казалось бы очевидном деле, как учреждение торговых компаний, российскому императору пришлось прибегнуть к принуждению. На протяжении 1715–1723 гг. в некоторых европейских городах были учреждены так называемые «агентуры», которые должны были содействовать торговым связям российских купцов с зарубежными партнерами. В 1714 г. указом императора казенными товарами были объявлены, кроме рыбьего клея, ревеня, смолы и икры, воловья шерсть, пенька, поташ, смольчуг, сало, воск, конопляное масло, льняное семя и щетина. Спустя десятилетия, этот же указ был фактически полностью подтвержден императрицей Елизаветой Петровной (указ от 29 ноября 1746 г. — В.Ш.).

17 сентября 1730 г. в Сенат поступило «доношение» от купца Андрея Матвеевича Евреинова, который рассказал об успешной деятельности своего отца, который торговал с Ираном через Астрахань и ежегодно вносил в казну около 20 тыс. руб. Сколотив на российско-иранской торговле значительный капитал, Евреинов выгодно вложил деньги в создание компании в Архангельске и у города Колы. Тогда государство дало ему исключительные права сроком на 30 лет на проведение моржового, китоловного, трескового промысла. Просьба купца была удовлетворена указом от 27 января 1731 г.: ему и его братьям беломорские промыслы были отданы «в компанию» [ПСЗРИ, Т. VIII, № 5687]. Отказано было лишь в монополии на вылов трески, поскольку эта порода рыбы служила продуктом питания для многих поморов. Данный пример — показатель успешного вложения средств, полученных от внешнеторговых операций, в промыслы. Что же касается компании Евреиновых, то вокруг нее впоследствии разгорелись самые настоящие страсти. Успехи братьев Евреиновых вызвали зависть. В 1734 г. в Сенат обратился с прошением барон Шафиров, который очень плохо отзывался об их компании, и просил правительство передать ему монопольные права на беломорские промыслы. Связи и доводы барона принес-

ли успех: указом от 4 апреля 1734 г. все промыслы на Севере были отданы на откуп барону сроком на 10 лет с условием, что он создаст компанию, включив в нее еще двух архангельских купцов. В 1739 г. после смерти барона Шафирова беломорские промыслы перешли к новой компании барона Шемберга. В период правления императрицы Елизаветы Сенат принял решение об изъятии беломорских промыслов у Шемберга и передаче их в казенное содержание. Для оценки ущерба, причиненного деятельностью барона, при Сенате была создана специальная комиссия, куда стали вскоре стекаться различного рода донесения, прошения [ПСЗРИ, Т. XI, № 8571]. После тщательного следствия выяснилось, что барон и его приближенные «задолжали» государству 254 536 руб. 24 ½ коп. В.Н. Татищев же утверждал, что общий ущерб, нанесенный Шембергом и Бироном, должно оценивать в 400 тыс. руб. Это были деньги, которые они переправили за границу [Фирсов Н.Н., 1896, с. 91]. Так, в 1744 г. вновь возник вопрос о беломорских промыслах. На этот раз они перешли самому влиятельному вельможе елизаветинской эпохи графу П.И. Шувалову. Решение было принято на основании указа от 6 июля 1748 г. А в 1751 г. граф получил на срок до 1768 г. и рыбные промыслы в Астрахани и на Каспийском море [ПСЗРИ, Т. XII, № 9515]. Таким образом, в рассматриваемый период государственную политику в сфере регулирования деятельностью торговых компаний особую роль играл фаворитизм. Это явление, характерное практически для всего XVIII века, пагубно, на наш взгляд, отражалось на развитии внешней торговли. Часто торговые компании переходили в руки царских фаворитов по одной простой причине: из-за человеческой жадности и алчности. Многие талантливые российские купцы, действительно, добивались впечатляющих успехов во внешней торговле, кратно приращивая свои капиталы. Такой результат их деятельности и становился предметом зависти царских вельмож, полагавших, что приberi они компанию к рукам, как деньги сами потекут рекой. Они зачастую не учитывали, что за прибылью компании стоял талант руководителей компании, упорный труд, сопряженный с многочисленными трудностями, тонкий расчет, коммерческая смекалка, наконец. Не случайно эффективность деятельности торговых компаний после передачи их в руки фаворитов резко падала, отчего страдало дело развития внешней торговли, а государственная казна не получала соответствующие доходы. Нередко царские вельможи, монополизировав целые отрасли торговли и промыслов, добивались оформления некоторых компаний на подставных лиц. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что Правительствующий Сенат, Коммерц-коллегия и иные органы государственной власти с завидной принципиальностью отстаивали интересы некоторых купцов. Это мож-

но было объяснить лишь наличием у них высоких покровителей. Для первой половины XVIII в. таким всемогущим вельможей, безусловно, являлся граф П.И. Шувалов. Нередкими были и случаи дачи взяток, подкупы царских сановников. Как заметил известный исследователь XIX в. Н.Н. Фирсов, «до самой смерти своей (1762 г.) гр. П.И. Шувалов оставался центральной фигурой в нашей экономической политике. Деятельность этого вельможи близко соприкасалась как с казенными, так и с частными финансовыми интересами. Неудивительно, что крупные купцы и промышленники тяготели к гр. П.И. Шувалову, а он к ним» [Фирсов Н.Н., 1896, с. 160].

Во второй четверти XVIII в. правительством вскрывались факты уклонения от внесения в казну сборов или утаивания их. Одним из наиболее громких дел того времени был скандал со Симбирской купеческой компанией. При Анне Леопольдовне вышли указы (от 3 ноября 1740 г. и 4 марта 1741 г.) о взыскании с симбирских купцов Андрея Воронцова и Герасима Глазова «со товарищи» утаенных приборных таможенных и кабацких сборов на 129 015 руб. В Симбирск для расследования дела была Сенатом направлена специальная комиссия, которую возглавил прокурор Федор Жилин. 14 августа 1741 г. он представил в Сенат доклад о расследовании. В нем автор с сочувствием к виновным сообщал о том, что все средства свои опустили они в оборот и расплатиться полностью не могут. В то же время в Санкт-Петербург прибыли купцы из Симбирска, которые сообщили в Сенат о том, что прокурор и местный бурмистр Иван Твердышев стремятся собрать недоимки за счет всех симбирских купцов, применяя при этом наказания и пытки. Эти же симбирские гонцы поведали и о том, что Воронцов и Глазов не только в состоянии оплатить сами все недоимки, но и большие суммы: жалобщики назвали сумму в 500 тыс. руб. [Фирсов Н.Н., 1896, с. 191–192]. После такого сообщения прокурору Жилину пришлось объясняться с Сенатом. Вскоре он доложил в Санкт-Петербург, что виновные могут восполнить недоимки путем поставки в столицу на кружечные дворы 25 000 ведер вина. Чем закончилась эта история с Симбирской торговой компанией, неизвестно. Вместе с тем данный пример весьма примечателен. Подобного рода случаи с недоимками и откровенным воровством в российских торговых компаниях в рассматриваемый период, скорее, были правилом, чем исключением. Хотя на этапе становления это, наверно, было закономерно.

Вообще, говоря о государственно-правовом регулировании деятельности торговых компаний в Российской империи в первой половине и в середине XVIII в., следует отметить, что граф Шувалов сделал и немало полезного и важного для развития внешней торговли. К примеру, учрежденный по его ини-

циативе Купеческий банк в 1754 г. был создан «для поправления купечества и коммерции». А упразднение внутренних таможен на всей территории империи сняло искусственные преграды на пути торговли и придало мощный импульс для развития внешней торговли.

В 1739 г. российское правительство решило передать казенную караванную торговлю в руки частной компании, о чем было объявлено в указе от 21 сентября: «впредь китайскому караванному торгу не быть, а собрать компанию знатных купцов и прочих персон, кто пожелает в оную китайскую компанию положить капитал» [ПСЗРИ, Т. X, № 7906]. Но намерение правительства вновь разбилось о суровую действительность: неудачные «эксперименты» в сфере внешней торговли привели к тому, что китайские товары стали доставляться в Россию западноевропейскими торговцами через морские порты и западную границу империи.

В 1731 г. императрица Анна Иоанновна поручила действительному тайному советнику князю Черкасскому изучить вопрос о возможности учреждения торговой компании, деятельность которой должна была распространиться на ханства Средней Азии. Однако и этот проект остался лишь на бумаге. Причина оставалась прежней: купцы упорно не желали объединять свои капиталы. Также безуспешной осталась попытка учредить в 1752 г. судовую морскую компанию на Каспийском море для торговли с Хивой и Бухарой. На этот раз возражение пришло из Коммерц-коллегии, которая сообщала в Сенат о том, что значительная торговля с среднеазиатскими ханствами уже ведется из Оренбурга. Лишь в 1759 г. граф Воронцов в соответствии с указом получил исключительное право на учреждение «Коммерчествующей в Бухару и Хиву компании» сроком на 30 лет [ПСЗРИ, Т. XV, № 11046]. География деятельности этой компании определялась по всему левому берегу Каспийского моря, от Астраханского и Кизлярского портов до персидской границы. Любопытно, что компания графа Воронцова была первой в истории Российской империи, при учреждении которой не возник вопрос об объединении капиталов и соучредительстве: граф фактически становился единственным учредителем и владельцем торговой компании.

Развитие внешней торговли России, прежде всего, с государствами Востока стимулировало внутреннее производство. Собственно, этим целям было посвящено и отечественное законодательство. Постепенно импортные товары, доставлявшиеся из государств Азии, стали замещаться отечественными. Большое значение для российского производства имели поставки сырья из сопредельных стран Востока. Так, 23 декабря 1735 г. был издан указ о создании спе-

циальной компании для производства «плащенного и волоченного серебра и золота», а также для того, чтобы «золото и серебро прясть на шелк» [Фирсов Н.Н., 1896, с. 59]. Еще с петровских времен в России был принят ряд законодательных актов, направленных на поощрение шелковой промышленности. Это опосредованно стимулировало увеличение объемов ввоза шелка-сырца из стран Востока.

В одной из своих монографий мы уже писали о роли и значении рыболовства в развитии торгово-экономических отношений России с государствами Востока [Шкунов В.Н., 2007, с. 108–134]. В период правления Петра I были сделаны попытки учредить компании по добыче кита, семги и др. Так, барон Шафиров создал Семужную компанию, в которую вошли один иностранец и несколько архангельских торговцев. Компания, по всей видимости, вела успешную деятельность: сбыт семги за границу приносил компании и казне очень хорошие доходы. Это поощряло государство и отечественных предпринимателей к развитию рыболовства и морским промыслам и в других регионах Российской империи, в том числе и в Волго-Каспийском бассейне.

Среди других торговых и промысловых компаний, связанных с рыболовством и реализацией рыбы и рыбопродуктов за границу, следует отметить Астраханскую рыбную компанию, во главе которой стояли московские купцы Иван Мыльников и Иван Володимиров, а также рыбные конторы в Саратове и Гурьеве. Откупная сумма первой компании в начале 40-х гг. составляла 50 тыс. руб. в год. Указом от 22 декабря 1742 г. астраханские и саратовские рыбные ловли оказались под управлением статского советника Соковнина. Таким образом, российское правительство стремилось осуществлять контроль за рыбным промыслом [ПСЗРИ, Т. XI, № 8720].

Торговые и промысловые интересы российского купечества в середине XVIII века простирались и на Дальний Восток. Несомненно, импульс, заданный торговле в петровскую эпоху, оказался столь могучим, что перед купеческой инициативой, напористостью и целеустремленностью не было ни географических, ни политических, ни иных преград. Так, в 1748 г. купцом Юговым была основана компания, сферой деятельности которой стали камчатские «звериные промыслы». В Сенате с большим интересом и вниманием следили за результатами предпринимательской деятельности компании. И, действительно, вскоре пришли известия о том, что на островах близ Камчатки добыто до 5 тыс. бобров [ПСЗРИ, Т. XII, № 9480].

Ко второй половине XVIII века на огромных просторах Российской империи действовало немало торговых компаний. Наиболее крупные и значимые из

них осуществляли свою деятельность в приграничье: на Дальнем Востоке, в Даурии, Оренбуржье, на Кольском полуострове, в Астрахани и т.д. Для государственно-правового регулирования деятельности торговых компаний был характерен персонифицированный подход. Это свидетельствовало, с одной стороны, о том, что в России в это время еще отсутствовало единое законодательство в этой сфере. Многие компании создавались под конкретных лиц.

Практически на протяжении всего XVIII в. характерно наличие противоречий между российскими торговыми компаниями. Они не носили характера конкурентной борьбы в сфере торговли. Скорее, это были интриги за рынки сбыта и каналы торговли. Каждая компания стремилась к государственному закреплению территориальных «границ» ее деятельности. К примеру, еще в 40-е гг. XVIII в. существовали разногласия между яицкими казаками и ведомствами саратовской и астраханской рыбных контор о разграничении рыбных ловель. Отсутствие возможности судебного разрешения споров приводило к многочисленным жалобам «компанейщиков» как в центральные, так и в региональные органы власти. Нередко такие обращения рассматривались и не решались годами. Так, отданные в откуп все астраханские рыболовные ловли до Саратова, а также звериные и прочие угоды коломенскому купцу Сидору Попову на 10 лет привели к жалобам казаков. В соответствии с именным указом, волжским, терским и гребенским казакам запрещалось продавать «мешечную» икру и рыбий клей на сторону. Всю продукцию они должны были сдавать по средним ценам Сидору Попову. Казаки обратились в Правительствующий Сенат, сетуя на то, что зернистая икра, которая разрешена была казакам для торговли, при длительной транспортировке превращалась в подобие дегтя. До этого казаки вывозили (в том числе за границу) «мешечную» икру, которая сохраняла все свои качества. Казачий атаман яицкого войска Андрей Бородин в 1760 г. отмечал, что при таком подходе «иностранные народы будут довольствоваться самою чистою икрою, а российские подданные — негодною» [Фирсов Н.Н., 1896, с. 155]. Несмотря на веские доводы атамана, Сенат все же принял решение подтвердить привилегии Сидора Попова. Таким образом, просьба казаков осталась без удовлетворения. Сенат напомнил яицким казакам, что при сдаче «мешечной» икры Попову они должны оплатить ему и пошлину: 30 коп. с пуда икры, поскольку откупщик при отпуске икры за границу вносил в казну «немалый откуп».

Для первой половины XVIII в. характерно существование компаний «однодневок». Так, в сообщении Коммерц-коллегии в 1742 г. упоминалось о Персидской, Бухарской, Хивинской и иных торговых компаниях [Там же,

с. 33]. Вместе с тем, в Полном собрании законов Российской империи мы не находим правовых актов, касавшихся их деятельности, что свидетельствует о том, что они либо существовали на бумаге, либо вскоре после создания распались.

Уделяя особое внимание развитию торговых связей с Турцией, российское правительство предполагало учредить торговую компанию, деятельность которой распространялась бы на Константинополь. В 1757 г. нашлись желающие объединить свои капиталы в рамках создаваемой компании. Среди них — московский купец Хостатов, калужский — Шемякин и ярославский — Ярославцев (все купцы 1-й гильдии). В соответствии с именным указом, им разрешалось отпускать в Константинополь и итальянские города мягкую рухлядь, железо, чугун в деле, веревки, канаты, икру, рыбу, рыбий клей и пр. [ПСЗРИ, Т. XIV, № 10694]. О том, что указанные торговцы обладали значительными капиталами, свидетельствуют объемы разрешенных к вывозу товаров: так, железа можно было вывозить до 100 тыс. пуд., чугуна «в деле и не в деле» — до 50 тыс. пуд. [Там же]. Кроме названных купцов, осуществлять торговлю на данном направлении запрещалось, «дабы от того сей компании никакого подрыва и помешательства происходить не могло» [Там же]. В связи с созданием новой торговой компании командующему Донским войском Ефремову было дано указание обеспечить компании опеку и охрану.

В 1758 г. учреждена именным указом Компания персидского торгова. Астраханский губернатор и комендант Кизляра также получили приказ обеспечить всемерную поддержку и защиту участников компании. Среди первых желающих вступить в компанию оказались ассессор Козьма Матвеев и армянин Манвел Иссаханов. Предпочтение было отдано второму купцу, который, в отличие от первого, не стал запрашивать казенную субсидию для организации компании и снаряжения первой торговой экспедиции. М. Иссаханов стал обер-директором, а три его брата — директорами. Вскоре, чтобы армянские торговцы не монополизировали компанию, в состав ее руководящих органов были включены и другие торговцы, к примеру, астраханский 1-й гильдии купец Федор Кобяков, который также получил должность директора. Все директора Персидской торговой компании получили от правительства исключительное право носить при себе шпаги как знак представительства Российского государства.

Таким образом, созданные в первой половине и в середине XVIII века торговые компании под патронатом государства должны были стать альтернативой казенного торгова. При этом правительство сохраняло общий контроль над

деятельностью таких компаний, поскольку все они были переданы в «ведомство Правительствующего Сената». Государство брало на себя определенные обязательства: в частности, по охране и сопровождению торговых экспедиций, консульской защите своих подданных во время торговых операций за рубежом, выделению казенных субсидий под определенные гарантии и т.д. Все это свидетельствовало о повышенном внимании российского правительства к расширению деятельности торговых компаний, о поощрении организованной коллективной предпринимательской инициативы российских купцов, о расширении географии внешнеторговой деятельности отечественных предпринимателей.

Ко времени воцарения императрицы Екатерины II в Российской империи действовало несколько десятков торговых компаний, больших и малых. Их деятельность распространялась на самые разные сферы торговли, а география приложения их капитала охватывала всю страну — от Прибалтики до Тихого океана, от побережья Северного Ледовитого океана до казахских степей и ханств Средней Азии и Ирана. Сама императрица так оценивала деятельность торговых компаний: «В начале моего царствования я нашла всю Россию по частям розданной подобным компаниям, и хотя я 19 лет стараюсь сей корень истребить, но вижу, что еще не успеваю, ибо отрывки — авось, либо удастся — сим проектом называется» [Фирсов Н.Н., 1896, с. 206]. В период царствования Екатерины Великой внешняя торговля Российской империи набирала обороты, расширялась и деятельность отечественных торговых компаний, в том числе и тех, чья предпринимательская инициатива была связана с внешнеторговыми оборотами в странах Востока.

Список литературы

1. *Фирсов, Н.Н.* Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII столетия. Очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений / Н.Н. Фирсов. — Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. — 220 с.

2. *Шкунов, В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII — первой половине XIX века / В.Н. Шкунов. — Самара: ПФ ИРИ РАН, 2007. — 578 с.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

3.1. Эволюция государственной политики и российского законодательства в сфере торгово-экономических отношений Российской империи с государствами и народами Центральной и Средней Азии в XIX веке

Среднеазиатское направление внешней торговли имело особое значение для Российской империи. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, казахские степи и ханства Средней Азии оставались наиболее досягаемыми сопредельными территориями Востока для российского купеческого капитала. Во-вторых, торговые связи России с народами и государствами Центральной и Средней Азии были обусловлены историческими традициями, богатым опытом взаимодействия народов на протяжении нескольких веков. В-третьих, расширение и углубление торгово-экономического взаимодействия России с народами Центральной и Средней Азии были вызваны самими потребностями экономического развития Российской империи. Наконец, в-четвертых, на характер, условия и динамику торговых взаимосвязей России с народами и государствами рассматриваемого региона оказывало влияние активное участие в межгосударственной торговле мусульманского населения империи, в частности, татарских купцов, имевших много общего с народами Востока.

Определенные успехи на среднеазиатском направлении внешней торговли были достигнуты в первой четверти XIX века. Побуждаемые торговыми интересами некоторые отечественные купцы на свой страх и риск снаряжали торговые экспедиции в ханства Средней Азии. Конечно, далеко не все такие предприятия достигали поставленной цели: некоторые купцы в пути подвергались ограблению, попадали в рабство, утрачивали товары и т.д. Правительство всемерно поощряло торговлю отечественных купцов на среднеазиатском направлении, в том числе и методами морального поощрения. К примеру, купец Петропавловской крепости Тобольской губернии Калужский в 1811 г. отправил один караван с товаром в Кокандское ханство, а другой караван — в казахские степи. Как отмечала «Северная почта» в этом же году, «первое предприятие имело целью открыть новый рынок для нашей торговли и, снискав посланными значительными подарками расположение кокандского владельца Алим-Бека-

хана, Нарбатаханова сына, испросить у него позволение кокандскому купечеству приезжать с товарами в Россию» [Из Петропавловской крепости // Северная почта, 1811, № 8]. Торговая операция прошла успешно. Очевидно, приказчики купца Калужского не только выгодно продали отечественные товары, но и доставили в Петропавловскую крепость необходимые восточные товары. Данный пример примечателен не только самим фактом успешного торгового предприятия на малоизвестном для российских купцов кокандском рынке, но и реакцией правительства: за вклад в развитие отечественной внешней торговли он был награжден золотой медалью.

Пример Калужского побудил тарского купца Тобольской губернии Нерпина снарядить торговый караван в пограничный китайский город Кульджу. В 1811 г. приказчики Нерпина проследовали через Бухтарминскую таможню и благополучно прибыли в Кульджу. Узнав о благоприятном исходе предпринятой торговой экспедиции Нерпина, другие сибирские купцы также снарядили караван на сумму 25 тыс. руб. [Там же]. По всей видимости, в тот год в степи было спокойно, поскольку не только российские караваны благополучно добирались до ханств Средней Азии, но и среднеазиатские купцы прибывали на пограничную линию. В этот год таможнями зафиксирован, к примеру, приход в Орскую крепость бухарского каравана на 570 верблюдах, на которых было доставлено разного товара в 1242 тюках (в основном хлопок-сырец и пряжа) [Из Оренбурга // Северная Почта, № 71].

Изменение государственной внешнеторговой политики произошло в 1812 г. в связи с началом Отечественной войны. Европейское направление российской внешней торговли оказалось недоступным по причине военных действий. Поэтому не случайно повышенное внимание российские купцы обратили на восточное направление внешней торговли. В этот год было снаряжено несколько торговых караванов в сопредельные страны Востока. Губернские власти приграничья оказывали всемерную поддержку торговым инициативам российских купцов. Несколько караванов в казахские степи были снаряжены крупнейшими калужскими 1-й гильдии купцами Свешниковыми, имевшими свои конторы в Крепости Святого Петра. Благодаря их коммерческим связям со среднеазиатскими торговцами, на пограничную линию в 1812 г. через Петропавловскую таможню неоднократно прибывали бухарские и ташкентские торговые караваны, а сами Свешниковы снарядили караваны с отечественными товарами в Коканд и казахские степи. В этот год из Орской крепости вышел бухарский караван с российскими хлопчатобумажными изделиями и цитварным семенем на 66 верблюдах [Из Оренбурга // Северная Почта, 1812, № 11]. В Бух-

тарминскую крепость прибыл караван с китайскими товарами (в основном с серебром) на общую сумму в 5 тыс. руб. [Из Тобольска // Северная Почта, 1812, № 31]. Ишимский купец Маслов отправил в казахские степи «на значительную сумму меха, сукна, китайки, юфть и другие отечественные изделия» [Из Тобольска // Северная Почта, 1812, № 52]. В Оренбурге на Меновом дворе в большом количестве в 1812 г. сбывалась так называемая красная юфть, которая выделялась на кожевенных заводах в Кунгуре Пермской губернии. Ее закупали в основном бухарские и хивинские купцы.

Успешными были торговые операции отечественных купцов на среднеазиатском направлении и в 1813 г. Те же Свешниковы отправили в Кокандское ханство караван с собственным товаром на 45 тыс. руб. и доверенный им товар на 65 тыс. руб. [Из Петропавловска // Северная Почта, 1813, № 62]. Отправка товара осуществлялась и из Астрахани. В этот же год отсюда вышли три каравана с товаром в Хиву и отбыли три торговых судна в Иран [Из Астрахани // Северная Почта, 1813, № 69]. В 1814 г. в приграничье возвратился караван Свешниковых из Бухары с хлопчатобумажными и шелковыми тканями, а вскоре купцы отправили в ханство новый караван на этот раз на 1500 верблюдах с товаром стоимостью в 1 млн руб. [Из Петропавловской крепости // Северная Почта, 1814, № 101]. Не прерывались торговые связи России с ханствами Средней Азии и казахскими степями и в последующие годы. При этом отмечалось расширение ассортимента экспортно-импортных товаров. К примеру, в 1818 г. из Бухары и Коканда в Петропавловскую крепость прибыли караваны в 500 верблюдов с кашемировыми тканями, звериными шкурами и прочими товарами [Из Петропавловска // Северная Почта, 1818, № 87]. Примечательно, что среди доставленных товаров было немало реэкспортных. Это свидетельствовало о расширении международной торговли в Средней Азии, о возрастании потребительского спроса в России на товары из Индии, Кашмира, Пенджаба и иных регионов Южной Азии.

3.2. Эволюция государственной системы управления внешней торговлей в России в XVIII–XIX веках

На протяжении XVIII века система государственного управления внешней торговлей неоднократно претерпевала изменения. Это было вызвано как стремлением правительства к совершенствованию самого процесса управления и к усилению контроля за одной из важнейших сфер общественной жизни, так и расширением внешнеторговой деятельности российского купечества на са-

мых разных направлениях торговли. Также на структурные изменения оказывали влияние и другие факторы: накопление собственного опыта и изучение особенностей организации внешней торговли в зарубежных странах, изменение внешнеполитических приоритетов, системные перемены в национальной экономике и т.д.

В период правления Петра I предпринимались меры для всемерного развития внешней торговли. Император был убежден, что в одиночку российские купцы будут не в состоянии конкурировать с иностранными торговцами. И даже при создании торговых компаний во время его царствования государство вынуждено было субсидировать отечественных торговцев «ради скудости капиталов» [ПСЗРИ, Т. VII, № 4540]. Расширить торговлю российских купцов за границей в период правления Петра Великого не удалось, но вместе с тем, в это время были заложены сами принципы внешнеторговой стратегии Российского государства. Поэтому не случайно основная стратегическая позиция по вопросам расширения внешней торговли империи оставалась неизменной и в последующие периоды царствования преемников первого российского императора.

Вопрос о всемерной поддержке учреждения торговых компаний в России был обусловлен и тем обстоятельством, что казна, да и частные купцы теряли значительную прибыль из-за того, что сбывали отечественные товары непосредственно иностранцам в российских портах. Так, такие казенные товары, как поташ и смольчуг, за отпуск которых отвечала Коммерц-коллегия, оптом отпускались иностранцам в указанных морских портах. В свою очередь, Камер-коллегия обеспечивала отпуск таких казенных товаров, как икра, рыбий клей, ревень. В большом количестве эти товары доставлялись в порты Голландии и Англии, а уже оттуда расходились по всей Европе, но уже по достаточно высоким ценам. Эта игра на ценах давала европейским торговцам баснословные прибыли, которые, по сути, теряла российская казна. Все это прекрасно понимал и сам Петр I, и его преемники. Не случайно в 1728 г. Комиссия по торговле докладывала о необходимости учреждения специальной торговой компании, которая бы занималась вывозом казенных товаров непосредственно в страны Европы [ПСЗРИ, Т. VIII, № 5273]. Такой же выигрыш получила бы казна, да и все российские купцы, если бы за границу хлеб вывозился также не иностранцами, а отечественными торговцами. При этом, как указывали члены комиссии, рожь, пшеницу и овес можно было вывозить не тогда, когда собран урожай, а тогда, когда в Европе на хлеб складывались самые высокие цены. Данные вопросы были рассмотрены на заседании Верховного Тайного Совета 28 мая 1728 г., в который входил председатель Комиссии по торговле барон Остер-

ман. О важности обсуждаемых вопросов свидетельствует и тот факт, что они стали предметом рассмотрения и на заседании Правительствующего Сената. Возражений ни у кого из присутствующих не было: и члены Верховного Тайного Совета, и сенаторы согласились, что следует более настойчиво отстаивать интересы казенной торговли за рубежом [Там же]. Некоторые из участников обсуждения были весьма категоричны и призывали «отобрать всю торговлю» у иностранцев и забрать ее «в свои руки». Как вариант предлагалось учредить за границей специальную Комиссию, которая бы и занималась реализацией доставленных российскими купцами отечественных товаров.

Центральным органом управления внешней торговли на протяжении практически всего века оставалась Коммерц-коллегия, учрежденная в 1716 г. Петром Великим. После решения всех организационных вопросов этот орган государственного управления торговлей приступил к работе в 1718 г. Первым президентом Коммерц-коллегии стал граф Петр Андреевич Толстой. В ведении этого органа государственного управления находился самый широкий круг вопросов как внешней, так и внутренней торговли.

В 1763 г. учреждена Главная канцелярия над таможенными сборами, которую возглавил граф Эрнст Миних. В 1780 канцелярия была упразднена, а ее функции переданы ведомству казенных налогов и генерал-губернаторам. Купеческие и биржевые дела рассматривались в губернских магистратах. Такое перераспределение полномочий привело к тому, что в 1796 г. был поставлен вопрос об упразднении Коммерц-коллегии, однако указом императора Павла I от 19 ноября того же года она была восстановлена.

В 1800 г. утверждены новое штатное расписание Коммерц-коллегии, причем ее президент князь Гагарин стал именоваться Министром коммерции. В структуру Коммерц-коллегии входило семь экспедиций. В компетенцию первой входил широкий круг вопросов внешней торговли. Вторая экспедиция отвечала за развитие внутренней торговли России, третья — за торговые сообщения и купеческие верфи, четвертая — за таможенные дела. Также в состав Коммерц-коллегии входили на правах экспедиций счетная, бухгалтерская и секретная.

В 1802 г. в связи с учреждением министерств государственная Коммерц-коллегия была упразднена, а ее функции перешли к Временному департаменту Коммерц-коллегии (в ведении Министерства финансов). В свою очередь, вопросы регулирования внутренней торговли перешли в ведение Министерства внутренних дел. 25 октября 1811 г. состоялось официальное открытие Департамента внешней торговли.

В 1815 г. в Департаменте внешней торговли было открыто Счетное отделение, а в 1823 г. утвержден новый штат. В этом же году было создано Судное отделение для производства «тяжебных и судебных дел». Практически в неизменном виде Департамент внешней торговли просуществовал 53 года. Лишь 26 октября 1864 г. указом императора было утверждено мнение Государственного Совета о сосредоточении в одном Департаменте Министерства финансов всех торговых дел. В связи с этим, из Департамента внешней торговли в Департамент мануфактур и внутренней торговли было переведено Отделение внешних торговых сношений. Тем же указом Департамент внешней торговли был переименован в Департамент таможенных сборов, а Департамент мануфактур и внутренней торговли — в Департамент торговли и мануфактур [Кайданов Н., 1877, с. IV–V].

Однако и иные органы государственного управления также имели отношение к торговле. К примеру, Коллегия иностранных дел выходила с ходатайством в Сенат по вопросам торговых отношений России с Хивинским и Бухарским ханствами. 17 марта 1727 г. указом императрицы Екатерины I была учреждена также «особливая» комиссия для рассмотрения жалоб, проектов и предложений российских купцов по вопросам торговли. В указе, в частности, говорилось о том, что все письменные обращения купцов, поступившие в адрес генерал-губернаторов или воевод, должны быть без замедления доставлены в Санкт-Петербург для рассмотрения в учрежденной Комиссии о торговле [ПСЗРИ, Т. VII, № 5093]. Чиновникам же комиссии предписывалось тщательно разбираться в существе поставленных вопросов и принимать решения «к народной пользе». Особую заботу этот государственный орган проявлял по отношению к казенной торговле и тем направлениям торговой деятельности, которые предполагали участие крупнейших торговцев империи. За годы существования комиссии сюда поступило большое количество писем, жалоб, ходатайств, предложений, проектов. По-видимому, жалоб было больше, поскольку в 1742 году Комиссия признала факт нахождения российского купечества «в плачевном положении». К такому выводу члены комиссии пришли не случайно. По их мнению, купцы сами мешают друг другу, поскольку мелкие торговцы обрушивают цены в портах, сбывая свой товар по бросовым ценам и нанося, таким образом, ущерб интересам крупных купцов. Каков же тогда выход? Как направить кипучую энергию купцов в нужное русло, чтобы они не мешали друг другу, а еще лучше — приносили ощутимую пользу государству Российскому?

Ответ Комиссии заключался в следующем: все проблемы могут быть устранены, если купцы начнут объединять свои капиталы в рамках крупных торговых компаний. Иначе, очевидно, члены Комиссии и не могли ответить. В данном случае он выступали как истинные государственники, радевшие о пользе казне.

В 1758 г. по инициативе графа П.И. Шувалова при Сенате была создана Комиссия о коммерции, задачей которой стало собрать все рациональные предложения о способах и методах развития российской внешней торговли. О ее деятельности речь пойдет ниже.

Со вступлением в должность министра финансов графа Канкринна особое внимание было обращено на развитие внешней торговли. 14 ноября 1824 г. было издано «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий» [ПСЗРИ, 1824, 14 ноября, № 30115]. Определенная этим законом патентная система обложения торговли и промыслов действовала до реформы 1863 г. Вместо гильдейского сбора вводилось свидетельство на право торговли. Купцы 1-й гильдии получили следующие права: 1) вести повсеместно как внутренний, так и заграничный оптовый торг отечественными и иностранными товарами; 2) иметь собственные корабли для осуществления морской внешней торговли; 3) осуществлять перевод денежных средств в российские и иностранные города; 4) открывать страховые конторы; 5) входить в казенные подряды и откупа, а также заключать частные контракты и маклерские договора на любую сумму [Там же]. Этим же законом четко регламентировались права купцов 2-й и 3-й гильдий, в том числе по вопросам их участия во внешней торговле и в торговле иностранными товарами на территории Российской империи. Анализируемый закон определял и права иностранных торговцев в России. В частности, им разрешалось торговать и иметь жительство только в том портовом или пограничном городе, где они были зарегистрированы и где они пользовались теми же правами, что и отечественные торговцы. Вместе с тем в отношении иностранных купцов вводились и определенные ограничения. Так, им запрещалось иметь вексельные дела с купцами 3-й гильдии, торгующими крестьянами, а также мещанами, посадскими и иными лицами. Им не разрешалось торговать в розницу, иметь или арендовать фабрики, заводы, мельницы, торговые заведения, а также высылать свои товары в любые российские города, за исключением трех важнейших ярмарок: Нижегородской, Ирбитской и Курской Коренной. Приезжающим же иностранным купцам, в соответствии с Положением 1824 г., разрешалось брать свидетельство купца 2-й гильдии, если

они оставались при бирже на срок более 6 месяцев. При этом они были обязаны оплатить установленные городские и земские повинности. По истечении этого срока приезжий иностранный купец должен был или вступить в права и обязанности иностранного гостя (с получением свидетельства купца 1-й гильдии), или покинуть пределы Российской империи, или же остаться в стране, но в качестве неторгующего иностранца. Введение в действие нового положения привело к увеличению гильдейского сбора: если в 1824 г. он составил 9 476 839 руб., то на следующий год — уже 13 162 300 руб. [Исторический очерк, 1893, с. 132]. В последующие же годы гильдейские доходы стали снижаться из-за значительно увеличенных окладов. Вот почему указами от 11 июля 1826 г. и 21 декабря 1827 г. ставки пошлин за выдачу торговых свидетельств были снижены.

Высочайшим повелением от 12 ноября 1847 г. главнокомандующему II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии было поручено пересмотреть торговые уставы. Как это нередко было, Министерство финансов и иные органы государственного управления столь тщательно готовили вопрос, что «затянули» его решение на несколько лет. Лишь 1 мая 1853 г. указом императора при Министерстве финансов была учреждена Комиссия для рассмотрения гильдейских постановлений и положения о почетных гражданах. Деятельность этой комиссии продолжалась 10 лет: лишь к 1863 г. все предложения комиссии легли в основу реформы.

7 июня 1860 г. высочайшим указом иностранцам, временно или постоянно пребывающим в России, были предоставлены следующие права:

- даровано право вступать во все купеческие гильдии и пользоваться всеми правами, предоставленными отечественным купцам;
- иностранным торговцам разрешено приобретать (любым способом) движимое и недвижимое имущество на всей территории Российской империи и пр.

Патентная система, которая была введена при графе Канкрине в 1824 г., привела к следующим объемам сборов (см. табл. 1).

Таким образом, введенная графом Канкриным патентная система, рассчитанная на значительное увеличение поступлений денежных средств в государственную казну, не принесла существенного эффекта. Причиной такого положения стали сохранение сословных преград на пути развития торговли, а также завышенные цены на торговые документы.

**Динамика патентных сборов в Российской империи
с 1824 по 1862 гг.***

Год	Объем патентного сбора в руб.	Снижение или увеличение в руб.
1824	2 707 668	– 18 565
1825	3 760 657	+ 1 052 989
1826	3 086 261	– 674 396
1827	2 311 281	– 774 980
1830	2 185 302	– 522 366
1840	3 062 615	+ 877 313
1850	3 687 859	+ 625 244
1860	5 188 522	+ 1 500 663
1861	5 219 206	+ 30 684
1862	5 233 960	+ 14 754

* *Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. — СПб.: Тип. В. Кирибаума, 1893. — 423 с.*

Комиссия, о которой мы упоминали выше, состояла из директора Департамента торговли мануфактур, управляющего Департаментом окладных сборов, помощника председателя Высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра системы податей и сборов, тайного советника Гирса, вице-директора Департамента торговли и мануфактур, действительного статского советника Кригера и члена комиссии от Министерства внутренних дел, коллежского советника Ермакова. Также в работе комиссии принимали участие председатели казенных палат Пермской, Псковской, Симбирской, Смоленской, Таврической и Тверской губерний, а также приглашенные лица из числа торгового и промышленного сословия. Проекты, разработанные комиссией, были опубликованы для всеобщего обсуждения. В результате в проект Положения были включены 4 дополнительные главы:

- О заведывании сбором пошлин на право торговли и других промыслов (гл. X, ст. 91–92);
- О порядке наблюдения за правильным производством торговли (гл. XI, ст. 100–114);
- О взыскании за нарушения правил, для производства торговли постановленных (гл. XII, ст. 115–126);

- О порядке производства дел по взысканиям за нарушение положения о пошлинах на право торговли и промыслов (гл. XIII, ст. 127–145).

1 января 1863 г. Министр финансов с разрешения императора (от 1 декабря 1864 г.) представил проект на рассмотрение Государственного Совета. На заседании совета вместо пересмотра уставов торговых 9 февраля получило Высочайшее утверждение новое Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов [ПСЗРИ, 1865, 9 февраля, № 41779]. Это положение с небольшими изменениями и дополнениями сохранялось на протяжении всех последующих десятилетий до конца XIX века.

Заметим, что с вступлением в законную силу нового Положения на обширных окраинах Российской империи действовали свои особые постановления. Это касалось губерний Царства Польского, области Казачьих войск, а также значительных территорий Кавказа и Азиатской России. Именно через территории этих крупнейших областей империи осуществлялись внешнеторговые связи России с зарубежными странами, поэтому решение вопроса о распространении действия Положения на окраины империи имело особое значение.

Так, применительно к Царству Польскому пересмотр торгового обложения было возложен на Комиссию Кошелева. Проекты новых законов неоднократно пересматривались и возвращались на доработку. Лишь 23 мая 1868 г. указом императора проект приобрел силу закона. С этого времени по торгово-промышленному обложению губернии Царства Польского были уравнены с другими регионами Российской империи.

Иначе обстояло дело в землях Войска Донского, поскольку исторически издавна казаки пользовались особыми льготами и привилегиями, в том числе в торговле. Не случайно в 1867–1869 гг. между министерствами военным и финансов велась долгая переписка о применении Положения о пошлинах в казачьих войсках Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Забайкальском и Семиреченском. В конечном счете, Положение о пошлинах 1865 г. было практически полностью распространено на казачьи области с установлением особых правил. В частности, вместо доходов от торговли, которые получали казачьи войска, из Государственного казначейства стали поступать компенсации. Так, Кубанскому войску полагалось 69 200 руб. в год, Оренбургскому — 36 000 руб., а Семиреченскому — всего 2 600 руб., что, разумеется, не могло полностью компенсировать ту выгоду, которую получали казаки от торговли [Историческое описание, 1893, с. 227]. Государство в этом случае добилось главного: оно выкупило право беспошлинной торговли в казачьих областях, сохранив его лишь в Войске Донском.

Положение о пошлинах 1865 г. в полном объеме распространилось на территорию Закавказского края с 1 января 1876 г., а с присоединением к Российской империи Туркестанского края и образованием генерал-губернаторства — с 1867 г. на части Сырдарьинской области. На других территориях Средней Азии под действие этого положения попадали лишь российские купцы, а местные среднеазиатские торговцы вынуждены были по-прежнему платить торговый сбор — зякет (2,5 % от объявленного купцами капитала. — В.Ш.).

В 1872 г. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора была создана специальная комиссия в Ташкенте для изучения вопроса о торговых сборах. В марте 1874 г. комиссия представила свой проект в Министерство финансов, которое его утвердило 30 мая этого же года. С 1 января 1875 г. на территории Туркестанского генерал-губернаторства отменялся зякет. Следует отметить, что многие статьи Положения на практике в Средней Азии просто не работали в силу специфики местного рынка и установившихся на протяжении веков правил торговли. Вот почему в Положение неоднократно (применительно к Туркестанскому генерал-губернаторству) вносились уточнения, поправки. В итоге 15 марта 1885 г. Министерство финансов представило на суд Государственного Совета новые правила о применении Торгового положения в Туркестанском крае.

В 1885 г. государственная политика в сфере внешней торговли претерпела изменения вследствие существенных дополнений в Положение о пошлинах за право торговли и промыслов. В частности, особыми сборами были обложены ярмарки, установлены сборы в пользу земств и городов, увеличены торговые сборы за свидетельства и билеты, сокращено количество билетов для приобретения торговых и промысловых свидетельств. Особую роль стали играть акцизные уставы, в соответствии с которыми регламентировалось производство некоторой продукции, напрямую связанной с внешней торговлей. Под особое регулирование попадало сахарное и табачное производство, торговля табаком и табачными изделиями, спичечные фабрики, заведения для выделки и продажи винно-водочных изделий и т.д.

В начале 90-х гг. XIX в. возникла необходимость пересмотра Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. Это было связано с ростом числа предприятий крупной промышленности, доходы которых были несопоставимы с размером пошлин. По инициативе Министерства финансов предполагалось поручить данный вопрос специальной комиссии. Предполагалось, что внесенные изменения в Положение должны увеличить поступления в Государ-

ственное казначейство до 3,5 млн руб. Инициатором новаций стал тайный советник С.Ю. Витте; его предложения, в конечном счете, были одобрены Государственным Советом и утверждены указом императора 21 декабря 1892 г.

Таким образом, государственно-правовое регулирование патентного обложения торговли, связанное с акцизными сборами, привело к приросту государственных доходов. Динамика роста торговых сборов приведена в табл. 2.

Таблица 2

**Динамика роста торговых сборов
за период с 1863 по 1891 гг.***

Показатель	1863 г., руб.	1874 г., руб.	1885 г., руб.	1891 г., руб.
Торговые пошлины	6 222 985	12 886 418	21 770 173	25 476 438
Дополнительный 3 %-ный сбор	—	—	2 173 265	2 969 522
Раскладочный сбор:	—	—		
- с гильдейских предприятий;	—	—	2 569 823	4 335 106
- с негильдейских предприятий	—	—	—	1 258 952
Всего	6 222 985	12 886 418	26 513 261	34 040 018
Прирост	-	6 663 433	13 626 843	7 526 757

* *Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. — СПб.: Тип. В. Кирибаума, 1893. — 423 с.*

**3.3. Таможенная и тарифная политика в России в XVIII–XIX веках:
от меркантилизма к протекционизму**

В XVII веке единого государственного подхода к организации таможенного дела в России не было. Таможенные места находились, как правило, в ведении князей, церкви, городов. В период царствования Алексея Михайловича таможенные сборы перешли на откуп. Однако в 1654 г. указом царя были ликвидированы откуп мостовой и перевозного сбора. А в 1681 г. фактически были отменены откупа всех таможенных сборов. Таким образом, в системе государственного управления России были учреждены институты таможенного голо-

вы, таможенных целовальников. В наиболее значимых для внешней торговли России местах созданы таможенные избы. В целом на протяжении всего XVII века внешняя торговля России имела две особенности: 1) в импорте она была практически полностью ориентирована на богатые сословия россиян (об этом свидетельствовал и ассортимент товаров, ввозимых из-за границы); 2) в экспорте же отражала реальный уровень развития производительных сил страны. По большому счету, внешняя торговля в это время совершенно не затрагивала самые широкие слои российского общества.

С воцарением на престоле Петра I в России вновь была восстановлена система таможенных откупов. Торговый (1653 г.) и Новоторговый (1667 г.) уставы предусматривали рублевую пошлину, которая взыскивалась не со всех товаров и не со всех купцов. Поэтому не случайно в 1705 г. Петр I ввел так называемую новоуравнительную пошлину [ПСЗРИ, Т. IV, № 2033]. В соответствии с указом, в Москве и в других городах местные жители при покупке товара платили с него такую же пошлину, как и продавец; а жители уездов обязаны были предъявлять в таможенных деньги на покупку товара и оплачивать с него пошлину. В последнем случае продавец, прежде чем продать товар, должен был привести покупателя в таможенную до момента фактической торговой сделки. Столь обременительная процедура просуществовала в России 9 лет (до 1714 г.), после чего правительство отменило взимание пошлины с покупки товара. Таким образом, пошлина стала взиматься в соответствии с Торговым уставом (5 коп. с рубля. — В.Ш.), т.е. только с продажи [ПСЗРИ, Т. V, № 2773]. Также император, озабоченный пополнением государственной казны, повелел указом от 20 октября 1705 г. провести кадастровую оценку торговли и промыслов. Для этого во всех российских городах, слободах и селах, подведомственных ратуше, проведена перепись всех купцов, а также посадских и слободских людей. Таким образом, Петр I хотел реализовать идею о введении по всей стране промыслового налога. Однако все меры государственно-правового регулирования торговли, как внутренней, так и внешней, не дали в первом десятилетии века должного эффекта: казна не получила весомого пополнения. Поэтому император в своем обращении к Сенату 2 марта 1711 г. повелел рассмотреть возможности об устранении всех препятствий на пути торговли и о позволении торговать «всякому чину». 13 апреля того же года Сенат фактически поддержал идею императора «о свободном всем торге», а также предложения Посошкова и Рогозинского о снижении торговых пошлин. Особое значение для развития внешней торговли имела также инициатива об учреждении за границей торговых агентств и консульств и направлении за рубеж способных людей в статусе

коммерции советника. Всеми этими правительственными распоряжениями в России были заложены основы политики меркантилизма. Собственно, эту же цель преследовал и указ от 8 апреля 1719 г., когда в качестве казенных товаров были сохранены лишь поташ и смольчуг [ПСЗРИ, 8 апреля 1719, № 3428].

В начале века вся таможенная стража составляла всего 15 тыс. чел., что для государства с его очень протяженной сухопутной и морской границей было явно недостаточно. Откупные суммы вносились в определенные правительством сроки. В 1725 г. для контроля над таможенными сборами учреждено Главное управление таможенных сборов. Вместе с тем, заметим, что и в петровскую эпоху актуальной оставалась проблема контрабанды. Многие импортные товары не проходили таможенную очистку, что, безусловно, отрицательно сказывалось на объемах таможенных сборов, а следовательно, и на доходах государства. Таким образом, несовершенная организация таможенного и пограничного дела в Российской империи в рассматриваемый период принижала роль и значение внешней торговли: государство не получало то, что могло и должно было получить.

В 1757 г. был обнародован новый тариф. Любопытно, что издание тарифа сопровождалось иллюстрацией. Ее описание приведено в этом же издании. Приведем его полностью, поскольку оно очень хорошо иллюстрирует и суть государственной внешнеторговой политики, и направления российской внешней торговли: «Россия, кроме своего копья и щита, держит весы правосудия и зрительную трубу, при ногах ее лежат знаки военной силы, а правой рукой подымает вверх щит имени Ея Императорского Величества, защищая оным следующие фигуры, к ней приходящие, а именно, коммерция в образе девицы, цветами на голове увенчанная, в левой руке меркуриев жезл и рог изобилия, в правой же — несколько цветов и плодов держит, которые, вынув она из сего рога изобилия, оные России подносит, подле сей стоит другая фигура в восточном одеянии, представляющая восточную коммерцию, и также подносит в чаше ладан, смирну, пряные коренья, жемчуг и драгоценные камни, позади сих фигур стоит справедливость, на главе — треугольник, а в руке водовес имеющая, и она помянутые фигуры якобы провожает и представляет пред Россией; вдали видна гавань с судами, а пред фигурами лежат всякие крупные товары» [Цит по: Фирсов Н.Н., 1869, с. 209].

В период правления Екатерины II вновь введено казенное управление таможенными сборами. Это привело к росту доходов казны.

С начала XIX века таможенная политика Российской империи была ориентирована на поощрение отечественного производства и ограничение импорта

готовых заграничных изделий. Впоследствии с развитием некоторых отраслей промышленности таможенные пошлины стали постепенно уменьшаться, что привело к снижению цен на импортные товары и росту потребительского спроса и импорта.

В эти годы государственная политика была направлена на укрепление таможенного управления в России. В частности, в 1811–1812 гг. были образованы таможенные округа и упорядочено таможенное управление. Особое значение для черноморского направления российской внешней торговли имело учреждение порто-франко в Одессе (14 июля 1817 г.). Следует отметить, что в первой четверти XIX в. накопился значительный пласт документов по истории таможенного дела, а также переписка таможен с вышестоящими органами, дела об учреждении и устройстве пограничной стражи, о карантинах и карантинном надзоре, об учреждении портов, гаваней и пристаней, дела по изданию таможенных уставов, в том числе таможенного устава по азиатской торговле 1817 г., Карантинного устава, тарифа общего и по европейской торговле, тарифа по торговле с Финляндией и Царства Польского, Бессарабской области, на Кяхте и т.д.

Заметим, что импортные и экспортные пошлины в этот период времени существенно различались по группам товаров. Приведем пример по вывозным пошлинам на шерсть. В 1757 г. она составляла 2,5 руб. с пуда; в 1766 г. введен запрет на экспорт; в 1782–1797 гг. на вывоз черной шерсти установлена пошлина в 4 коп., а экспорт тонкой шерсти запрещен. В 1805 г. пошлина составила соответственно 4 и 50 коп., тонкая в 1816–1825 гг. по 25 коп. и 50 коп., в 1831 г. пошлины вновь отменены [Субботин А.П., 1878, с. 272]. Импортные же пошлины менялись следующим образом: до 1816 г. — беспошлинно, в 1816–1825 гг. — 5 % с цены, в 1819–1822 гг. — 50 коп. с пуда, в 1827 г. — 1,5 руб., в 1831 г. — 1 руб. 90 коп., в 1832–1876 гг. — по 22–44 коп. [Там же]. Данный пример — свидетельство достаточно высокой динамичности внешнеторговой тарифной политики России на протяжении XIX века. Лишь на некоторые товары пошлины были относительно стабильными: к примеру, пошлины на табак составляли 14 % от цены. При этом в Россию ввозили лучшие, дорогие сорта табака, а в 50-е гг. стали вывозить за границу дешевые отечественные сорта. Достаточно высокая ставка пошлины объяснялась стремлением правительства поощрить развитие отечественного табаководства.

Динамика таможенных пошлин в России в 1720–1876 гг. *

Годы	Таможенный сбор, млн руб.	% оборота	На душу населения, коп.
1720	0,5	—	4
1750	0,9	—	5
1780	2,3	—	8
1800	4,0	—	10
1814–1821	11,0	—	22
1822–1831	15,7	14,5	28
1832–1841	24,2	18,6	44
1842–1851	30,3	17,6	51
1852–1861	28,6	11,7	48
1862–1871	36,2	8,0	54
1872–1873	56,4	6,9	72
1874	59,1	6,5	76
1875	65,6	7,8	77
1876	70,7	7,1	77

* *Примечание: Субботин А.П. Курс промышленной экономики и коммерческой географии в связи с торгово-промышленной статистикой России и главнейших государств мира / А.П. Субботин. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878. — С.264.*

Еще в 1878 г. известный российский исследователь А.П. Субботин отмечал, «что наше производство из самосохранения еще нуждается в охранительном тарифе; оно еще далеко не окрепло настолько, чтобы соперничать с иностранным» [Субботин А.П., 1878, с. 265]. Автор точно подметил, что в России развиваются те отрасли, которые основаны на переработке сырья. Вследствие этого А.П. Субботин пришел к выводу: «Свобода уместна только для народов коммерчески равносильных; если же свобода допущена в сношениях народа лучше поставленного с народом, живущим в неблагоприятных условиях, то первый помешает второму достигнуть высших ступеней деятельности, оставит на его долю производство сырья, а на себя возьмет фабричную обработку» [Там же].

**Динамика внешней торговли
Российской империи в 1819–1876 гг.***

Годы	Привоз			Вывоз			Весь оборот	На душу
	По европейской торговле	По азиатской торговле	Всего	По европейской торговле	По азиатской торговле	Всего		
1819–1823	46	6	52	51	4	55	107	2–60
1824–1828	44	5	49	52	4	56	105	–
1829–1833	45	6	51	60	5	65	116	–
1834–1838	57	7	62	64	5	69	131	–
1839–1843	65	12	77	71	8	79	156	2–70
1844–1848	71	14	85	74	10	84	169	–
1849–1853	84	15	99	110	11	121	220	4–10
1854–1858	95	18	113	104	11	115	228	4–15
1859–1863	133	23	156	154	13	167	323	5–40
1864–1868	186	26	212	192	20	212	424	6–10
1869–1873	359	19	378	320	9	329	707	8–70
1874–1876	461	23	484	384	10	394	878	10–40

* *Примечание: Субботин А.П. Курс промышленной экономики и коммерческой географии в связи с торгово-промышленной статистикой России и главнейших государств мира / А.П. Субботин. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878. — С. 265.*

Введение в 1891 г. покровительственного таможенного тарифа отвечало насущным потребностям российской экономики. При подготовке нового тарифа правительство Российской империи вынуждено было считаться и с позициями своих основных торговых партнеров, прежде всего, европейских стран. Достаточно сложными, к примеру, были переговоры с французским правительством. Как следствие достижения компромисса стало заключение так называемых конвенций. Конвенционные понижения ставок были отмечены по 51 статье российского тарифа. Так, по 20 статьям и пунктам снижение составило 10 %, по 18 — 15 %, по 5 — 25 % [Фабрично-заводская промышленность, 1896, с. 605]. Учитывая, что конвенции были заключены не со всеми странами Европы, импорт некоторых европейских товаров в Россию фактически оказался невыгодным из-за очень высокого таможенного обложения. Особенно в неблагоприятных условиях оказалась Германия. В соответствии с законом о двойном тарифе, германские товары, доставляемые в Российскую империю, облагались пошлинами на 20–30 % выше. Все это, в конечном счете, привело к тому, что германские власти объявили России самую настоящую таможенную войну. С 20 июля 1893 г. германское правительство установило повышенную на 50 % ставку таможенных пошлин на ввозимые российские товары. Адекватные меры приняло и российское правительство, которое увеличило ластовые сборы на все прибывающие германские корабли. Все эти противоречия не отвечали интересам германского и российского купечества. Вот почему зимой 1893–1894 гг. в Берлине состоялись переговоры, которые закончились намерением сторон заключить двусторонний межгосударственный договор о торговле и мореплавании. Договор после высочайшей ратификации вступил в силу с 8 (20) марта 1894 г.

На протяжении всего XIX века таможенное законодательство неоднократно менялось от запретительных мер и высоких пошлин в начале столетия до фритредерских пошлин во второй четверти и возвращения к покровительственному тарифу в последнем десятилетии. Такие колебания в таможенном законодательстве отражали общие закономерности государственной внешне-торговой политики.

Введенные еще в самом конце XVIII века высокие таможенные пошлины в 1800 году дополнились установлением полного запрета на импорт в Россию шелковых, хлопчатобумажных, льняных и пеньковых изделий, а также стекла, фарфора и фаянса. Зимой 1801 года император Павел I ввел абсолютный запрет на вывоз отечественных товаров из российских портов. Данная мера была направлена против британской морской торговли. Однако такой подход, пожа-

луй, вряд бы повредил торговле Англии, а вот России нанес ощутимый удар. Не случайно со вступлением на престол Александра I столь категоричный запрет был отменен. В 1804 году император запретил импорт в Россию британских мануфактурных изделий. В целях поощрения отечественной мануфактурной промышленности в 1810 году российское правительство приняло «Положение о торговле», смысл которого сводился к значительному ограничению ввоза в страну готовых европейских изделий. Однако уже в 1819 году был принят единый для всей Российской империи и Царства Польского таможенный тариф, который, по сути, отменял ранее установленные запреты и предоставлявший значительную свободу в импорте любых иностранных товаров. Следствием такого шага правительства стало уменьшение производства отечественных изделий и затруднение в их сбыте. Столь поспешный шаг объяснялся уверенностью императора Александра I в том, что и государства Европы прибегнут к распространению свободной торговли. Однако этого не произошло. Напротив, Франция, Пруссия и ряд других европейских стран установили запретительные таможенные тарифы, оградив, таким образом, национальные рынки от наплыва иностранных товаров и защитив своих товаропроизводителей.

Негативные тенденции, проявившиеся в отечественной внешней торговле в конце второго — в начале третьего десятилетия XIX века, вызвали необходимость изменения таможенной политики государства, что привело к установлению нового таможенного тарифа 1822 года. Суть данного тарифа сводилась к запрету для привоза многих иностранных товаров или установления достаточно высоких таможенных пошлин [Общий тариф]. Единственное послабление делалось для товаров, доставлявшихся из Пруссии. Министров финансов граф Д. Гурьев получил указание императора Александра I, в котором монарх объяснил такой подход следующими соображениями: «...признали Мы нужным постановить особенные правила, при соблюдении коих прусские изделия могут к привозу быть допущены и воспользоваться предоставляемыми выгодами» [Там же].

Принятие нового таможенного тарифа знаменовало начало нового этапа во внешнеторговой политике Российской империи, который завершился в 1849 году. В 1831 и в 1841 годах в действующий тариф вносились изменения, нацеленные на повышение таможенного дохода. Последние изменения привели к инициативе со стороны министра финансов графа Канкрин об издании нового тарифа [Там же, с.540]. Как это отразилось на динамике российской внешней торговли? Если объемы импорта и экспорта в период с 1824 по 1836 гг. изменялись незначительно, то пошлинные сборы выросли соответственно

с 11,1 млн руб. до 23,3 млн руб., т.е. удвоились [Там же]. Таким образом, протекционистская политика российского правительства в эти годы позволила существенно пополнить государственный бюджет доходами от оборотов внешней торговли. В 40-е гг. среднегодовой экспорт оценивался в 80 млн руб., а импорт — в 70 млн руб. [Там же, с. 541]. Это означало, что предпринятые меры привели к положительному балансу во внешней торговле Российской империи. Пошлинный же сбор в течение рассматриваемого периода в среднем составил около 30% от стоимости всего импорта.

Новым этапом на пути развития отечественной внешней торговли и таможенной политики государства стали 50–70-е годы XIX в. (1850–1876 гг.). Этот период характеризовался некоторым смягчением в отношении импорта иностранных товаров. В частности, были сняты ограничения на ввоз некоторых шелковых изделий, галантерейных товаров, изделий из бронзы и мрамора, часов, альбомов и т.д. От пошлин были освобождены отечественные товары: веревочные изделия, китайский чай, семена масленичных культур и пр. [Там же, с. 542]. Такой подход к регулированию внешней торговли хорошо объяснил бывший агент Министерства финансов в Лондоне Г. Каменский: «... опасение постоянного подрыва, по-видимому, не так действительно и обнаруживается, когда в виду предстоит не совершенная потеря торговли, но только уменьшение прибыли, невыгода, преимущественно падающая на потребителей иностранных произведений, а не на производителей или торговцев предметами отпускаемыми» [Каменский, с.354]. Крымская война и поражение в ней России внесли определенные коррективы во внешнеторговую стратегию правительства. В эти годы импорт уменьшился на 30 %, а экспорт на 61 % [Бунге, с. 441]. Введение в действие тарифа 1857 г. позволило увеличить таможенный доход. Однако в 1867 г. этот тариф был пересмотрен в части упрощения тарифной классификации, уравнивания пошлин по морскому и сухопутному импорту, понижения ставок с фабричных изделий [Ковалевский, с. 546]. Вскоре, в 1868 году, был принят новый таможенный тариф (введен в действие с 1 января 1869 г. — В.Ш.), который систематизировал классификацию импортных и экспортных товаров, отнес 16 статей тарифа из разряда пошлинных в разряд беспошлинных, увеличил пошлины по 35 статьям и уменьшил пошлины по 152 статьям [Там же, с. 546–547]. Акцент в новом тарифе был сделан на поощрение ввоза сырья из-за границы для нужд отечественной промышленности и стимулировал экспорт готовой отечественной продукции.

В 1877 году таможенная политика России вновь претерпела изменения. Это было связано с отрицательным балансом во внешней торговле, неравно-

мерным развитием отраслей отечественной промышленности, необходимостью пополнения государственного бюджета. На этот раз правительство вновь прибегло к покровительственной политике. В 80–90-е гг. XIX века особое внимание было уделено поощрению металлургической промышленности, расширению производства чугуна и других сплавов и металлов, а также изделий из них. Это отвечало интересам железнодорожного строительства, а также расширению сбыта металлических изделий в сопредельные страны Востока.

Наконец, в 1891 году в Российской империи был утвержден новый таможенный тариф. Число статей в нем было сокращено с 253 до 226 [Там же, с. 566]. Как отметил в 1896 г. известный отечественный экономист, статистик В. Тимирязев, «более или менее существенные повышения ставок имели место лишь для немногих производств, которые оказывались недостаточно еще огражденными от иностранной конкуренции» [Там же, с. 573].

Таким образом, на протяжении XIX века таможенная политика российского правительства неоднократно менялась, что было вызвано как политическими соображениями, так и внешнеторговыми интересами. Кажущаяся на первый взгляд непоследовательность в этом вопросе, частое изменение тарифов были следствием очень гибкого и быстрого реагирования правительства на меняющиеся внутренние и внешние условия, стремлением защитить отечественное производство от внешнеторговой экспансии развитых европейских государств и ограждением интересов российского купечества.

Список литературы

1. Бунге, Н. Общий оборот внешней торговли, торговый баланс и таможенные пошлины первостепенных держав в XIX столетии / Н. Бунге // Русский вестник. — 1867. — Т. 71. — С. 431–462.

2. Каменский, Г. Новый опыт о богатстве народном / Г. Каменский. — СПб.: Тип. Главного штаба Е.И.В. по военно-учебным заведениям, 1856. — 543 с.

3. Ковалевский, В.И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России / В.И. Ковалевский. — Изд. 2-е. — СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1896. — 636 с.

4. Общий тариф. — СПб.: Сенатская типография, 1822. — 139 с.

3.4. Государственно-правовое регулирование импорта некоторых товаров и их торговли

В период правления императора Петра I стал расширяться импорт в Россию фруктов и овощей из-за рубежа. Однако потребителями заморских диковинных плодов, ягод и фруктов были исключительно богатые и знатные люди, что объяснялось очень ограниченными объемами ввоза и высокими ценами на эти продукты. Тем не менее на столе петровских вельмож в то время можно было встретить апельсины, лимоны, виноград. В целях расширения объемов торговли Петр поощрял виноградарство: первые попытки возделывать виноград были предприняты в Азове, Москве и в Стрельне близ Петербурга [Бочагов А.Д., 1891, с. 125]. В 1723 г. в соответствии с указом императора по генерал-полицмейстерской канцелярии, городским властям столицы было предписано во всех домах Санкт-Петербурга, выходящих на площади и многолюдные улицы, на первых этажах открывать лавки. Так возник фруктовый и бакалейный ряд, который был известен в столице как Милютинский ряд еще и в начале XX века. Об увеличении объемов импорта иностранных фруктов и ягод свидетельствует тот факт, что уже в 1758 г. в Гостином ряду насчитывалось уже 36 лавок, а в 1760 г. — 56 [Там же, с. 126]. Из-за рубежа в Россию в середине XVIII века доставлялись ананасы, персики, красный и белый виноград, заморские груши «пуроблазни», бергамоты, апельсины, цитроны, померанцы и пр. Также во фруктовых рядах можно было приобрести лавровый лист, другие пряности, а также отечественные лесные и садовые ягоды (малину, смородину и т.д.).

Екатерина II, поощрявшая внешнюю торговлю, расширяла торгово-экономические отношения не только с близлежащими, сопредельными государствами, но и отдаленными уголками мира, включая Африку и Азию. Только в 1780–1790 гг. ежегодно в Россию из-за границы ввозилось свежих фруктов и овощей в среднем на 37 000–94 000 руб., а сушеных плодов — от 5 до 8 тыс. руб. Привоз лимонов оценивался в этот же период времени в 190 000 руб., кофе — в 36 500 руб., оливкового масла — в 20 000 руб. и т.д. [Там же, с. 126].

В XIX в. объемы импорта экзотических для России фруктов и овощей значительно выросли. В стране появились фирмы, специализировавшиеся на доставке и продаже этих продуктов. Среди них большой популярностью пользовались торговые дома Елисеева, Смурова, Стрекачова и др. Средоточием специализированной торговли являлся Щукин двор, куда к сентябрю доставлялось большое количество фруктов. В середине XIX в. расширение виноградар-

ства и плодородства непосредственно в России привело к постепенному замещению импорта. Так, только из Курской губернии в Москву и Санкт-Петербург доставлялось более 200 тыс. пуд. яблок, до миллиона пудов винограда поставлял на внутренний рынок Крым [Там же, с. 127].

На протяжении всего рассматриваемого периода особую роль во внешней торговле Российской империи играл вывоз хлеба. Уже в 1700 г. российское правительство обратило внимание на расширение экспорта хлеба в страны Европы. 25 октября Петр I специальным указом повелел отпускать «хлеб за море невозбранно» с оплатой в казну «обыкновенной» пошлины (10 коп. с рубля. — В.Ш.). С продавца же взимали особую пошлину по четверти ефимка с четверти хлеба [Там же, с. 140]. Однако в истории страны были и неурожайные годы, когда вводился строгий запрет на экспорт зерновых. Так, из-за сильного недорода в 1714 г. именным указом был введен полный запрет на вывоз хлеба из портовых городов Архангельска, Санкт-Петербурга, Ревеля и Риги. Такой же запрет вводился Елизаветой Петровной и в 1744 г.

Во второй половине XVIII в. объемы экспорта хлеба выросли. В 1780–1790-е гг. наибольший вывоз ржи из петербургского порта отмечен в 1784 г. — 65 953 четверти, а наименьший — 2 041 четверти [Там же, с. 141]. Таким образом, на протяжении всего XVIII в. экспорт хлеба за границу регламентировался специальными указами императоров и напрямую зависел от ежегодного урожая и потребностей внутреннего рынка страны. Объемы экспорта хлеба во многом определялись и субъективными факторами: состоянием транспортных путей, межгосударственными отношениями, характером внешнеторговой стратегии российских властей и т.д.

На протяжении всего XIX в. хлеб играл одну из ведущих ролей в российском экспорте как в страны Европы, так и в некоторые сопредельные страны и регионы Азии (в частности, в казахские жузы. — В.Ш.). Положительно на динамику хлебной торговли оказала правительственная политика, направленная на развитие паромового судоходства. Так, с развитием речного паромового судоходства на Волге в 1842 году объемы хлебной торговли возросли.

Особую роль во внешней торговле Российской империи на протяжении XVIII–XIX вв. играл экспорт рыбы и рыбопродуктов. В самом начале XVIII в. частные рыбные ловли перешли в ведение казны, а затем переданы в «оброчное состояние» на установленных правительством основаниях. Большим спросом за границей пользовалась икра, которая в России делилась на следующие сорта: астраханскую, считавшуюся лучшей, учужную, казанскую и яицкую.

Отдельные вопросы, связанные с регулированием рыбной торговли, рассматривались в Департаменте внешней торговли. Назовем лишь некоторые дела, по которым были приняты решения в этом органе государственного управления:

- 27 августа 1827 г. — Дело по отношению Департамента горных и соляных дел, с приложением отношения Оренбургского военного губернатора о разрешении уральцам беспошлинного вывоза из Киргизской степи соленой рыбы;

- 23 декабря 1827 г. — Дело о просьбе архангельских купцов о дозволении им и посылаемых от них судовщикам выменивать рыбу близ норвежских берегов на некоторые российские произведения и привозить оттуда вымененную рыбу без пошлин, подобно тому, как сие предоставлено жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада;

- 19 октября 1831 г. — Дело о дозволении вывозить соленую рыбу из находящегося при устье реки Дуная селения Вилкова под надзором таможенной стражи;

- 24 июля 1845 г. — Дело по отношению графа Воронцова касательно привоза в Закавказский край по Каспийскому морю иностранных рыбных товаров чрез один Бакинский порт и др. [Кайданов Н., 1877, с. 148].

3.5. Торговые связи Российской империи и Норвегии в XVIII–XIX веках и их государственно-правовое регулирование

Торговые связи двух соседних государств — России и Норвегии — превышают тысячу лет и восходят ко временам древних викингов и славян. В IX–XI вв. члены семей зажиточных бондов в сопровождении вооруженной дружины отправлялись для торговли в морское плавание, в том числе на Русь и в Византию. Особое значение для норманнов-викингов имел торговый путь по Волге через территорию Восточной Европы и Балтийское море, по которому доставлялись товары из стран Востока. Об этом, в частности, свидетельствуют находки восточных монет на территории современной Норвегии. На протяжении длительного времени центром торговли Руси и Норвегии оставался Великий Новгород.

Еще в IX в. норвежцы отправлялись к побережью Финмаркена и в Лапландию, а также на Кольский полуостров. В одной из норвежских саг рассказывается о некоем Торольфе, который совершил два похода в Финмаркен в 873 и 874 гг.: «Он имел с собой разный товар, торговал с финнами и брал с них дань. Он относился к ним мирно, дружественно, отчасти, также с угрозой» [Кааран,

с. 26]. В начале X в. при короле Гаральде Гаарфагере норвежцы не прерывали торговых связей с Финмаркеном.

В 920 некий Эрик совершил поход на Биармию, область, которая располагалась по верховьям реки Северная Двина и берегу Белого моря, и вернулся с богатой добычей в Норвегию. В последующем в Биармию с военными и торговыми целями отправлялись сын Эрика Гаральд (964 г.), норвежец Гунд в 1025–1026 гг. Последний по поручению Олафа Святого закупил в Биармии много «серых» мехов, а также меха бобра и соболя [Там же, с. 25–26].

В XIII–XIV вв. переселенцы из земель, подвластных Великому Новгороду, уже хорошо знали область Финмаркен. Известно, что в 1251 г. между русскими и норвежскими сборщиками дани произошло столкновение, что свидетельствовало о том, что соседние народы уже достаточно прочно освоились в Финмаркене. Великий князь Александр Невский в этом же году послал своего приближенного Михайлу к королю Гокону, чтобы урегулировать спорные вопросы. Весной 1251 г. норвежский король направил в Великий Новгород ответное посольство, которое, по всей видимости, заключило норвежско-новгородский договор о Финмаркене.

В конце XIII — начале XIV вв. на норвежско-русские отношения наложили отпечаток участвовавшие нападения карел, которые в равной мере нападали как на норвежских, так и на русских сборщиков дани. В 1316 г. карелы уже вместе с русскими вторглись в Норвегию [Там же, с. 27]. Вывод, к которому пришел российский исследователь А. Кааран, заключался в следующем: «Таким образом, мы узнаем, что в XIV в. общий дистрикт простирался от Белого моря до г. Тромсэ, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь норвежский Финмаркен» [Там же, с. 29].

В 1326 г. Новгород заключил с Норвегией новый договор, в котором, в частности, шла речь и о конкретных границах новгородских и норвежских границ на севере, которые стороны обязались уважать.

На протяжении XV в. отношения между Новгородом и Норвегией резко обострились. Еще в 1420 г. жители Гологаланда жаловались королю Эрику о нападениях русских и местных племен. Норвежские воины после этого совершили несколько военных экспедиций, в ходе которых были ограблены русские населенные пункты на побережье Белого моря. В этот период времени торговые отношения между народами, по всей видимости, были свернуты.

Ситуация в Лапландии и Финмаркене изменилась с падением Новгорода в 1478 г. и потерей независимости Норвегией в 1536 г., ставшей датской провинцией. Москва пошла по пути упрочения своих позиций на севере. Неслучайно в

конце XV — начале XVI в. на территории расселения саамов усилила свою миссионерскую деятельность православная церковь. Проповедническая деятельность пустынника Феодорита, Трифона и других православных монахов способствовала тому, что немало саамов, живших на территории Кольского полуострова и в долине реки Печенги, стали христианами.

Норвежские и датские исторические хроники свидетельствуют, что некоторые жители Тромсэского и соседних округов платили дань московским государям еще во второй половине XVI в. Царь Борис Федорович при встрече с датским послом отмечал: «Лопская земля искони вечная вотчина государей русских. За Варгавом (город Вардэ. — В.Ш.) царевой вотчины больше 1000 верст» [Кааран А., 1910, № 11, с. 25].

В прошедшие века торговые связи двух стран пережили периоды подъема и спада и получили новый импульс с начала XVIII в. На положение в Скандинавии в начале века значительное влияние оказала Великая Северная война, которая привела к существенным изменениям как в расстановке политических сил в регионе, так и в экономической сфере. Переход под юрисдикцию России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Западной Карелии, включая Выборг, в соответствии с Ништадтским миром 1721 г. создавал предпосылки для интенсивного развития российской внешней торговли на западноевропейском направлении.

В период абсолютизма вопросы организации внешней торговли были возложены на Коммерц-коллегию. Кроме этого, в Норвегии была учреждена должность управляющего таможами. На протяжении XVII — первой половины XVIII в. основными статьями норвежского экспорта оставалась рыба (сельдь, треска, палтус) [История Норвегии, с. 224]. В начале XVIII в. увеличился вывоз леса, в котором нуждались европейские морские державы. Как отметили отечественные исследователи, «внешнеторговые интересы побуждали складывающуюся буржуазию Норвегии и Дании конкурировать с англичанами и голландцами, используя острое соперничество между ними» [Там же].

Особое значение для развития норвежской внешней торговли играло судостроение. За период с 1776 по 1806 г., т.е. за 30 лет, количество торговых судов в Норвегии выросло с 546 (24 300 ластов) до 1450 (70 000 ластов) [Там же]. В начале XIX в. на торговом флоте служило более 11 тыс. чел. Таким образом, торговый флот Норвегии мог вполне конкурировать с другими европейскими державами. Расширение внешней торговли стимулировало развитие норвежской мануфактурной промышленности. В конце XVII — начале XVIII в. в стране были созданы кожевенные, солеваренные, мыловаренные, канатные, та-

бачные, лесопильные и иные мануфактуры. Однако становление отечественной мануфактурной промышленности в Норвегии вскоре столкнулось с проблемой возраставшей контрабанды: дешевые иностранные товары (и, прежде всего, контрабандные) затрудняли сбыт местных изделий. Поэтому не случайно внешнеторговая политика норвежско-датских властей неоднократно менялась: периоды меркантилизма сменялись жестким протекционизмом. В целом же следует заметить, что внешняя торговля всегда находилась в центре внимания копенгагенского правительства: власти достаточно педантично регламентировали внешнеторговые операции. При этом интересы собственно норвежских предпринимателей часто оказывались ущемленными. Так, к примеру, только датские торговые компании имели право вести торговлю с Финмарком, Исландией и Гренландией, что болезненно воспринималось в Норвегии.

В период правления королей Фредерика IV (1699–1730) и Кристиана VI (1730–1746) особое внимание уделялось развитию внешней торговли. Политика меркантилизма способствовала расширению географии внешней торговли, росту торговых оборотов. Заметим, что торговые интересы датско-норвежских торговцев простирались не только на европейский континент, но и значительно дальше — на Восток и на Россию. К середине века в Норвегии отмечались рост местного купеческого капитала, интенсивное развитие рыболовства, расширение экспорта леса. Учитывая слабость норвежского дворянства, которое к концу XVIII в. фактически исчезло полностью, наиболее сильные позиции в обществе стали занимать представители национальной буржуазии, включая лесопромышленников, торговцев и т.д. [Кан А.С., с. 92]. Однако в сфере внешней торговли Норвегии доминирующие позиции в это время занимали крупнейшие купцы из Копенгагена. Они, по сути, контролировали ввоз колониальных товаров в Норвегию, ввоз зерна в южные районы страны, а также всю торговлю в Финмарке. Как заметил отечественный исследователь А.С. Кан, «с помощью высоких ввозных пошлин на импортные ткани норвежцев вынуждали покупать «свои» — датские, тогда как норвежская монополия на ввоз в Данию железа, леса, рыбы была далеко не столь выгодна» [Там же, с. 99]. Поэтому не случайно к концу XVIII в. в Норвегии отмечен рост национального самосознания норвежцев, усилилась борьба против хлебной монополии Дании, которая была отменена в 1788 г. В 1797 г. норвежский юрист Кристиан Колбьёрнсен разработал новый таможенный тариф, который оказался одним из самых либеральных в тогдашней Европе [История Норвегии, с. 236].

Норвегия, богатая рыбой и лесом, зависела от импорта хлеба. Неурожаи зерновых приводили к обострению продовольственного вопроса в некоторых

районах Норвегии, особенно на севере. Вот почему хлеб, доставляемый русскими поморами в Финмарк, имел жизненное значение для норвежцев и норвежских саамов. Торговля, носившая меновой характер, была взаимовыгодной: в 1787 г. датские власти официально легализовали поморскую торговлю [История Норвегии, с. 226]. В обмен на русский хлеб и кожу норвежцы предлагали рыбу и пушнину. В это же время стал складываться и профессиональный русско-норвежский жаргон (Rusenorsk), сочетавший в себе слова как из русского, так и норвежского языков. Им пользовались поморы и норвежцы при торговых операциях. Заметим, что это не единственное порождение российской внешней торговли. Еще раньше в Кяхте и Маймачине сложился уникальный русско-китайский «торговый язык».

Архангельский именитый гражданин, член-корреспондент Санкт-Петербургской Императорской академии наук и член Вольного экономического общества Александр Фомин писал 14 марта 1793 г.: «Второй порт на Белом море в Онежской губе, при лежащей на устье реки Онеги Устьенской волости, открыт для внешнего торга в начале второй половины сего столетия (XVIII в. — В.Ш.). Из Онежского порта отпускаются в Европу из казенной продажи пильные леса; но с открытием в том месте в 1780 году города Онега начинают сверх сего тутошние граждане торг в Норвегию» [Описание Белого моря, с. 50]. Этот же автор приводит сведения и об объемах торговли через Онежский порт: в период с 1783 по 1793 г. из Европы (прежде всего, из Норвегии) было доставлено товаров на 5606 руб. 37 $\frac{1}{4}$ коп. При этом российский вывоз за этот же период оценивался в 183 647 руб. 38 $\frac{1}{4}$ коп. [Там же, с. 51]. Таким образом, поморско-норвежская торговля для Российской империи имела положительное сальдо.

Навигация в Белом море начиналась поздней весной, когда вскрывались реки. Однако иностранные и поморские суда начинали плавание чаще всего в конце июня — начале июля, когда исчезала опасность столкновения с большими льдинами.

В целом, вторая половина XVIII в. характеризовалась ростом норвежской внешней торговли, учреждением торговых компаний, расширением географии коммерческих операций норвежских купцов.

Введение нового таможенного тарифа 1797 г., активная фритредерская политика властей позитивно отразились на развитии норвежской внешней торговли. Экспорт в самом начале XIX в. оценивался в 8 млн риксдалеров ежегодно. Как отмечали отечественные и норвежские исследователи, Норвегия имела в это время положительный торговый баланс [История торговли, с. 236].

В начале XIX в. внешняя торговля Норвегии была ориентирована в основном на Англию. Поэтому военные действия в Северном море в период наполеоновских войн, участие Дании и Норвегии в континентальной блокаде пагубно отразились на экономическом развитии Норвегии. По большому счету страна оказалась на грани экономического коллапса. Голод 1807–1810 гг. унес десятки тысяч норвежцев. Все это убеждало местных жителей в необходимости проведения самостоятельной внешнеторговой политики, независимой от прихотей Копенгагена. Однако сил для достижения полного суверенитета у Норвегии в то время еще не было, что подтверждала и уступка этой страны Данией Швеции по мирному договору 15 января 1814 г. Вместе с тем революционные события в Норвегии 1814 г. привели к расширению внутренней самостоятельности страны и, по сути, знаменовали новый этап в истории этого государства.

Период континентальной блокады, нарушившей внешнеторговые операции норвежских купцов, стал одной из наиболее драматичных страниц норвежской истории. В эти трудные годы на помощь Норвегии пришла Россия. В соответствии с указом императора Александра I от 22 ноября 1807 г. было дозволено вывозить в Норвегию зерно [ПСЗРИ, 1830, Т. XXIX, с. 1325–1326]. Однако в 1809 г. англичане нарушили морское сообщение Норвегии с Архангельском, что вновь обострило проблему с обеспечением норвежцев хлебом.

В период с 1810 по 1815 гг. в Норвегии отмечались высокие темпы экономического роста, расширение как внутренней, так и внешней торговли. Но период экономического благополучия оказался недолгим: с 1815 г. после заключения общеевропейского мира норвежская экономика вступила в полосу застоя, вызванного изменениями на европейском рынке, падением спроса на традиционные норвежские экспортные товары. Так, Великобритания, крупнейший импортер норвежского леса, стала доставлять его из Канады, одновременно повысив пошлины на лес, привозимый из Скандинавии [История Норвегии, с. 269]. Это больно ударило по бизнесу норвежских лесопромышленников, которые были тесно связаны с торговлей. Возникли и серьезные проблемы со сбытом рыбы. На протяжении последующих трех с половиной десятилетий власти Норвегии стремились к сокращению инфляции и укреплению национальной валюты; к 1842 г. Норвегия вернулась к серебряному стандарту, когда был достигнут паритет между бумажными и серебряными деньгами.

В течение 40–60-х гг. XIX в. в Норвегии были фактически сняты ограничения в развитии торговли, в том числе и во внешней. В 1842 г. в стране были значительно снижены импортные пошлины, что стимулировало внешнеторговую деятельность. К середине века норвежские предприниматели и торговцы

стали осваивать новые рынки сбыта. Так, возрос экспорт лесоматериалов во Францию. Заметно увеличился и вывоз норвежской рыбы, в том числе в Швецию и Россию.

Во второй четверти XIX в. российско-норвежская торговля получила новый импульс в развитии. Это, отчасти, было вызвано официальным урегулированием двусторонних внешнеэкономических отношений (договора 1817, 1828 и 1834 гг.). Так, договор 1817 г. открывал для норвежских рыботорговцев российские порты на Балтийском море. При этом импорт рыбы облагался половинной пошлиной. Основные торговые потоки шли из Кристиансанна, Ставангера, Бергена. Норвежская рыба поступала в порты Санкт-Петербурга, Риги, Либавы, Ревеля, Финляндии [История Норвегии, с. 273]. По сведениям российского консула в Кристиансанне, импорт соленой норвежской сельди в Россию в 1817–1830 гг. увеличился с 40 тыс. до 119 тыс. бочек [Там же].

Вторым каналом российско-норвежской торговли оставалось беломорское направление. Торговые связи Архангельской губернии с северными провинциями Норвегии Финмарком, Тромсом и Нурланном характеризовались взаимовыгодностью, надежностью и большим потенциалом. Северные провинции Норвегии нуждались в русском хлебе (рожь, пшеница, овес), лесе, свечах, пеньке, канатах, полотне, соли и других традиционных товарах. В свою очередь, из Норвегии в Архангельский край доставлялась в большом количестве рыба, которая потреблялась не только в Поморье, но и вывозилась во внутренние районы России. Кроме рыбы в Россию доставлялись меха лисицы и выдры [История Норвегии, с.273]. Как отмечали норвежские исследователи, поморская торговля в структуре норвежской внешней торговли, на первый взгляд, занимала достаточно скромное место: ввоз — 5 %, вывоз — 6 % [Kraft S. Pomorhandelen...].

В соответствии с международными договорами, торговля в Северной Норвегии была четко регламентированной. Так, российские торговцы могли вести торговлю в норвежских городах лишь в течение одного летнего месяца (в зависимости от климатических условий это был июль или август). Норвежские торговцы имели право вывозить из Архангельского края 25 тыс. четвертей зерна. При этом они оплачивали пошлину как за 5 тыс. четвертей [История Норвегии, с. 273]. Также по взаимной договоренности российские власти снизили в два раза пошлину на норвежский китовый жир. Однако Санкт-Петербург не пошел навстречу пожеланиям норвежских промысловиков и торговцев, которые просили о снижении таможенных пошлин на рыбу — главный экспортный норвежский товар.

В 1825 г. российским и норвежским властям удалось достичь договоренности о демаркации границы в районе трех приморских округов на побережье Варангер-фьорда (Нейден, Пасвик и Пейсен-Печенга), которые считались общей территорией (faellas distrikter). 14 мая 1826 г. в Санкт-Петербурге было подписан договор о границе.

В 1828 г. по новому торговому договору норвежские купцы получили дополнительные льготы, но воспользоваться ими в полной мере торговцам не удалось, поскольку стортинг настаивал на закрытии Севера Норвегии для свободной торговли. Столь странная позиция, идущая вразрез со здравым смыслом, объяснялась лоббированием интересов купцов Южной Норвегии, которые хотели прибрать к своим рукам торговые потоки на севере страны.

Вторая половина XIX в. — время интенсивного экономического развития Норвегии. Норвежский экспорт вырос в 4 раза, а импорт — в 9 раз [Historisk statistikk, 1968, s. 254]. Это стало возможным благодаря созданию новых передовых отраслей экономики, количественному росту торгового флота, расширению внешнеторговых связей Норвегии. По тоннажу в 1880 г. норвежский флот вышел на 3-е место в мире. В этот период времени значительно увеличился промысел рыбы, которая в большом количестве вывозилась в Португалию, Испанию, Италию и другие страны.

Непосредственное влияние на развитие внешней торговли оказывал и научно-технический прогресс. В Норвегии строились железные дороги, развивались телеграф и телефон, внедрялось электричество и т.д.

Список литературы

1. История Норвегии. — М.: Наука, 1980. — 710 с.
2. Кааран, А. К истории русского Севера: русско-норвежские отношения / А. Кааран // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. — 1910. — № 11. — С. 21–23; № 12. — С. 21–31.
3. Кан, А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция) / А.С. Кан. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1980. — 311 с.
4. Ристе, Улав. История внешней политики Норвегии / Улав Ристе / Пер. с англ. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. — 416 с.

5. *Фомин, А.И.* Описание Белого моря с его берегами и островами вообще также Частное описание островной Каменной гряды, к коей принадлежат Соловки, и Топография Соловецкого монастыря с его островами; с приобщением морского путешествия в 1789 году в оный монастырь, представленное в письмах Архангельским имянитым Гражданином Санкт-Петербургской Императорской академии наук корреспондентом и членом Вольного экономического общества Александром Фоминым / А.И. Фомин. — СПб.: при Императорской академии наук, 1797. — 197 с.

6. *Kraft, S.* Pomorhandelen på Nordnorge under 1800 tales förra hälft / S. Kraft. — Tromsø; Oslo, 1968.

3.6. Внешнеторговое законодательство в Российской империи во второй четверти XIX века

Во второй четверти XIX века отечественное торговое законодательство претерпело существенные изменения, что было вызвано как внутренними, так и внешними факторами. С одной стороны, потребности промышленного производства, возрастание потребительского спроса стимулировали как внутреннюю, так и внешнюю торговлю. С другой стороны, активная восточная политика, проводимая в этот период времени российскими властями, открыла новые перспективы для отечественных торговцев и предпринимателей и в то же время привела к конфликту интересов ведущих держав мира на Востоке.

Важнейшим источником отечественного внешнеторгового законодательства, безусловно, является Полное собрание законов Российской империи. Именно здесь собраны все законодательные акты, принятые в рассматриваемый период центральным правительством по вопросам регулирования внешней торговли. Учитывая значительные различия между европейским и восточным направлениями внешней торговли, рассмотрим их отдельно, выявив общее и особенное в характере их законодательного регулирования.

Во второй половине 20-х гг. правительство сняло ограничения с вывоза за границу лошадей, а также разрешило свободный вывоз хлеба из Санкт-Петербургского порта [ПСЗРИ, Т. I, 1825–1827, д. 241, 760]. Для этого периода было характерно законодательное регулирование внешнеторговых операций по конкретным видам товаров. Так, в 1827 г. российское правительство разрешило заграничный торг селитрой, а также опубликовало «Роспись лечебным составам, коих привоз из-за границы в Россию разрешается» [Там же, 1827, д. 836, 1211]. В 1828 г. отечественные и зарубежные купцы получили право на осу-

ществование внешнеторговых операций на Камчатском полуострове, что позволило интегрировать этот огромный по территории и богатый по природным ресурсам регион Российской империи в экономическую жизнь страны.

Завершение войны с Ираном в 1828 г. обеспечило России юридическое закрепление торговых льгот и привилегий отечественных купцов на рынках соседнего государства. К этому времени на исключительно выгодном для Российской империи иранском рынке произошли существенные перемены: открытие транзита европейских товаров через Трапезунд (так называемые «лейпцигские товары». — В.Ш.) во второй половине 20-х гг. привело к постепенному вытеснению российских товаров с рынков Центрального и Северного Ирана, обострению конкурентной борьбы европейских держав на Среднем Востоке. В этих условиях российские власти задействовали весь арсенал политических, военных и дипломатических средств для защиты своих внешнеторговых интересов в Иране. В 1829 г. Николаем I были утверждены специальные правила «для руководства российской миссии и консульствам» в Иране, где особое внимание уделено вопросам торговли и защиты российских подданных. В этом же году были опубликованы торговые права российских подданных в Османской империи. Договорные отношения России с Турцией гарантировали отечественным купцам те же льготы и преимущества, какие имели представители ведущих европейских держав.

Особое значение для развития российско-восточной торговли имело разрешение отечественным купцам 3-й гильдии производить заграничную торговлю. Это позволило многим торговцам, проживавшим в крупнейших городах империи, а также в приграничье, активно включиться во внешнеторговые операции. Вместе с тем, на рубеже 20–30-х гг. XIX в. торговые операции российских купцов на отдельных направлениях внешней торговли регулировались отдельными законодательными актами. К примеру, в 1829 г. правительство продлило на 5 лет льготные права оренбургских купцов на осуществление внешнеторговых операций. В 1830 г. дополнительные привилегии в торговле были предоставлены городу Нарве. В этом же году правительство определило торговые права для бессарабских купцов [Там же, Т. V, д. 3564, 3952]. В 1831 г. последовало правительственное решение о правилах торговли с Ираном и Турцией по закавказскому направлению.

В первой половине 30-х гг. российские власти прилагали усилия к расширению торговых связей с государствами Востока. В частности, в 1832 г. право производить заграничную торговлю получили греки, переселившиеся в Россию из турецких владений. Они могли доставлять товары на собственных судах. На

протяжении долгого времени купцы греческой национальности являлись ведущими участниками российско-турецкой торговли. В 1834 г. в Кяхте началось строительство гостиного двора, что создавало, с одной стороны, более комфортные условия для купцов, а, с другой стороны, облегчало взимание сборов, установленных указом от 15 марта 1800 г. [Там же, Т. IX, д. 7290]. Отечественные купцы получили разрешение на вывоз в Китай солдатских сукон. А в 1836 г. к меновой торговле хлебом в Кяхте были допущены все «обыватели» Забайкальского края «без всяких ограничений в количестве» [Там же, Т. XI, д. 8858]. Все это свидетельствовало о расширении российско-китайского торгового оборота. Однако это расширение сопровождалось и ростом контрабанды, что вызывало тревогу как центрального правительства, так и местных губернских, таможенных и пограничных властей. В 1846 г. за выявление контрабанды в Кяхте поимщики получали 10 % от стоимости товара [Там же, Т. XXI, д. 20132]. В 1848 г. правительство подтвердило с 1849 г. «еще на три года облегчений по кяхтинской торговле» [Там же, Т. XXIII, д. 22743].

На протяжении всего рассматриваемого периода российское правительство высоко оценивало значимость среднеазиатского направления внешней торговли. Торговые связи России с ханствами Средней Азии осуществлялись посредством нескольких каналов: через Астрахань и Каспийское море, через Оренбуржье и по так называемой Сибирской линии. В 1834 г. специальным правительственным распоряжением были определены торговые права бухарцев и ташкентцев, проживавших на территории Западной Сибири и активно торговавших как в России, так и государствах Средней Азии. Местные же крестьяне, проживавшие в Западной Сибири и торговавшие по свидетельствам 3-го рода, получили в этом же году право заграничного торгового оборота, как и купцы 3-й гильдии [Там же, Т. X, д. 8287].

На европейском направлении отечественной внешней торговли в рассматриваемый период также произошли существенные изменения. В частности, были официально оформлены внешнеторговые отношения с теми государствами, с которыми они ранее были не урегулированы, либо имели существенные правовые пробелы. Приведем несколько примеров. В 1828 г. Россия заключила торговую конвенцию со Швецией и Норвегией (перезаключена в 1835 г., затем в 1838 г. — В.Ш.), а в 1832 г. подписан дополнительный акт к трактатам о торговле и о мореплавании с Данией [Там же, Т. VII, д. 5653]. В 1834 г. российское правительство заключило трактат о торговле и мореплавании с правительством США, а в 1847 г. пересмотрены условия взаимной торговли с Австрией и подписана торговая конвенция с Бельгией.

Отметим, что большинство законодательных актов не носило запрети-тельного характера, напротив, все заключенные международные договора, решения правительства по конкретным вопросам внешнеторговой деятельности были направлены на смягчение условий торговли. Хотя, безусловно, были и прямо противоположные примеры. Так, в 1841 г. российское правительство установило запрет на пропуск опиума в пределы Китайской империи [Там же, Т. XVI, д. 14450].

Особый статус Финляндии и Царства Польского в составе Российской империи определял и характер торговых отношений между ними. На протяжении всего рассматриваемого периода было принято несколько законов, непосредственно касавшихся особенностей внешнеторговых операций Польши и Финляндии. Анализ этих законов позволяет сделать вывод о достаточно широкой автономии этих субъектов Российской империи в сфере внешней торговли.

Следующую группу законодательных актов в сфере внешней торговли составили законы, регулировавшие операции по отдельным группам товаров. Иногда такие акты носили единовременный характер и были вызваны конкретной ситуацией как на внутреннем, так и на внешних рынках. Это, к примеру, касалось импорта сахара-сырца из Кубы в 1845 г., беспошлинного вывоза за границу канатов и веревок в 1842 г., запрета на вывоз орехового леса из Гурии за границу в 1841 г., порядка пропуска в балтийские порты судов с американским хлопком-сырцом в 1840 г. и т.д.

Особенностью внешнеторгового законодательства Российской империи во второй четверти XIX в. было наличие законодательных актов, касавшихся деятельности конкретных торговых фирм и купцов. Среди них — закон 1832 г. «О вспомоществовании купцам города Астрахани, равно астраханским и моздокским армянам и другим азиатцам, по торговым их оборотам» [Там же, Т. VII, д. 5196], закон 1832 г. «О дозволении трем сотням состоящего на китайской линии в Иркутской губернии русского казачьего войска производить на Кяхте меновой торг с китайцами скотом, хлебом и салом» [Там же, д. 5441], закон 1838 г. о составлении товарищества персидской торговли [Там же, Т. XIII, д. 11036], закон этого же года об утверждении Устава Харьковской акционерной компании для торговли шерстью [Там же, д. 11038], закон 1844 г. о разрешении Российско-Американской компании отправлять свои суда «ко всем окрестным народам и в китайские порты для торговых сношений» [Там же, Т. XIX, д. 18290], закон 1845 г. «О даровании жителям Архангельской губернии посадов Непокотского, Унского и Лудского прав по торговле с Норвегией» [Там же, Т. XX, д. 19471], закон 1846 г. об освобождении поморских жителей

Архангельской губернии от платежа пошлины за привозимую ими треску [Там же, Т. XXI, д. 19948], об освобождении гражданина США Фербанка от платежа гильдейских повинностей на 10 лет по вывозу за границу льда [Там же, Т. XXII, д. 21798] и др.

Целый комплекс законодательных актов Российской империи был посвящен правовому статусу купечества. В частности, особое значение для государственно-правового регулирования деятельности представителей купеческого сословия, решения вопросов перехода купцов из одной гильдии в другую имели правовые акты, сгруппированные в следующие разделы: «О правах купечества по разрядам гильдий», «О почетных гражданах», «О классах и мундирах, присвоенных купеческим лицам по службе их по выборам», «О наградах орденами и медалями» и т.д. [Указатель, с. 32–97]. Возможность награждения купцов высшими государственными наградами Российской империи свидетельствовала о возрастании роли и значимости сословия в общественной и экономической жизни государства. За выдающиеся заслуги на поприще торговли купцы могли быть награждены орденом Св. Анны 3-й степени, а также орденом равноапостольного князя Владимира 4-й степени. Законами Российской империи было установлено: «Купцы 1-й и 2-й гильдии, кои покажут особенное усердие свое по учреждению каких-либо общепользных заведений, награждаются золотыми медалями» [Там же, с. 95]. Также представители купеческого сословия могли быть представлены к награждению медалями «для ношения на груди» за вклад в развитие шелководства: если в одно лето они разведут не менее 10 тыс. тутовых деревьев в губерниях Киевской, Подольской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Черниговской, а также в Закавказском крае. Другими основаниями для получения государственных наград были особые заслуги купцов в развитии фабричного и ремесленного производства и т.д.

С 1822 по 1842 г. таможенная политика российских властей была нацелена на ограждение и защиту интересов отечественных производителей и торговцев. Последовательным проводником этого курса на протяжении всего рассматриваемого периода являлся граф Канкрин. Известный отечественный исследователь К. Лодыженский о взглядах Канкрин так писал в 1886 г.: «...взгляды эти настолько сильно отразились на деятельности его в области таможенного законодательства, что изложение этих взглядов было бы достаточно, чтобы выяснить внутренние мотивы, служившие основанием при последовательных изменениях в таможенных пошлинах» [Лодыженский К., с. 199–200]. Суть нового таможенного тарифа заключалась в реализации следующих

основополагающих принципов: 1) отмена запретительных статей; 2) повышение пошлин с привозных товаров; 3) понижение пошлин на отпускные товары. Таким образом, тариф 1822 г. был призван отвечать требованиям отечественной промышленности и запросам фискальной политики государства.

Анализ внешнеторгового законодательства свидетельствует о том, что во второй четверти XIX века регулирование внешней торговли Российской империи осуществлялось в русле общеевропейского внешнеторгового права. Российское правительство, крайне заинтересованное в развитии и расширении как внутренней, так и внешней торговли, поощряло этот вид деятельности. Во второй четверти XIX в. значительный импульс получила система государственных наград и иных форм морального поощрения лучших представителей купеческого сословия. Без сомнения, в указанный период правовой статус российских купцов значительно повысился, а целый комплекс правительственных мер был направлен на покровительство отечественной торговле.

Список литературы

1. ПСЗРИ.
2. *Лодыженский, К.* История русского таможенного тарифа / К. Лодыженский. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886.
3. Указатель законов Российской империи для купечества. — М.: Универ. тип., 1847. — 494 с.

3.7. Российско-иранская торговля в 40-е годы XIX века

На рубеже 30–40-х гг. XIX в. резко усилилось англо-российское торгово-экономическое соперничество на рынках Ирана. Открытие нового канала сбыта дешевых и качественных европейских товаров через Трапезунд и наводнение ими северо-западных, южных и центральных районов Ирана подорвали позиции российского торгового капитала в Тебризе, Тегеране и в других торговых центрах. Такие же проблемы испытывали и иранские купцы, сбыт товаров которых резко упал. В сложившихся условиях было два выхода: либо полное оставление иранского рынка российскими купцами, либо изменение торговой тактики. Терять исключительно выгодный и обширный иранский рынок отечественные торговцы не хотели, поэтому был выбран второй вариант решения проблемы.

Российские купцы выражали надежду на поддержку со стороны правительства, а также дипломатической миссии в Тегеране. В Санкт-Петербург поступали многочисленные жалобы, просьбы, предложения, «мнения» от отечественных торговцев, в которых они не только объективно оценивали ситуацию на иранском рынке, но и предлагали конкретные пути решения проблемы. Судя по многочисленным архивным документам, российское правительство было хорошо информировано о состоянии дел на иранском направлении отечественной внешней торговли. В Санкт-Петербург стекалась информация из разных источников: от дипломатов в Тегеране, купцов, путешественников, губернаторов приграничных регионов Российской империи и т.д. Так, в конце сентября 1838 г. военный губернатор Астрахани в письме директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л.Г. Сеньявину отмечал: «Английские негоцианты до того наводняют Персию своими изделиями, которые сбывают по самым дешевым ценам, что со временем уничтожат в оной всю мануфактурную промышленность» [1, л. 337]. К началу 40-х гг. таких тревожных сигналов поступало все больше.

Российское правительство с опасением и озабоченностью воспринимало известия из Ирана: соперничество с Англией подрывало не только позиции отечественных купцов на иранских рынках, но и напрямую затрагивало интересы российских производителей, которые испытывали трудности со сбытом своей продукции в Иране. В этих условиях значительно активизировалась деятельность российских дипломатов в Иране. В 40-е гг. здесь служили талантливые, эрудированные, высокопрофессиональные служащие. Среди них — генеральные консулы в Тебризе А.П. Озеров и Н.А. Аничков, полномочные министры при Тегеранском дворе с 1841 по 1845 гг. А.И. Медем и князь Д.И. Долгорукий, российский консул в Астрабаде С.И. Черняев и другие дипломаты. В своих донесениях они объективно освещали события в Иране, анализировали состояние внутренней и внешней торговли, отмечали особенности торговой деятельности европейцев, вносили конкретные предложения по улучшению позиций отечественных купцов на рынках Ирана.

Кратное увеличение объемов импорта готовых европейских изделий в Иран и вытеснение российских товаров привели к изменению каналов сбыта последних. Не выдерживая конкурентной борьбы в Тебризе, Тегеране и в других торговых центрах, отечественные торговцы обратили пристальное внимание на северные провинции Ирана: Гилян, Мазандеран и Астрабад, где еще не ощущалась та гнетущая атмосфера острой конкуренции, отмечавшаяся в это время в северо-западных, центральных и южных провинциях Ирана. Так,

в 1848 г. основной привоз в Тебриз составили европейские товары, доставленные через Константинополь: в общем привозе они оценивались в 17/20 [2, л. 40 об.]. В стоимостном выражении привоз оценивался в 1848 г. в 20 млн руб. асс.; из этого объема на ситец приходилось 14 млн руб. [3, л. 37 об.]. Как отмечал генеральный консул в Тебризе Н.А. Аничков в письме к полномочному министру князю Д.И. Долгорукому от 7 (19) февраля 1849 г., «цены на ситцы так необычайно понизились, что простого одноцветного ситца можно было целую штуку в 36,25 аршин купить за 1,5 руб. сер.» [4, л. 37 об.]. При таких ценах российские купцы несли большие убытки.

Наплыв дешевых европейских ситцев в Иран был отмечен в 1840 г. Причем сюда везли и часто бракованный товар (ткани с нестойкой краской, которые после первой же стирки линяли. — В.Ш.), что первоначально привлекало покупателей низкой ценой на материю. Но уже на следующий год обман раскрылся, и спрос на такой товар упал: иранцы предпочитали покупать белый английский миткаль и набивать его рисунком на своих фабриках. Рост мануфактурного производства в Иране также негативно отразился на сбыте российских изделий. Консул писал в своем донесении в посольство: «Подобный оборот дела, между прочим, значительно содействовал распространению и улучшению персидских фабрик. С 1840 г., как я уже упоминал в своевременных отчетах, английские мануфактуры вытеснили было с тавризских рынков туземные ткани, особливо бумажные, заменив их дешевлешим и доброкачественным товаром. Теперь они опять начали появляться и, в свою очередь, вытесняют европейские произведения» [5, л. 39]. Столь неблагоприятная ситуация для российского купеческого капитала, как уже отмечалось выше, привела к смене тактики купцов; оставлять же иранский рынок они не хотели. Что же позволило отечественным торговцам сохранить свои позиции в Иране? Отметим наиболее важные, на наш взгляд, решения.

Во-первых, российские торговцы активно осваивали прикаспийские провинции Ирана, куда наладили сбыт отечественных изделий. Здесь, в Гиляне, Мазандеране и Астрабаде, европейские товары встречались редко, что давало известные преимущества российским купцам.

Во-вторых, прикаспийские провинции Ирана были доступны морским путем, что, в частности, стимулировало развитие каспийского флота и морской торговли.

В-третьих, российские дипломаты и купцы смогли найти общий язык с губернаторами прикаспийских провинций. В ход был пущен весь арсенал приемлемых на Востоке средств, включая подкупы и подношения. Обеспечив, та-

ким образом, для себя преимущества, торговцы из Российской империи чувствовали покровительство и защиту со стороны местных правителей.

В-четвертых, природные богатства прикаспийских иранских провинций привлекли внимание российских предпринимателей, включая рыбопромышленников. В прибрежных водах южного Каспия, а также в реках, впадающих в море, встречались ценные виды рыб, включая осетровые и лососевые. Некоторые из отечественных предпринимателей, терпя убытки в торговле, направили свои капиталы в сферу рыболовства.

В-пятых, российское правительство задействовало все средства политического давления на иранские власти, чтобы обеспечить защиту торговых интересов отечественных купцов.

В-шестых, плохой сбыт в Иране отечественных тканей побудил российских купцов к изменению ассортимента экспортных товаров. К концу 40-х гг. из России все меньше поступало готовых тканей, и увеличивался вывоз других товаров. К примеру, в 1848 г. в Тебриз было доставлено товаров на общую сумму 296 549 руб. В это же время через Константинополь привезли товара на 17 546 385 руб., из Лейпцига — на 574 630 руб., из Великобритании — на 2 314 148 руб. [6, л. 50–53]. Вместо тканей российские купцы стали больше вывозить в Тебриз следующие товары: посуду и другие изделия из хрусталя, самовары и медные чайники, писчую, оберточную и так называемую «чайную» бумагу, железо, позументы, серебряные и мишурные нитки, сырые буйволовы кожи и прочее. Изменение ассортимента экспортных товаров, как показывает история внешней торговли, нередко предотвращало развитие нежелательных событий, и сохраняло позиции купцов на зарубежных рынках в условиях острой конкурентной борьбы. Российские торговцы стали доставлять в Тебриз те товары, в доставке которых они сохраняли свое монопольное положение: вряд ли из Европы могли привозить в Иран те же самовары или медные чайники, железо не в деле или сырые буйволовы кожи. Эта природная смекалка, учет потребительского спроса в странах Востока, гибкий подход к осуществлению экспортных операций нередко выручал российских купцов как в Иране, так и в других странах Азии.

Таким образом, только комплексный подход позволил российским купцам не утратить окончательно позиции на рынках Ирана.

В определении четкой позиции российских властей по вопросам внешне-торговой политики на иранском направлении немалую роль играли те ценные сведения, которые доставляли отечественные путешественники, ученые и разведчики. Их донесения, заметки, «описания» помогают лучше почувствовать

атмосферу того времени, осознать характер англо-русского торгово-экономического соперничества в Иране, выявить особенности внешнеторговой политики европейских держав на рынках Среднего Востока. Среди таких работ особо следует отметить сочинение подполковника И.Ф. Бларамберга «Статистическое описание Персии» [7]. В своем труде наряду с общей характеристикой Ирана автор привел ценные сведения о торговле. Этому вопросу посвящен раздел «Общий взгляд на персидскую торговлю, в особенности на торговлю та-вризскую и гилянскую». Подполковник отметил, что до открытия канала сбыта европейских товаров через Трапезунд и Константинополь Россия фактически занимала монопольное положение в обеспечении иранского рынка ситцами, пользовавшимися большим спросом у иранцев. Эта торговля приносила отечественным купцам значительную прибыль. Ткани из России продавались дорого, отличались высоким качеством, однако рисунок на материи часто был безыскусным. Открытие нового канала сбыта европейских товаров через Трапезунд и Константинополь, по мнению И.Ф. Бларамберга, нанесло мощный удар по сбыту российских ситцев в Иран. Как в этой ситуации повели себя отечественные купцы? Они сократили объемы экспорта тканей из России в Иран и обратились к выгодной торговле европейскими товарами. Российские подданные стали привозить в Тебриз и другие города европейские товары из Константинополя (хлопчатобумажные шали, американский холст, ситец, коленкор, миткаль, кембрик, сукно, саржу, кисею, бархат, шелковые материи и сахар), из Лейпцига (сукно, бархат, гроденапль, камлот, хлопчатобумажные шали, ситец, коленкор, миткаль, кисею, каламкер, нанку, плис, полосатый холст, американский холст, драдедам, чай, сахар, ром) [8, с. 100].

Иная ситуация складывалась на рынках Гиляна. Здесь, по мнению И.Ф. Бларамберга, сохранялись сильные позиции российских купцов. Они доставляли в Решт, Энзели, Ленгеруд и другие города прикаспийских провинций следующие товары: нефть из Баку, железо, медь, сталь, юфть, чугунные и медные изделия, сандал и иные товары, которые, по мнению автора, были невыгодны англичанам из-за дороговизны доставки в Иран. В немалом количестве в Гилян привозилось товаров с Нижегородской ярмарки: полосное железо и лом, красная медь, чугунные, медные, железные, хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные изделия, мелочные товары, сталь брусчатая и прочее. [9, с. 103–104]. В свою очередь, из Гиляна в Россию доставлялись шелк-сырец, хамхалат, шкуры выдры, куницы, шакала, птичье перо и пр. Особую роль в российско-иранской торговле в рассматриваемый период играла рыба, выловленная в реках Гиляна и в прибрежной зоне Каспийского моря. Выловом рыбы здесь занимались российские рыбаки. Об объемах лова можно судить по тем данным, ко-

торые привел И.Ф. Бларамберг по состоянию на 1839 г.: белуга — 11 625 шт., осетр — 89 000 шт., сомы — 15 100 шт., севрюга — 1 500 шт. Кроме этого, из Гиляна в Российскую империю было вывезено 232 бочки черной икры весом 13 280 пуд., красного клея — 131 пуд., клея сомового — 52 пуд., вязиги — 150 пуд. [10, с. 104–105]. Объемы российско-гилянской торговли выглядели следующим образом: в 1839 г. вывоз из России составил 1 065 597 руб., вывоз из Гиляна — 1 855 065 руб. В течение 40-х гг. XIX в. экспорт товаров из Гиляна в Россию вырос: в 1851 году только местного шелка-сырца было доставлено на 2 239 680 руб. сер. [11, л. 152 об.]. В этот же год в Россию из иранской провинции вывезены следующие товары: вяленая рыба (160 тыс. шт.), ковры, ореховое дерево, рис, оливковое масло, апельсины и прочее. Наращивание объемов торговли на гилянском направлении российско-иранской торговли стимулировало развитие каспийского морского торгового пароходства. Из Астрахани и Баку в Решт и другие каспийские порты Ирана товар доставлялся на шкоутах, расшивах и «бакинках», а вдоль морского берега — на киршимах (плоскодонных судах).

Одним из перспективных и доходных направлений торгово-экономической деятельности российских купцов и предпринимателей в Иране в 40-е гг. XIX в., как отмечалось выше, стало рыболовство. Немало отечественных купцов переориентировали свои капиталы в рыболовный промысел. Причина заключалась не только в богатстве ихтиофауны иранских вод, но и в местных религиозных традициях: иранцы, исповедовавшие шиизм, не употребляли бесчешуйчатую рыбу. Следовательно, промысел белуги, осетра, севрюги, сома и некоторых других видов рыб был практически полностью монополизирован российскими купцами по всему Южному Каспию, а также вдоль юго-восточного берега моря, принадлежавшего туркменским родам. Такой подход позволил отечественным торговцам и предпринимателям укрепить свои позиции в северном Иране. Подполковник И.Ф. Бларамберг заметил по поводу усиления влияния России в Гиляне: «...русский консул находится там (в Реште. — В.Ш.) только с 1835 года; с этого времени наша торговля весьма увеличилась в этом крае, и оборот русских купцов простирался в последних годах до трех миллионов рублей ассигнаций ежегодно» [12, с. 138].

Российский купеческий капитал к концу 40-х гг. XIX в. прочно утвердился в провинциях Мазандеран, Астрабад, проник в провинцию Хорасан и некоторые другие регионы Ирана. Такая тактика стала прелюдией будущего окончательно раздела Ирана на сферы экономического влияния между Российской империей и Великобританией. Если на северо-западе страны отечественные купцы были вынуждены свернуть свои операции, то они ихкратно увеличили в

других регионах Ирана. И. Березин очень точно подметил: «1837 год был одним из самых выгодных для русской торговли с Персией» [13, с. 60]. Также отечественные торговцы в целях объединения усилий в противостоянии конкурентам в конце 30-х гг. XIX в. вели переговоры об учреждении частного купеческого товарищества или торгового дома «для открытия торговли с Азией через Астрабад» [14, л. 66]. В марте 1838 г. этот проект получил одобрение императора и был рассмотрен в правительстве. Министерство финансов Российской империи предполагало даже выделить 200 тыс. руб. асс. для поддержки компании. Однако, как это нередко было и раньше, проект не был реализован. Причина оказалась банальной: одни купцы не явились на организационное собрание «по несостоятельности», другие сказались больными. Вторая попытка была предпринята осенью 1844 г., когда по инициативе председателя московских отделений мануфактурного и коммерческого совета, действительного статского советника, барона А.К. Мейендорфа планировалось учреждение Московского торгового дома для торговли с Азией. Сферой деятельности торгового дома охватывала Иран и Среднюю Азию. В уставе организации говорилось: «Московский торговый дом учреждается для сбыта российских изделий через Астрабад в Персию и Центральную Азию. Для сей цели в местах, где окажется удобство, учредятся фактории сего Дома, определятся комиссионеры и заведутся складские места» [15, л. 68 об.]. Была проделана большая работа по организации торгового дома, но успехи его оказались очень скромными. Не случайно в отчете российско-императорского консульства в Астрабаде за 1848 г. отмечалось, что «компания Московского торгового дома в последнее время начала обращать большое внимание на рыбную промышленность» [16, л. 327 об.]. В 1849 г. торговый дом осуществлял свою деятельность в фактории в Гилян-ской провинции, и только в начале 50-х гг. XIX в. открылись конторы в других местах прикаспийских провинций Ирана. В этот год компания не получила дохода. К сожалению, деятельность торгового дома впоследствии была свернута.

Таким образом, 40-е гг. XIX в. стали новым этапом в развитии российско-иранской торговли, характеризующимся усилением англо-российского торгово-экономического соперничества, вынужденным освоением российскими купцами новых районов для сбыта отечественных товаров, перераспределением купеческих капиталов в сферу рыболовства, попытками торговцев объединить усилия в рамках торговых компаний. Этот период четко продемонстрировал соотношение сил (пока только торгово-экономических) Великобритании и Российской империи накануне «Восточной» войны 1853–1856 гг.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив II-3, 1836 г., оп. 34, д. 5.
2. Там же. Ф. Главный архив I-9, 1847–1854 гг., оп. 8, д. 11.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. *Бларамберг, И.Ф.* Статистическое описание Персии // Записки Императорского Русского географического общества. — 1853. — Кн. 7. — С. 1–358.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. АВПРИ. Ф. Главный архив I-9, 1847–1854 гг., оп. 8, д. 11.
12. *Бларамберг, И.Ф.* Указ. соч.
13. *Березин, И.* Путешествие по северной Персии. — Казань, 1852.
14. АВПРИ. Ф. Главный архив II-3, 1836 г., оп. 34, д. 5.
15. Там же.
16. АВПРИ. Ф. Главный архив I-9, 1847–1854 гг., оп. 8, д. 11.

3.8. Государственно-правовое регулирование российско-японских отношений и двусторонняя торговля в середине — второй половине XIX века

К середине XIX в. торговые связи России с Японией носили эпизодический и опосредованный характер. Отсутствие дипломатических отношений и каких-либо межгосударственных договоров, вызванное политикой самоизоляции японских властей, негативно отражалось на развитии российско-японской торговли. На протяжении XVIII — первой половины XIX вв. товарообмен между российскими и японскими торговцами и предпринимателями осуществлялся на южных Курильских островах при посредничестве коренных жителей — айнов. Кроме этого, в торговле с японцами (в форме примитивного простого товарного обмена) участвовали и другие коренные народы Дальнего Востока — гилаки, ольчи, орочи и др., которые прибывали на Сахалин для менового торга. Российские власти знали об этих контактах и не препятствовали им, поскольку при посредничестве коренного населения Приамурья и Приморья в Россию по-

ступали японские товары. Так, гиляки доставляли пестрые, красные и голубые шелковые ткани, а также орлиные хвосты, которые японцы обменивали на рис, табак, саке, фарфоровую и деревянную лакированную посуду. В худшем положении находились айны Сахалина, в отношении которых японские торговцы и предприниматели вели себя часто непорядочно. Как отметил академик Л. Шренк, «угрозами и вымогательствами они [японцы] заставляют туземцев очень дешево уступать себе желаемый товар, а то и совсем даром забирают его под предлогом мнимых долгов» [Шренк Л., 1899, с. 295]. Поэтому не случайно сахалинские айны стремились не вступать в прямые контакты с японцами, а доверяли свои торговые операции гилякам с Сахалина или с берегов Амура. Японцы поставляли также на остров шкурки речной выдры, соболей, лисиц и пр. Эти шкурки гиляки и ольчи привозили в Россию, а затем обменивали их у китайцев на Амуре. Таким образом, гиляки Сахалина и Приамурья выступали в качестве посредников между тремя империями: Российской, Цинской и Японской. Вот такой удивительный симбиоз торговых операций наблюдался на Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

Торговля с Японией и другими государствами Востока имела особое значение для всей Восточной Сибири и Дальнего Востока, на территории которых почти до самого конца XIX века не существовало промышленных предприятий. Относительная близость зарубежных рынков Азии и отдаленность основных промышленных районов России изначально побуждало население этого колоссального по размерам региона империи к поиску мирных взаимовыгодных торгово-экономических отношений с народами сопредельных стран.

Подписание Симодского договора («Симода дзёяку») 26 января 1855 г. ознаменовало новый этап в развитии российско-японских отношениях. Статья 5 этого договора непосредственно касалась торговли: «В двух первых из открытых портов (Симода и Хакодате. — В.Ш.) русским дозволяется выменивать желаемые товары и имущества на привезенные товары, имущества и деньги» [Накамура С., 1983, с. 175]. В июле 1858 г. был подписан российско-японский торговый договор. Несмотря на то, что все формальности, казалось бы, были соблюдены, торговля между двумя империями оставалась незначительной. Известный японский исследователь Синтаро Накамура в своей монографии отметил: «... хотя и был заключен договор, торговля Японии с Россией в период Бакумацу (1854–1868) была ничтожно мала. В среднем доля России составила около 0,5 % японского экспорта и немногим более 3 % импорта» [Там же, с. 193].

С начала установления прямых торговых связей между Россией и Японией отечественные торговцы столкнулись с некоторыми очевидными проблемами. Выяснилось, что российские купцы совершенно не знали особенностей потребительского спроса японцев. К примеру, привычный засол рыбы, которым пользовались местные жители Приамурья, не устраивал жителей Страны восходящего солнца. Лишь со временем россияне узнали о том, что рыбу нужно сначала подвялить, слегка подсолить, а затем после легкого брожения — высушить [Скальковский К., 1883, с. 73]. Так жители Дальнего Востока постепенно принаравливались к особенностям японского рынка, узнавали потребности и вкусы японцев.

Упрочение торговых связей с Японией позволило наладить обеспечение населенных пунктов побережья Охотского моря и Камчатки продуктами питания и другими жизненно необходимыми товарами. Перевозкой груза из Иокогамы в российские населенные пункты занимался компаньон английского торгового дома в Иокогаме г. Филипеус, который один раз в год совершал рейс из Японии вначале на небольшом пароходе «Курьер», а затем на судне «Камчатка». Для обеспечения продуктами питания российских населенных пунктов Филипеус получал от правительства ежегодную субсидию в размере 30 тыс. руб. в год [Там же, с. 84]. Продукты закупались в Кобе, а жителям приморских российских населенных пунктов они обменивались на пушнину или отпускались в долг.

Объемы российско-японской торговли в 50–60-е гг. XIX в. оставались небольшими. Во всяком случае, они не отражались в ежегодно издаваемых (под разными названиями — *В.Ш.*) «Видах внешней торговли России»: российские власти вследствие незначительных объемов торговли Японией не выделяли отдельно это направление. Лишь в 1871 г. впервые в разделе «О лицах, проехавших в 1871 году» были приведены данные о том, что в Российскую империю прибыли сухопутно 31 и морем 5 японцев (убыло сухопутно 28 чел.) [Обзор..., 1871, Ч. I, с. 875].

Официальное оформление межгосударственных отношений позволило российскому и японскому правительству перейти к переговорам по поводу границ на Сахалине. 18 марта 1867 г. было заключено временное соглашение о совместном владении островом. О сложных перипетиях переговоров подробно рассказал отечественный исследователь И.А. Сенченко [Сенченко И.А., 2006, с. 272–347]. Заметим, что в последней четверти XIX в. Сахалин вызывал повышенный интерес как российских, так и японских промысловиков. Если в 1876 г. здесь находилось всего 16 японских промысловых участков, то в 1898 г. их коли-

чество выросло до 192 [Шмидт П.Ю., 1905, с. 355]. Многократно выросли объемы добытых морепродуктов: 1876 г. — 28 804 пуд., а в 1898 г. — 459 641 пуд. [Там же]. Доходы японских промышленников выросли в 1898 г. по сравнению с 1889 г. примерно в 3,7 раза (подсчитано нами. — В.Ш.). Российский же промысел на Сахалине восходит к началу 60-х гг., когда фирма «Семенов и Ко» начала добычу рыбы. Выловленную и засушенную треску, а также морскую капусту (около 100 тыс. пуд. в год) фирма поставляла в Японию. Также на острове в небольшом количестве добывалось кеты и горбуши, тука селедочного, акульих плавников и т.д. Только на промыслах фирмы Семенова в 1889 г. трудились 125 корейцев, 30 японцев, 27 китайцев, 27 русских поселенцев [Там же, с. 365]. Японцы к концу века объединились в «Сахалинское рыбопромышленное общество» («Сахалин — Гио-Гио-Кумиай»), которое руководствовалось «Правилами». В основном в это общество входили крупные японские рыбопромышленники, уроженцы округа Хакодате с Хоккайдо. Указанные «Правила» четко регламентировали деятельность общества, права и обязанности его членов, а также порядок натуральной оплаты коренным жителям Сахалина за поставленную рыбу и рыбопродукты.

С переходом Сахалина во владение Российской империи в 1875 г. Санкт-Петербург заключил особый договор с Токио, в соответствии с которым японским промысловикам разрешалось в течение 10 лет (с 1875 по 1885 г.) посещать порт Корсаковский без уплаты таможенных и портовых пошлин. Подданные Страны восходящего солнца имели право заходить в порты Охотского моря и Камчатки для торговли и рыбной ловли в прибрежных водах. Однако право беспошлинного промысла на Сахалине имели только те японцы, которые остались на острове для постоянного жительства. Вместе с тем до 1880 г. отсутствовали правила регулирования рыбного промысла у восточного берега Сахалина. Разумеется, такая ситуация не отвечала государственным интересам России. Да и местные сахалинские чиновники не всегда следовали требованиям договора. Так, начальник Южного Сахалина подполковник Сабо в 1879 г. заключил с японским вице-консулом договор, по которому весь залив Анива предоставлялся японским рыбопромышленникам для бесплатного лова. Таким правом могли пользоваться и японцы, не проживавшие на Сахалине, что прямо противоречило условиям межгосударственного договора. Было очевидно, что государственная казна теряла немалые доходы. Неопределенная ситуация сохранялась до 1883 г. Сами японцы осознавали, что нарушают условия заключенного в 1875 г. договора и в 1883 г. выступили с ходатайством о передаче им в аренду на 10 лет промыслов вдоль восточного берега с уплатой ежегодной

арендной платы в 3 тыс. долларов [Шмидт, с. 405]. Но российские власти поступили иначе: просьбу японского правительства удовлетворили лишь частично. За предложенную сумму было разрешено отдать в аренду часть прибрежных вод только на 1 год (1884 г.).

В последующем правила сдачи в аренду прибрежных вод у Сахалина неоднократно менялись: в 1885, 1889, 1894, 1899 гг. Суть их сводилась к тому, что российские власти внимательнее стали относиться к защите интересов отечественных промысловиков и торговцев. К примеру, в 1885 г. вывозные пошлины для российских торговцев были в 1,5 ниже, чем для японцев. В 1894 г. был введен запрет на сдачу в аренду тех промыслов, которые использовали отечественные промысловики и которые отличались наибольшим уловом лососевых пород рыбы. Наконец, в 1899 г. были утверждены «Временные правила для производства морских промыслов в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства» [Там же, с. 420]. Этот документ характеризовался четкостью, скрупулезной детализацией. В нем прописывались условия промысла и вывоза за границу для продажи рыбы, китов и иных морских млекопитающих, трепангов, раков, крабов и иных морских беспозвоночных, а также морской капусты. Эти правила носили четко выраженный протекционистский характер и были невыгодны японским промысловикам. Как отметил П.Ю. Шмидт, японцы «увидели в этих правилах конец их владычества на Сахалине» [Там же, с. 428]. Не случайно в 1900 г. японский парламент в ответ на новые российские правила принял закон, который вводил высокие пошлины на ввоз в страну рыбопродуктов. Однако это не смутило российские власти, которые в 1901 г. утвердили новые «Временные правила». Они фактически вводили полный запрет на промысел у берегов Сахалина иностранным подданным. Лишь «в порядке исключения» японцам разрешался промысел вдоль южного побережья Сахалина. Безусловно, такая правовая война между государствами вокруг сахалинских промыслов не могла не отразиться и на межгосударственных отношениях, поскольку весь объем сахалинских промыслов поглощался исключительно Японией. Цены же на сахалинскую рыбу напрямую зависели от цен на рис.

До 1881 г. сообщение между Владивостоком и Нагасаки было непостоянным и находилось в руках компании Адамса, владельца Шанхайского дома. За перевоз груза из японского порта до Владивостока приходилось платить по 6 долларов с тонны груза [Скальковский К., 1883, с. 61].

В мае 1884 г. из Санкт-Петербурга российскому посланнику в Японии А.П. Давыдову была направлена специальная инструкция, в соответствии с которой ему предписывалось начать переговоры о новом торговом соглашении.

Российские власти были намерены получить подтверждение статуса наиболее благоприятствуемой нации и снижения ввозных пошлин на сушеную рыбу до 5 % [Кутаков Л.Н., 1988, с. 190]. Спустя пять лет, в 1889 г. посланник в Токио Д.Е. Шевич также провел переговоры о заключении нового торгового договора. Наконец, договор о торговле и мореплавании, заключенный 27 мая 1895 г. в Санкт-Петербурге, установил «взаимную свободу торговли и мореплавания» [Сборник договоров, 1906, с. 28]. В нем определялись права российских подданных на доступ к судебным учреждениям в части защиты своих интересов, на свободу перемещения и путешествий по Японии, на владение движимым имуществом, на свободу совести и отправление религиозных обрядов, на ведение розничной и оптовой торговли дозволенными товарами, на наем домов, магазинов, земли «для жительства и производства торговли», на свободный доступ на судах в любые порты и реки империи и т.д. [Там же, с. 27–44]. Позже, 29 августа 1895 г., в Токио чрезвычайный посланник и полномочный министр Михаил Хитрово (с российской стороны) и исполняющий обязанности министра иностранных дел Японии маркиз Саионзи подписали протокол об обмене ратификационными грамотами. А протокол от 27 мая (8 июня) 1895 г., подписанный в Санкт-Петербурге С. Витте, князем Лобановым-Ростовским (с российской стороны) и Нисси (с японской стороны), устанавливал отмену тарифа ввозных пошлин через месяц после подписания протокола и вводил действующий общий тариф, применяемый внутренним законодательством Японии, для регулирования ввоза российских товаров [Там же, с. 49–52]. Следует отметить, что данный протокол признавал те ограничения, которые были установлены японским правительством в отношении некоторых запрещенных для ввоза товаров, к которым относились, в частности, поддельные москательные товары, лекарства, съестные припасы и напитки, гравюры, картины, книги, карты, «гравюры неприличные или бесстыдные», предметы, нарушающие законы о патентах, фабричных клеймах или литературной собственности Японии и иные предметы, «могущие по санитарным поводам или в виду общественной безопасности или нравственности вызвать опасения» [Там же, с. 50].

В целом, в российско-восточной торговле во второй половине XIX в. японское направление занимало достаточно скромное место. Как отметил известный отечественный исследователь Л.Н. Кутаков, российский экспорт в Японию стал стремительно возрастать лишь в 1888 г. с началом вывоза керосина. Объем российского экспорта в этот год достиг 235,5 тыс. иен [Кутаков, с. 207]. В самом конце XIX в. в Японии действовали дифференцированные таможенные пошлины. Так, от пошлин были освобождены рис, удобрения, хло-

пок-сырец, лен, шерсть, пенька, печатные произведения и учебные пособия. Все же остальные товары были обложены пошлиной от 5 до 40 % стоимости (в среднем от 10 до 20 %) [Богуславский Н.Д., 1904, с. 240].

В последнее десятилетие XIX в. российско-японская торговля выросла более чем в 6 раз: с 1 255 млн иен до 7 756 млн иен [Там же, с. 248]. Однако в общем объеме внешней торговли как России, так и Японии она занимала очень скромное место: вывоз из Страны восходящего солнца в Российскую империю в течение этого десятилетия составлял от 0,6 % до 1,5 %, а ввоз — от 1,11 % до 2,13 %. Для российской внешней торговли эти показатели составляли 0,02–0,1 % и 0,004–0,1 %. Главными предметами японского экспорта в Россию были рис, шелк-сырец, ковры, веера, зонтики, лакированные и фарфоровые изделия, каменный уголь. В свою очередь, из России в Японию вывозились нефть, керосин, сахар-рафинад, спирт, обувь, пшеничная мука, табак и табачные изделия [Там же, с. 248–249].

К исходу столетия в российско-японских отношениях появились новые реалии. Наряду с развитием торгово-экономических связей стали все отчетливее вырисовываться и противоречия, которые, в конечном счете, привели к российско-японской войне. Две соседние империи, несмотря на полувековое активное взаимодействие, так и остались друг для друга чужими и не вызывающими доверия. Набиравшая силу, Япония стремилась к лидерству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и проба сил в военных столкновениях с соседними государствами становилась очевидным и логичным продолжением политики Токио на рубеже веков.

Список литературы

1. *Богуславский, Н.Д.* Япония: Военно-географическое и статистическое обозрение / Н.Д. Богуславский. — СПб.: Военная тип., 1904. — 413 с.
2. *Кутаков, Л.Н.* Россия и Япония / Л.Н. Кутаков // Серия «СССР и страны Востока». — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1988. — 384 с.
3. *Накамура, Синтаро.* Японцы и русские. Из истории контактов / Синтаро Накамура / Пер. с япон. с сокращ. — М.: Прогресс, 1983. — 303 с.
4. Обзор внешней торговли России за 1871 год. — Ч. I. — СПб.: Тип. Майкова, 1872. — 887 с.
5. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока: 1895–1905 гг. — СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1906. — 763 с.
6. *Сенченко, И.А.* Сахалин и Курилы — история освоения и развития / И.А. Сенченко. — М.: Моя Россия; Кучково поле, 2006. — 512 с.

7. *Скальковский, К.* Русская торговля в Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Кореи, Китая, Японии и Калифорнии / К. Скальковский. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. — 515 с.

8. *Шмидт, П.Ю.* Рыбные промыслы Дальнего Востока / П.Ю. Шмидт. — Часть III: Морские промыслы острова Сахалин. — СПб.: Тип. Г.П. Пожарова, 1905. — 458 с.

9. *Шренк, Л.* Об инородцах Амурского края / Л. Шренк. — Том II: Этнографическая часть. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1899. — 314 с.

3.9. Внешняя торговля Царства Польского в середине XIX века

К середине XIX в. в экономике Царства Польского наблюдались существенные перемены, связанные с динамичным развитием отдельных отраслей мануфактурного и промышленного производства. Это позитивно отразилось на состоянии внешнеторговых связей Польши с ближними и дальними странами.

Внешняя торговля Царства Польского регламентировалась специальными законодательными актами. Так, «Таможенное учреждение и Устав по европейской торговле» (раздел 9 «О торговле с Царством Польским и великим княжеством Финляндским») устанавливало особые правила российско-польской торговли, а также торговых отношений Польши с зарубежными странами. В статье 1714 отмечалось: «Порядок торговых сношений между Российской империей и Царством Польским определяется всегда сообразно взаимным отношениям областей, соединенных общими государственными пользами, но имеющих особенные управления» [2, с. 291]. Беспшлинно разрешался взаимный ввоз сырья, а при ввозе готовых изделий, произведенных на фабриках и заводах Польши и России, устанавливалась «умеренная пошлина». Если же доставлялись импортные товары, ввезенные из зарубежных стран, то пошлина взималась повышенная, в зависимости от категории товаров. Особыми статьями регламентировался транзитный провоз иностранных товаров через территорию Царства Польского.

В 1850 г. был утвержден Устав таможенный для Царства Польского, вступивший в силу с 1 января 1851 г. Этим основополагающим актом определялся порядок:

- учреждения таможенного управления (раздел 1);
- регулирования импорта и экспорта товаров (разделы 2 и 4);

- транзита товаров через территорию Царства Польского на Одессу и из Австрии в Пруссию (раздел 6);
- предоставления льгот отдельным лицам и населенным пунктам Польши, а также перевозки пассажирских вещей (раздел 5);
- взыскания и наказания за тайный провоз (раздел 7);
- производства следствия и суда по преступлениям таможенных служащих (раздел 8) [4].

Таможенный устав является не только ценным источником по истории государственно-правового регулирования польской внешней торговли в середине XIX в., но и источником сведений о структуре импорта и экспорта в рассматриваемый период. В приложениях к Уставу перечислены группы товаров, привозимых в Польшу из-за рубежа и из России, а также группы товаров, экспортировавшихся из царства в другие страны. Анализ этих приложений свидетельствует о достаточно широких внешнеторговых связях Польши с зарубежными странами. Среди товаров, импортировавшихся в Царство Польское, встречаем готовые изделия из многих стран Европы, сырьевые и мануфактурные изделия из России, различные товары из стран Востока, Африки, Америки. Последние попадали в Польшу реэкспортом из России и европейских государств. Среди них: басма индийская, бухарская выбойка, азиатские кумачи, персидская кисея, китайский, персидский и турецкий шелк-сырец, турецкая и персидская парча, ковры, шали, верблюжья шерсть, чай, ревень, оливковое масло, кофе, китайские корольки, различные красители (индиго, кошениль, марена, сандал), смола иранская и аравийская, инжир, миндаль, изюм и т.д. [4, с. 227–228]. Все это свидетельствует о широких внешнеторговых связях Польши с самыми разными странами мира. В то же время введение в действие нового таможенного устава фактически уничтожало таможенную границу между Польшей и территорией Российской империей, что способствовало устранению многочисленных препятствий в двусторонней торговле.

В период Крымской войны выросло значение сбыта польского и белорусского хлеба через Нешаву на Висле. Так, в 1854 г. через этот пункт и Одессу было отправлено 70% всего экспортной российской пшеницы [3, с. 65]. В 1854–1855 гг. через сухопутную европейскую границу Российской империи (в основном через Радзивилловскую таможню) шел почти весь отечественный экспорт шерсти: если в 1832–1838 гг. через этот пункт очищалось около 66 546 пуд. шерсти, то в 1852 г. этот показатель составил 218 178 пуд., а в 1855 г. — 245 387 пуд. [Там же, с. 156]. В годы войны резко увеличился и объем экспорта леса через территорию Польши: через Нешаву проходило до 70 % экспорта

строевого леса [Там же, с. 258]. Такой внушительный рост объяснялся смещением каналов сбыта отечественных товаров, вызванного нарушением традиционных внешнеторговых связей вследствие военных действий.

Важнейшими торговыми партнерами Польши на протяжении длительного времени оставались Австрия и Пруссия. Так, в Пруссию из Царства Польского вывозились скот, лес, цинк, масляные семена, овощи, шерсть, щетина, хлеб. В 1860 г. этих товаров было доставлено на 15 718 699 руб. сер. [5, с. 99]. В свою очередь, в Польшу из Пруссии ввозились следующие товары: хлопко-сырец, хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные изделия, краски, химическое сырье, шелк-сырец, шелковая пряжа, шелковые изделия, колониальные товары, машины, металлы и металлические изделия, шерстяные изделия, рыба, напитки. В Царство Польское из Австрии доставлялись поваренная соль, лес, колониальные товары, льняные изделия, овощи, напитки и пр. Всего из Австрии в 1860 г. было ввезено товара на 2 818 543 руб. сер. [Там же]. В Австрию же из Польши в это время доставлялись лес, щетина, шерсть, шкуры, хлеб, рыба и т.д., всего в 1860 г. — на 1 169 571 руб. Судя по ассортименту импорта и экспорта, в структуре торговли Царства Польского с Австрией и Пруссией не было какой-либо определенной зависимости от поставок, например, сырья. Наряду с сырьевыми товарами мы наблюдаем здесь и готовые изделия. Это свидетельствовало о взаимовыгодных торговых связях между государствами. В российско-польской торговле ситуация была иной: Россия поставляла на польский рынок в основном сырьевые товары, а вывозила готовые мануфактурные изделия.

Заметную роль во внешнеторговых связях Польши в рассматриваемый период играли Варшава и Варшавская губерния. Здесь действовало несколько крупных ярмарок, на которых находили сбыт импортные товары. В 125 городах губернии проходило 1205 ежегодных ярмарок [1, с. 217]. С территории края также вывозились товары: в Россию — шерстяные изделия, в Пруссию — лес, шерсть, хлеб, семена конопли и репы и т.д. В Варшавской губернии находили сбыт скот, кожи и льняные изделия из России, пряности, шерстяные и шелковые изделия, напитки, рыба из Пруссии, соль и напитки и Австрии [Там же]. В середине века отмечался рост ввоза на территорию губернии китайского чая и вывоз сукна, который в немалом количестве потреблялся как в России, так и реэкспортировался в Китай и другие страны. Развитию внешнеторговых связей Варшавской губернии способствовала разветвленная сеть путей сообщения.

Внешнеторговый оборот Царства Польского в 1860 г. оценивался в 35 841 290 руб. [Там же, с. 99]. Рост объемов торговли свидетельствовал, с од-

ной стороны, об экономическом подъеме в Польше, а, с другой стороны, о расширении потребительского спроса местного населения.

Информация о состоянии внешней торговли находила отражение на страницах местной периодической печати. К примеру, в «Варшавской полицейской газете», издававшейся с 1 января 1845 г., публиковались сведения о ценах на продукты питания, статистические данные, а также информация о конфискации контрабандных и запрещенных предметов и т.д. Сведения о ценах на товары, аналитические и статистические статьи о торговле можно было прочесть на страницах «Варшавского дневника» (издавался с октября 1864 г.), ежедневного издания (выходил во все дни недели за исключением воскресных и праздничных дней. — В.Ш.). Ту же информацию читатель черпал со страниц «Варшавских губернских ведомостей». Довольно обширной была периодическая печать на польском языке». Назовем те из них, в которых публиковалась разнообразная информация по внешней торговле: «Biblioteka Warszawska», «Dziennik Warszawski», «Ekonomista», «Gazeta Handlowa», «Gazeta Kielecka», «Gazeta Polska», «Gazeta Warszawska», «Kurjer Codzienny», «Kurjer Warszawski», «Merkury», «Opiekun domowy», «Kaliszanin» и др.

Таким образом, в 50—60-е годы XIX в. расширились внешнеторговые связи Польши. Динамичное развитие промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта и связи положительно отразилось на развитии как внутренней, так и внешней торговли Царства Польского. В структуре польского экспорта выросла доля готовых мануфактурных и промышленных изделий, что свидетельствовало о структурных изменениях в польской экономике.

Список литературы

1. Варшавская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. — Т. XV. — Ч. 3. — СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1850. — 282 с.

2. Свод уставов казенного управления. — Ч. 2: Учреждения и уставы таможенные. — СПб.: Типография Второго отделения С.Е.В. канцелярии, 1842. — 563 с.

3. Тернер, Ф. Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 год / Ф. Тернер. — СПб.: Типография Морского министерства, 1858. — 353 с.

4. Устав таможенный для Царства Польского. — СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1850. — 243 с.

5. Царство Польское // Географические и статистические очерки. — СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1863. — 135 с.

3.10. Роль дипломатической и консульской службы в регулировании внешней торговли Российской империи в первой трети XIX века

Первая треть XIX века в истории российской внешней торговли стала временем существенных изменений, определивших дальнейший ход торгово-экономических отношений России с сопредельными странами Востока. Это было вызвано рядом причин. С одной стороны, победа России в войнах с Турцией и Ираном, заключение мирных договоров, в которых особо оговаривались вопросы взаимной торговли, казалось бы, открывали новые перспективы для продвижения отечественного купеческого капитала в сопредельные страны Азии. Однако, с другой стороны, торговая экспансия европейских держав на рынки Ближнего и Среднего Востока, усилившаяся во второй половине 20-х годов XIX века, существенно изменила расстановку сил на рынках Турции, Ирана, Средней Азии, что привело к изменению внешнеторговой стратегии российских властей и отечественных торговцев. Заметную роль в защите интересов российских купцов и предпринимателей на рынках сопредельных стран Востока в рассматриваемый период играли члены дипломатических миссий России в Турции и Иране.

Среди российских дипломатов, служивших в российских миссиях за рубежом, было немало по-настоящему талантливых, очень эрудированных, влюбленных в свое дело чиновников. За сухими строчками аналитических докладов, служебных записок, рапортов предстают тонкие знатоки Востока, люди, хорошо знавшие особенности экономической жизни страны пребывания, искренне отстаивавшие интересы отечественной торговли. Среди них — генеральный консул в Тебризе Н.П. Безак, посланник в Константинополе А.П. Бутенев.

Российское правительство, заинтересованное в развитии торгово-экономических отношений с сопредельными странами Востока, запрашивало у дипломатов различные статистические сведения о состоянии торговли, давало указания по защите интересов отечественных купцов, а также вступало в деловую переписку с иранскими чиновниками по вопросам регулирования внешнеторговых отношений. К примеру, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел России К.К. Родофиникин в письме государственному секретарю Ирана Мирзе Массулу от 25 февраля 1830 г. (письмо написано на французском языке. — В.Ш.), в частности, напоминал о беседе с иранским дипломатом во встрече в Санкт-Петербурге. К.К. Родофиникин во время переговоров особое внимание обратил на «средства поощрять и все глубже развивать

торговые отношения между двумя империями и их народами» [АВПРИ. Ф. СПб., Главный Архив, I-1, оп. 781, 1830 г., д. 70, л. 24 об.]. Аналогичную позицию высказывали и представители иранской стороны.

На протяжении всего рассматриваемого периода Россия была крайне заинтересована в расширении торгово-экономических отношений с Османской империей. Вопросы взаимной торговли неоднократно обсуждались на специальных заседаниях в Министерстве иностранных дел. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что российское внешнеполитическое ведомство было прекрасно осведомлено о состоянии дел в соседней империи, владело информацией о развитии турецкой внешней торговли и т.д. Примером такого компетентного подхода служит «записка» статс-секретаря Д.В. Дашкова, зачитанная им на заседании Особого комитета по восточным делам в начале сентября 1829 г. Статс-секретарь представил не только экскурс в прошлое двусторонних отношений между Россией и Турцией, но и сделал особый акцент на торговых отношениях. Д.В. Дашков отметил, что в мирное время российские купцы в Турции «не несут никаких тягостей и живут в совершенной безопасности» [АВПРИ. Ф. Канцелярия, оп. 468, д. 1098, л. 90.]. Несмотря на все противоречия, войны, торговля с южным соседом, по мнению статс-секретаря, положительно отразилась на экономическом развитии Причерноморья: «...наши черноморские порты процвели, несмотря на неудобства местоположения, и Одесса в несколько лет стала наряду со знатнейшими торговыми городами в Европе» [Там же, л. 91]. Д.В. Дашков в своем докладе привел конкретные предложения по улучшению российско-турецкой торговли, выступил за расширение торговых связей отечественных купцов со славянскими народами Балкан. Несомненно, многие положения глубокого аналитического доклада Д.В. Дашкова были основаны на донесениях российских дипломатов, работавших в Стамбуле.

Вице-канцлер К.В. Нессельроде в письме к российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу от 12 декабря 1830 г. писал о применении положений Адрианопольского договора по вопросам торговли. Он призывал четко следовать позиции российской стороны во всем, что касалось торговых преимуществ. При этом К.В. Нессельроде отмечал: «Позиции императорского министерства в этом вопросе определяется общим правилом: защищать надлежит, прежде всего, *российские товары*, а не так называемых российских купцов и подданных, злоупотребляющих в качестве таковых предоставленными им правами для прикрытия спекуляций, зачастую мошеннических» [АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе, оп. 517, д. 124, л. 573]. Эта четкая и достаточно

жесткая позиция российского правительства явилась своеобразным ответом и указанием к действию дипломатам на многочисленные жалобы отечественных купцов на «притеснения», на «несправедливость» и прочее, поступавшие в Санкт-Петербург. Купцы сетовали на обиды, чинимые им в Турции, при этом ни словом не обмолвливались о причинах, побуждавших турецкие власти к репрессивным мерам. Зачастую же торговцы были виноваты сами: обман покупателей, фальсификация товара, обвес, обсчет, обмер — все эти противоправные действия торговцев вызывали, вполне естественно, крайне отрицательную реакцию турецких властей.

На основании консульских донесений, обращений купцов в правительственные органы о состоянии российско-иранской торговли в Санкт-Петербурге принимались решения, направленные на защиту интересов отечественных торговцев и промышленников. Так, в марте 1831 г. Николай I подписал указ Правительствующему сенату о разрешении транзита иранского шелка через Астрахань и Таганрог для дальнейшего вывоза за границу [ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. VI, отд. I, с. 212.]. Транзитные операции приносили немалые доходы посредникам, и об этом были хорошо осведомлены российские купцы.

Иначе обстояло дело в российско-среднеазиатской торговле. Ни с одним из ханств у России в рассматриваемый период не было дипломатических отношений. Все попытки Санкт-Петербурга направить межгосударственные отношения в цивилизованное русло наталкивались на непонимание правительств ханств. Единственной возможностью решать проблемы двусторонних отношений оставались взаимные посольские миссии, которые периодически направлялись из российской столицы в столицы среднеазиатских владений. Вопросы внешней торговли обсуждались также во время визитов посланников ханов и бухарского эмира в Санкт-Петербург. К примеру, в марте 1831 г. эти вопросы стали предметом рассмотрения во время визита бухарского посланника Балтакули Рахматбекова [АВПРИ, ф. СПб. Главный Архив, I-1, оп. 781, д. 71, л. 13–16.]. В ответной грамоте бухарскому эмиру Насрулле император Николай I выразил надежду на упрочение торговых сношений между странами: «Мы надеемся, что российские торговцы, приезжающие в Бухарию, будут там покровительствуемы и защищаемы, подобно как и бухарцы в России получают во всех случаях законную защиту» [Там же, л. 20–21]. Заметим, что цитируемая фраза — всего лишь дипломатический прием, поскольку на самом деле ситуация с правовой защищенностью российских купцов во время их пребывания по торговым делам в Бухарском ханстве выглядела совсем по-иному. Русские торговцы были исключительно редкими гостями на рынках Средней Азии. Это объяснялось

рядом причин: более высокие пошлины для купцов-немусульман, захваты иноверцев в рабство, незнание языка, традиций и обычаев местного населения и т.д. Вот почему российско-среднеазиатская торговля была сосредоточена в основном в руках мусульман, российских подданных (прежде всего, татарских купцов).

Следует отметить, что среднеазиатское направление российской внешней торговли существенно отличалось от турецкого и иранского. Если российские посланники в Стамбуле и Тегеране имели четкое задание отслеживать ситуацию с конкуренцией европейских и отечественных товаров на местных рынках, прилагать усилия к недопущению подрыва интересов отечественных предпринимателей и купцов, то в отношении товаров, доставлявшихся из Средней Азии (в том числе, европейских) строго запрета не было. Так, канцлер Н.П. Румянцев в письме от 25 июня 1810 г. писал в Оренбургскую администрацию «о нестрогом прикладывании запретительных постановлений против английских колониальных товаров, привозиться иногда могущих бухарцами в караванах, но о беспрепятственном пропуске на первый раз оных» [Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 738. Л. 1–2.].

Еще одной особенностью регулирования внешней торговли Российской империи было активное участие в этом процессе губернских властей, которые по поручению внешнеполитического ведомства и правительства выполняли конкретные поручения по внешнеторговым делам. В адрес генерал-губернаторов направлялись различные инструкции, указания, секретные письма и иные документы по вопросам внешней торговли. В губернские центры их поступало достаточно много. Без сомнения губернские власти Оренбуржья, Астрахани, Западной и Восточной Сибири, кроме чисто административных полномочий, связанных с управлением губернией, исполняли и некоторые важные дипломатические поручения. В Санкт-Петербург с мест поступала самая разнообразная информация, касавшаяся положения дел в сопредельных странах Востока, о развитии российско-восточной торговли за отчетный год, о деятельности таможен, о приезде и отбытии из России иностранных подданных и пр. Послы из стран Востока также прибывали сначала к губернатору, а затем после решения всех организационных вопросов (питание, содержание лошадей, выделение денежных средств на проезд и прочее) отбывали в столицу Российской империи. Таким образом, на губернские администрации приграничных регионов страны возлагались определенные дипломатические, консульские (в частности, связанные с паспортным режимом) функции.

Инструкции и указания, поступающие из Санкт-Петербурга губернаторам, определяли четкую позицию правительства по тем или иным вопросам отношений с сопредельными странами Востока. Так, в письме от 30 сентября 1831 г. вице-канцлер К.В. Нессельроде в адрес генерал-губернатору Западной Сибири И.А. Вельяминову писал: «Нет сомнения, что водворение спокойствия в степях (имелись в виду казахские степи. — В.Ш.) полезно для нас во всех отношениях: и слабые пределы наши там обеспечиваются, и торговля расширяется, доставляя обильный источник богатства жителям Сибирского края» [АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив, I-1. Оп. 781. Д. 71. Л. 64.].

Особое внимание российское правительство уделяло развитию российско-китайской торговли. Собственно дипломатических отношений в их классической форме между Российской и Цинской империями не было. Отчасти эти функции выполняла Духовная миссия во главе с архимандритом, находившаяся в Пекине. В адрес главы Духовной миссии поступали секретные инструкции, письма, указания, касавшиеся двусторонних отношений. Характерным примером является секретная инструкция, направленная Министерством иностранных дел архимандриту Вениамину Морачевичу 6 (18) февраля 1830 г. В ней отмечались заслуги главы Духовной миссии, который за длительное время пребывания в Поднебесной смог прекрасно узнать Китай. В инструкции обращалось внимание архимандрита на необходимость активизировать деятельность миссии по расширению и улучшению взаимной торговли. В частности, была обозначена следующая позиция Санкт-Петербурга: «Правительство, в непрестанных попечениях своих о развитии нашей внутренней промышленности и об умножении сбыта произведений ее, желало бы приступить к убеждению китайцев проложить новую дорогу для торговли с нами открытием разменного места на Сибирской границе около крепости Бухтарминской, по следующим уважением» [АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив, I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 1. П. 14. Л. 172–173]. Цитируемый архивный документ весьма примечателен: в нем четко выражено стремление российского правительства к усилению торговли с Китаем, а также желание открыть новый канал торговли с Поднебесной по Сибирской границе. Близость китайского Синьцзяна к российской границе, возможность сбыта готовых отечественных изделий в этот обширный район делали новый путь через Бухтарминскую крепость весьма перспективным. Наконец, все традиционные китайские товары можно было значительно быстрее доставлять в Россию из Восточного Туркестана, нежели из Кяхты. Кроме этого, Синьцзян являлся центром пересечения важнейших торговых дорог, ко-

торые шли как из центральных провинций Китая на запад, так и торговых трактов из ханств Средней Азии, Тибета, Индии, Пенджаба, Ладакха, Кашмира и других регионов и стран Азии. Секретная инструкция была лично прочитана императором Николаем I, одобрена им и отправлена в Пекин с приставом Духовной миссии подполковником Ладыженским.

Активное проникновение англичан на рынки сопредельных стран Востока, усилившееся в 30-е гг. XIX в., вызывало беспокойство у российских дипломатов. В аналитических записках для Министерства иностранных дел они писали о подрыве отечественной торговли в центральных и северных районах Ирана, о наплыве европейских товаров в Турции, о проникновении из Индии в Среднюю Азию английских товаров. В этих условиях, как отмечали российские дипломаты, отечественные купцы и владельцы предприятий должны были изменить не только свою тактику, но и в максимальной степени учитывать потребительские вкусы жителей стран Востока. Так, летом 1829 г. вице-канцлер империи К.В. Родофиникин в письме генерал-майору Н.А. Долгорукову по просьбе Департамента мануфактур и внутренней торговли дал поручение о присылке в Санкт-Петербург образцов «бумажных и шелковых цветных и узорчатых материй, какие наиболее употребительны в помянутой стране (Иране. — В.Ш.), дабы такими образцами снабдить и руководствовать наших фабрикантов, занимающихся приготовлением товаров для Востока, и для Персии в особенности» [АВПРИ. Ф. Миссия в Персии. Оп. 528а. 1828–1830 гг. Д. 3. Л. 10.]. Кроме указанных изделий К.В. Нессельроде просил прислать в столицу цветные и узорчатые ситцы, нанку, штофы, парчу, платки, кушаки и шерстяные изделия, а также представить «точные сведения о стальных, железных, кожаных и сафьяновых изделиях, какими наиболее довольствуется Персия» [Там же. Л.11]. Департамент мануфактур и внутренней торговли интересовали также цены на указанные изделия, место их приобретения в Иране, «дабы здесь (в Санкт-Петербурге. — В.Ш.) тем легче было судить, могут ли наши отечественные мануфактуры выдержать соперничество с теми, которые снабжают Персию» [Там же]. Приведенный пример свидетельствует о том, что российские официальные власти при активной помощи дипломатов в странах Востока активно стали применять те же методы изучения рынка сбыта и потребительского спроса, какими успешно пользовались их европейские конкуренты.

С начала 30-х годов донесения о деятельности английских торговцев стали постоянными в отчетах российских дипломатов, что свидетельствовало как об усилении торгово-экономического соперничества в Иране и Турции, так и о

стремлении Санкт-Петербурга быть в курсе событий, происходивших у южных границ Российской империи. Дипломаты сообщали не только о деятельности конкретных английских купцов и предпринимателей, но и давали характеристику ассортимента реализуемых товаров, цен, торговых оборотов. Особое внимание обращалось также на пути преодоления растущей угрозы российскому купечеству, на мероприятия, которые могли бы способствовать укреплению позиций России на рынках Ближнего и Среднего Востока.

Одних усилий правительства и российских дипломатов было мало, поскольку качество отечественных товаров, вывозимых для продажи в страны Востока, оставляло желать лучше. Российский консул в Гиляне А.И. Ходзько в своем донесении в Министерство иностранных дел писал: «Довольно одного имени, что такой-то товар есть английский, чтоб вдруг цена и конкуренция на оный увеличились» [АВПРИ. Ф. Миссия в Персии. 1833–1837 гг. Оп. 528а. Д. 249. Л. 69 об.]. Высокие цены на британские товары и успехи английских торговцев порой раздражали российских дипломатов. Тот же консул А.И. Ходзько считал цены на английские товары «бессовестно высокими» и в то же время признавал, что они расходились очень хорошо. Дипломат привел пример, как английский купец Рич заказал местным иранским художникам рисунки «одобряемых туземцами узоров». После чего предприимчивый англичанин предложил некоторым иранским купцам отобрать из них понравившиеся. Спустя два года Рич привез в Иран ситцы и набойки с точно такими же рисунками, которые ранее одобрили иранские торговцы. Российский консул с горечью отметил: «Успех венчал столь благоразумно обдуманное усилие. Он только 3 или 4 года занимался торговлей ситцев своего производства и, по уверению лиц, находящихся с ним в сношениях тесной дружбы, вывез из Персии 150 тыс. туманов чистой прибыли» [Там же. Л. 70 об.].

В первой трети XIX в. российские власти и предприниматели усилили внимание к каспийским рыбным промыслам. Осетровые породы рыбы, икра, вязига, клей являлись традиционными экспортными товарами, приносящими немалую прибыль российским промышленникам. Некоторые отечественные предприниматели, заинтересованные в аренде иранских рыбных промыслов, обращались к российскому полномочному министру при персидском дворе с просьбой об оказании содействия в предоставлении им астрабадских, гилянских и мазендеранских рыбных промыслов. В 30-е годы российские предприниматели настолько освоились на каспийском побережье Ирана, что включились в активное соперничество друг с другом. Это пример достаточно гибкого и

прагматичного подхода к осуществлению внешнеторговой предпринимательской деятельности отечественных торговцев: не выдерживая конкуренции с английскими купцами, теряя прибыль на чисто торговых операциях, они переориентировали свои капиталы на рыбные промыслы, приносявшие немалые доходы и позволявшие сохранить свои позиции в Иране.

Таким образом, в первой трети XIX века российские дипломаты, работавшие в постоянных миссиях в государствах Востока, в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности считали всемерное содействие развитию восточного направления российской внешней торговли. Высокообразованные, эрудированные, а нередко и просто неординарные, яркие и талантливые личности, российские дипломаты и консулы сделали немало для обеспечения интересов отечественных купцов на рынках сопредельных стран Востока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие торгово-экономических отношений Российской империи с сопредельными странами и народами Востока во второй половине XVIII — первой половине XIX в. явилось частью общего процесса экономического развития государства, отвечало потребностям и интересам России, территориальное расширение которой имело четко выраженный восточный характер.

Укрепление торгово-экономических отношений Российской империи с восточными соседями вызвало в российском обществе повышенный интерес как к народам и государствам Азии в целом, так и к истории внешней торговли России на восточном направлении в частности. С середины XVIII в. предприняты попытки создания обобщающих трудов, характеризовавших историю торговых связей России с сопредельными странами Востока.

Новый центр российско-восточной торговли — Оренбург — со времени своего основания привлекал внимание как отечественных, так и азиатских торговцев. За короткое время отсюда, из Оренбуржья, сложились торговые пути через казахские степи в ханства Средней Азии и сопредельные государства Востока. На протяжении всего рассматриваемого периода Оренбург сохранял роль одного из ведущих форпостов российско-восточной торговли. При этом снижалась роль Астрахани, купечество которой особое внимание обратило на каспийское рыболовство и промысел тюленя, в том числе на участках, арендованных в Иране и у туркмен.

Особенностью российско-восточной торговли было доминирование купцов определенной национальности на разных направлениях внешней торговли. В одних случаях это были армяне, греки и евреи (торговля с Турцией), армяне и русские (торговля с Ираном); особую роль играли айны как посредники российско-японских торговых контактов. Главенствующее положение на среднеазиатском направлении внешней торговли России занимали татарские купцы.

Торговую деятельность российские купцы вели практически во всех сопредельных странах Востока. Однако условия торговли, статус самих купцов, таможенные правила в азиатских государствах существенно отличались. Предложенная диссертантом сегментация восточного направления внешней торговли Российской империи позволила выявить общее и особенное в торгово-экономических отношениях России с сопредельными странами Востока.

В первой половине XIX в. серьезным фактором, накладывавшим отпечаток на весь ход российско-восточной торговли, стало усилившееся англо-российское торгово-экономическое соперничество. Не выдерживавшие конку-

ренции отечественные товары фактически были вытеснены с рынков северо-западного и центрального Ирана. В этих условиях отечественные купцы и предприниматели стали активнее осваивать новые районы сбыта, прежде всего, в прикаспийских областях Ирана. На территории Афганистана, где российские купцы были редкими гостями, торговая инициатива была фактически полностью перехвачена англичанами. Вектор российско-афганской торговли сместился на рынки Средней Азии.

Таким образом, период второй половины XVIII — первой половины XIX в. может рассматриваться как целостный этап в эволюции восточного направления внешней торговли России. Расширение империи в восточном и южном направлениях приводило к углублению различных форм связи с соседними государствами и народами Азии, среди которых торгово-экономические часто занимали доминирующее место. На протяжении этого времени менялись таможенная политика, законодательство, суть которых сводилась к защите интересов внутреннего рынка и отечественных купцов и предпринимателей, отстаиванию национальных интересов как на своих границах, так и в сопредельных странах Азии. Поэтому изучение внешней торговли России, и в частности ее восточного направления, имеет исключительно большое значение для осознания основных вех отечественной истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. — СПб.: Тип. Военного министерства, 1814. — 174 с.

2. Список с договору, каков постановил боярин Федор Алексеевич Головин китайского хана с послы Сумгута советником с товарищи на съезде на рубеже близ Нерчинска 7197 году // АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 1, 1689, д. 22, л. 2, 3 об.

3. *Кайданов, Н.* Систематический каталог делам Департамента внешней торговли, хранящихся в Архиве Департамента таможенных сборов / Н. Кайданов. — СПб.: Типография В. Киршбаума, 1877. — с.

4. Копия с трактата главного между Российской и Китайскою империи вечного мира, о границах, о перебежчиках, и о коммерции, и о прочем, учиненной чрез графа Саву Владиславича с китайскими министрами при Селенгинске, при речке Кяхте в 1728-м году июня 14-го дня // АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 2, 1728, д. 240/7, л. 3–7.

5. Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме // АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 2, 1792, д. 242/10, л. 15–16 об.

6. Полный сборник узаконений и распоряжений Правительства, касающихся фабричной и заводской промышленности, извлеченных из 15 томов Свода законов и Свода военных постановлений / Сост. И.А. Шендзиковский. — СПб.: Тип. П.П. Меркулева, 1875. — 806 с.

7. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 696 с.

8. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. — Т. II: 1725–1727. — М.: Наука, 1990. — 668 с.

9. Систематический указатель фабрикантов, заводчиков и торговых фирм, заявивших свои клейма в Департаменте торговли и мануфактур. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. — 285 с.

10. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. — Часть I. — М.: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1833. — 141 с.

11. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года, составленный в Департаменте мануфактур и внутренней торговли из ведомостей от гражданских губернаторов полученных. — СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1833. — 844 с.

12. Уставы торговый, фабричной и заводской промышленности и ремесленный (Свод законов Том XI, часть 2). С приложением Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. — Изд. 2-е. — СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1870. — 725 с.

13. *Юзефович, Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые / Т. Юзефович; Гос. публ. ист. б-ка России. — М.: Типография ГПИБ, 2005. — 292 с.

14. Архив Государственного Совета. Том I: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). Часть II: Отделение юридическое. — СПб.: в Тип. Второго отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1869. — 932 с.

15. Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Изданы под ред. Н.И. Веселовского. — Вып. I. — СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. — 71 с.

Литература

1. *Аксаков, И.* Исследование о торговле на украинских ярмарках / И. Аксаков. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1858. — 383 с.

2. *Андреевич, В.К.* Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года / В.К. Андреевич. — СПб.: Военная тип., 1887. — 236 с.

3. *Аннинский, А.* История Армянской церкви до XIX века / А. Аннинский. — Кишинев: Тип. М.Я. Спивака, 1900. — 306 с.

4. *Багaley, Д.И.* Краткий исторический очерк торговли (преимущественно ярмарочной) в Харьковском крае в XVII и XVIII вв. / Д.И. Багaley. — Харьков: Типография Губернского правления, 1888. — 25 с.

5. *Бичурин, И.* Статистическое описание Китайской империи / И. Бичурин. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1842. — 278 с.

6. *Бочагов, А.Д.* Наша торговля и промышленность в старину и ныне. Исторические очерки / А.Д. Бочагов. — Вып. I: Торговля предметами потребления. — СПб.: Типография «Петербургской газеты», 1891. — 193 с.

7. *Брикнер, А.* Иван Посошков / А. Брикнер. — Часть I: Посошков как экономист. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. — 359 с.

8. *Веселовский, Н.И.* Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине / Н.И. Веселовский. — Вып. I. — СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. — 71 с.

9. Галерея государственных, общественных и торгово-промышленных деятелей России. — СПб., 1908. — 284 с.

10. *Гессе-Вартег, Эрнест фон*. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / Эрнест фон Гессе-Вартег / Пер. с нем. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1901. — 418 с.
11. *Дигамма*. Торговля с Китаем / Дигамма. — Томск: Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1899. — 72 с.
12. *Забело, Я.П.* Опыт исследования украинских крестьянских ярмарок. Описание Лубенской Покровской ярмарки / Я.П. Забело. — Полтава: Типо-литография И.А. Дохмана, 1892. — 34 с.
13. *Зинченко, Н.* Россия и Китай. Краткий исторический очерк русско-китайской торговли / Н. Зинченко. — СПб.: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1899. — 16 с.
14. Историческое и географическое описание Китайской империи / Пер. с нем. — М.: Универ. тип., 1789. — 123 с.
15. История кодификации гражданского права в России. — Казань: Тип. Императорского университета, 1898. — 128 с.
16. *Канделаки, И.* Роль ярмарок в русской торговле / И. Канделаки. — СПб.: Тип. ред. период. изд-ва Министерства финансов, 1914. — 60.
17. *Коростовец, И.* Китайцы и их цивилизация / И. Коростовец. — СПб.: Издание книжного склада Н. Аскарханова, 1898. — 625 с.
18. *Корсак, А.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем / А. Корсак. — Казань: Издание книгопродавца И. Дубровина, 1857. — 445 с.
19. *Крюков, П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты / П. Крюков. — СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1853. — 248 с.
20. *Лодыженский, К.* История русского таможенного тарифа / К. Лодыженский. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. — 312 с.
21. *Мельгунов, П.П.* Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. с картою. Посмертное издание / П.П. Мельгунов. — М.: Издание магазина «Сотрудник школ» А.К. Залесской, 1905. — 279 с.
22. *Неболсин, А.Г.* Законодательство о фабричных и торговых клеймах в России и за границей / А.Г. Неболсин. — СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1886. — 250 с.
23. Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки. — М.: Тип. Августа Семена, 1829. — 127 с.

24. О подделке и подмеси чаев и обманах по чайной торговле // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1860. — Июль–сентябрь. — Книга 3. — С. 212–222.

25. Орлов, П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично-заводской статистики / П.А. Орлов. — Изд. 2-е. — СПб.: Тип. Р. Голини, 1887. — 823 с.

26. Орлов, П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений. Материалы для фабрично-заводской статистики / П.А. Орлов. — 261 с.

27. Романовский, Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу / Д.И. Романовский. — СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. — 291 с.

28. Ростиславов, Д.И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей / Д.И. Ростиславов. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1876. — 396 с.

29. Рудченко, И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистики / И.Я. Рудченко. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1893. — 423 с.

30. Толстой, Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II / Д. Толстой. — СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. — 258 с.

31. Торнау, Н. Изложение начал мусульманского законовещения / Н. Торнау. — СПб., 1850. — 475 с.

32. Трусевич, Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века) / Х. Трусевич. — М.: Тип. Г. Малинского, 1882. — 304 с.

33. Туган-Барановский, М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование / М. Туган-Барановский. — Том I: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1900. — 562 с.

34. Уляницкий, В.А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI–XVII вв. По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел / В.А. Уляницкий. — М.: Университетская тип., 1889. — 62 с.

35. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. — Изд. 2-е. — СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1896. — 636 с.

36. Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке / Фехнер, М.В. — М.: Изд-во культурно-просветительной литературы, 1956. — 120 с.

37. *Фирсов, Н.Н.* Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия: Очерки из истории торгово-промышленной политики и соответствующих общественных отношений / Н.Н. Фирсов. — Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. — 220 с.

38. *Хитров, А.* К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки / А. Хитров. — Ирбит: Тип. А.А. Дробинина, 1872. — 84 с.

39. *Черневский, П.О.* Указатель материалов для истории торговли, промышленности и финансов в пределах Российской империи. От древнейших времен до конца XVIII столетия / П.О. Черневский. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1883. — 141 с.

40. *Чулков, М.* История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II / М. Чулков. — Казань: Издание книгопродавца И. Дубровина, 1855. — 44 с.

41. *Чулков, М.* История краткая Российской торговли / М. Чулков. — М.: Тип. Пономарева, 1788. — 314 с.

42. *Шкунов, В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII — первой половине XIX века / В.Н. Шкунов. — Самара: ПФ ИРИ РАН, 2007. — 578 с.

Литература на иностранных языках

1. *Erman, A.* Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland / A. Erman. — Berlin: gedruckt und verlegt von G. Reimer, 1841. — 794 s.

2. *A Diplomatic History of the Caspian Sea: Treaties, Diaries, and Other Stories / Guive Mirfendereski.* — New York: Palgrave Macmillan, 2001. — 272 p.

3. *Afghanistan: A Short History of Its People and Politics / Martin Ewans.* — New York: Harper Perennial, 2002. — 368 p.

4. *A History of Afghanistan / Sir Percy Sykes.* — Reprint. First published in 1940, Macmillan & Co, London. — New Delhi: Oriental, 1981, 2 Vols. — 825 p.

5. *A History of British India, from the Earliest English Intercourse to the Present Time / Charles MacFarlane.* — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2001. — 665 p.

6. *A History of Persia from the Beginning of the Nineteenth Century to the Year 1858 / Robert Grant Watson.* — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2005. — 484 p.

7. A History of Russia, Central Asia and Mongolia: Inner Eurasia from to the Mongol Empire (History of the World, Vol.1) / David Christian. — Blackwell Published Professional, 1998. — 496 p.
8. A History of Japan, 1615–1867 / George Sansom. — Stanford: Stanford University Press, 1963. — 270 p.
9. An Account of the Kingdom of Caubul and Its Dependencies in Persia, Tartary and India Comprising a View of the Afghaun Nation and A History of the Dooraunee Monarchy / Mountstuart Elphinstone. — Reprint. Originally published in London in 1815. — New Delhi, 1998. — 675 p.
10. An Economic History of the Silk Industry, 1830–1930 / Giovanni Federico. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 275 p.
11. A Ride to Khiva: Travels and Adventures in Central Asia / Frederick Burnaby, Peter Hopkirk. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — 416 p.
12. A short History of China, 1840–1919 / I Lin. — Delhi: Foreign Languages Press, 1963. — 106 p.
13. Cabool: Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in that City, in the Years 1836, 7 and 8/Alexander Burnes. Reprint. First Published in 1842. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2001. — 398 p.
14. Central Asia in the Sixteenth Century / Mavsura Haidar. — New Delhi: Manohar, 2002. — 404 p.
15. Central Asia: Travels in Cashmere, Little Tibet, and Central Asia / Bayard Taylor. — New Delhi: Cosmo, 2005. — 296 p.
16. China to 1850: A Short History/ Charles O.Hucker. — Standford: Standford University Press, 1977. — 162 p.
17. *Chodzko, A.* Le Korâcân et son héros populaire: Buniad Hézzaré // *Revue Orientale et Algérienne*. — 1852. — № 1, Mai. — Tome Deuxième. — Ch. 169–187.
18. The Eighteenth Century in India / Seema Alavi. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 248 p.
19. The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara / Ole Olufsen. — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2002. — 620 p.
20. *Ferrier, J.S.* Situation de la Perse en 1851. Le premier minister Mirza Tari Kán // *Revue Orientale et Algérienne*. — 1852. — № 1, Janvier. — Ch. 141–159.
21. The Global World of Indian Merchants, 1750–1947: Traders of Sind from Bukhara to Panama / Claude Markovits. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — 344 p.
22. Great Britain and the Opening of Japan, 1834–1858 / William Beasley. — Routledge Curzon, 1995. — 227 p.

23. *Harvesting Mountains: Fujian and the China Tea Trade, 1757–1937* / Robert Gardella. — University of California Press, 1994. — 274 p.
24. *The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the Earliest Times* / Francis Henry Bennett Skrine, Edward Denison Ross. — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2001. — 567 p.
25. *History of Bukhara* / Richard N. Frye. — Markus Wiener Pub., 2006. — 172 p.
26. *History of Economic Relations between Russia and China* / M.I. Sladkovskii. — Transaction Publishers, 1966. — 312 p.
27. *History of Merchant Shipping and Ancient Commerce* / William Schaw Lindsay. — Vol. 1. — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2001. — 718 p.
28. *History of the Peoples of Siberia* / James Forsyth. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 476 p.
29. *The History of Persia: From the most early period to the present time, containing an account of the religion, government, usages, and character of the inhabitants of that kingdom* / John Malcolm. — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2004. — 585 p.
30. *The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade 1550–1900* / David Christian // *Journal of World History*, Vol. 14. — University of Hawaii Press, 2003. — 566 p.
31. *Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750* / Stephen Frederic Dale. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 176 p.
32. *Introduction to the Economic History of China* / Stuart Kirbi. — Routledge, 2006. — 208 p.
33. *Journals of Travels in Assam, Burma, Bootan, Afghanistan and the Neighboring Countries* / William Griffith. Arranged by John M'Clelland. Reprint. First published London, 1847. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2001. — 529 p.
34. *Journey to the North of India: Overland from England, Through Russia, Persia, and Afghanistan* / Arthur Conolly. Reprint. — New Delhi: AES, 2001, 2 Vols. — 709 p.
35. *Les Anglais et les Russes en Asie* // *Revue Orientale et Algérienne*. — 1853. — Tome Quatrième. — Ch. 236–239.
36. *Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan* / Mohan Lal. Reprint. — New Delhi: Asian Educational Services, 2004, 2 volumes, XXX. — 898 p.

37. Merchants, Companies and Trade: Europe and Asia in the Early Modern Era/ Sushil Chaudhury, Michel Morineau. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 342 p.
38. The Modernisation of Russia, 1676–1825 / Simon Dixon. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 286 p.
39. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab: Including a Residence in those Countries from 1826 to 1838 / Charles Masson. — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1997, 4 Volumes. — 1493 p.
40. Oriental and Western Siberia: A Narrative of Seven Years Explorations and Adventures in Siberia, Mongolia, The Kirghis Steppes, Chinese Tartary, and Part of Central Asia / Thomas Witlem Atkinson. Reprint. First published in 1859. — Delhi: Asian Educational Services, 2000. — 483 p.
41. The Oxford History of the British Empire: Volume III; The Nineteenth Century / Andrew Porter. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 800 p.
42. Personal Narrative of a Visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan and of a Residence at the Court of Dost Mohamed with Notices of Runjit Sing, Khiva and the Russian Expedition / G.T. Vigne. Reprint. — New Delhi: AES, 2004, XVII. — 479 p.
43. Plessure from without in Early Victorian England / Patricia Hollis. — London: Edward Arnold, 1974. — 336 p.
44. The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750 / James D. Tracy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 512 p.
45. The Russian campaign against Khiva in 1873 / Hugo Stumm. — Foreign Department Press, 1876. — 341 p.
46. Tea in China: The History of China`s National Drink / John C. Evans. — Greenwood Press, 1992. — 184 p.
47. Traditional Industry in the Economy of Colonial India (Cambridge Studies in Indian History and Society) / Tirthankar Roy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 264 p.
48. Travels and Adventures in Central Asia: A Ride to Khiva / Fred Burnaby. Reprint. — New Delh i: Bhavana Books, 2001, XVIII. — 487 p.
49. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara; from 1819 to 1825 / William Moorcroft and George Trebeck. Reprint — New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2005, (Vol. I & 2, bound in one), XXXVIII. — 418 p.

50. Travels in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan: With Historical Notices of the Countries Lying Between Russia and India / J.P. Ferrier. Reprint. — New Delhi: Manas, 2005, XXIV. — 534 p.

51. Travels in Central Asia: Being the Account of a Journey from Teheran across the Turkoman Desert on the Eastern Shore of the Caspian to Khiva, Bokhara, and Samarcand / Arminius Vambery. Reprint. — New Delhi: Bhavana, 2001, xviii. — 443 p.

52. Travels in India, Himalayan Provinces of Hindustan: In the Punjab; In Ladakh and Kashmir; In Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara, from 1819 to 1825 / W. Moorcroft and Trebec. Reprint. First published in 1841. 1989, 2 vols. — 520, 510 p.

53. Travels in Koordistan, Mesopotamia, etc: Including an Account of Parts of Those Countries hitherto Unvisited by Europeans. With Sketches of the Character ... of the Koordish and Arab Tribes. Vol. 2. / by James Baillie Fraser. — New Delhi: Adamant Media Corporation, 2002. — 492 p.

54. Travels into Bokhara: Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia, Also Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, Performed under the Orders of the Government of India, in the Years 1831–1833 / Alexander Burnes. Reprint. First published in 1834. — London, 1992, 3 vols. — 380, 490, 382 p.

55. Central Asia: Travels in Cashmere, Little Tibet, and Central Asia / compiled by Bayard Taylor.— New Delhi: Cosmo, 2005, VI. — 296 p.

56. The West in Russia and China: Russia, 1472–1917. — Westview Pr., 1986. — 363 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Извлечения из сказки симбирянина гостиной сотни Ивана Андреева

Сказка подана 20 августа 1704 г. в Симбирске в приказной палате

В 1701 г. в Симбирске в таможене бурмистру Кузьме Каменеву “по трем выписям с товару с привозу прошлого 700 году с остального товару с цены со ста з дватцети рублей дватцети девяти алтын четырех денег по десяти денег с рубля платил шесть рублей один алтын две денги. Того же числа ему ж Кузьме Каменеву с товарищи плачено с астраханского привозу 700-го году домового харчу с тысячи тешек межукольных, дву тысячь сазанов вялых с цены з дватцети пяти рублей по десять денег с рубля — один рубль восемь алтын две денги; с остра-ханской остаточной соли 700-го году з дву тысяч семисот с пятидесят пуд с цены со ста дватцети трех рублей з дватцети пяти алтын по гривне с рубля двенат-цеть рублей двенатцеть алтын две денги.

В апреле и в августе месяцах с явленных денег с тысячи со ста дватцети семи рублей з дватцети семи алтын четырех денег по пяти денег с рубля — дватцеть семь рублей дватцеть три алтына з денгою.

А на те же явленные денги “покупаны хлебные запасы, и те хлебные запасы отпущены были в Астрахань. В Синбирску-ж Кузьме Каменеву плачено с покупного хлеба за уездных людей, которой хлеб купан на винное сиденье по подряду ратушскому на Самару четыре тысячи ведер, да с припасу с хмелю и з дров пошлин сорок рублей полшесты денги. А хлебные запасы по синбирским выписям в Астрахани в продаже, и с тех хлебных запасов астраханской бурмистр гос. сотни Герасим Шелехов пошлин по своему окладу провежом с прикащика моего с Семена Молодова взял с тысячи с четырехсот сорока с трех рублей по десяти денег с рубля платил семдесят два рубля пять алтын две денги, а синбирских явленных выписей не зачел”.

“В Астрахани ему ж Герасиму Шелехову з городского товару со ста девяносто аршин агленских сукон с цены со ста семидесят семи рублей по десети денег с рубля восемь рублей дватцеть восемь алтын две денги”.

На денги за проданный хлеб “куплено рыбы коренных сазанов, и поднят гребной струг на Макарьевскую ярманку, и бурмистр Герасим Шелехов с того гребного струга и с рыбы и с ряды работных людей по своей оценке з девятисот

с пятидесят з дву рублей з гривною по пять денег с рубля взял дватцет три рубли дватцет шесть алтын полпяты денги”.

На Царицыне, “за осенним временем зазимовало шестьсот белуг коренных астраханского отпуску 700-го году” (рыба продана на Макарьевской ярмарке на 276 руб.).

“На Макарьевской же ярманке по астраханской выпиши с пятисот ансырей шелку да по казанской выпиши с яловочных кож беля, безлисины, с цены с шти сот рублей пошлин плачено тритцать рублей”.

“А в Казане того яловочного беля по цене плачено с осмидесят рублей по пяти денег с рубля — два рубли”.

“В Астрахани куплено триста сорок три кожи сырых яловочных, сто пятьдесят семь опойков, с цены со сто пятьдесят з девяти рублей з дватцети шти алтын пяти денег пошлин по пять денег с рубля — три рубля тритцет три алтына с полденгою. И те кожи и опойки проданы на Костроме, — пошлин деветь рублей восм алтын две денги”. [260]

“По Синбирской выпиши з дехтя и зола, и с явленных денег с тритцети семи Рублев с полтиною по пяти денег с рубля — тритцет один алтын полторы денги. И тот деготь и зола проданы на Костроме”.

“В Нижнем-Новегороде по астраханской выпиши с пятисот шездесят девети рыб белуг пошлин плачено бурмистру Якову Пушникову с товарищи десять руб-лев дватцет два алтына две денги”.

“Того же 701-го году на Ирбицкой ярманке с персицкого и с юфотного товару пошлин плачено с штисот рублей по гривне с рубля — шездесят рублей; а на те вышечисанные товарные деньги куплено в Синбирску с торгу кож сырья яловочного и зделано красного юфотного товару и отпущено из Синбирска к городу Архангельскому двести девяносто шесть тюков кож, а в тюке по шти кож да десять тюков конин по шти кож в тюке, сто восемьдесят четыре юфти мостовья да десет конин. И тот юфатной товар у города Архангельского сменен на сукна, а весом того юфатного товару по городскому весу явилось пятсот дватцет три пуда дватцет один фунт. А у города по торгу взято на те юфти три кипы галан-ских сукон, мерою семьсот восемьдесят шесть аршин и сменены те сукна в Астрахане на заморской персицкой товар в 1702 году”.

В 1702 году в Симбирске бурмистру г. с. Ивану Лихонину “по городским и макарьевской, и костромской, и верхотурской, и астраханской по девети выписям с проданного всякого товару с цены со штисот з девяти рублей з дватцети с трех алтын з дву денег-пошлин по десяти денег с рубля — тритцет рублей шестнат-пять алтын две денги; да декабря в 31 день с проданные соли астра-

ханского привозу прошлого 208-го году с трех тысяч пуд с цены со ста тритцети пяти рублей по 3 алтына по две денги с рубля тринадцать рублей шестнадцать алтын четыре денги”.

Далее приводятся такие же подробные сведения о торговых операциях 1702 г. в разных городах.

“...В Синбирском уезде построены мельницы по Свияге реке под деревнею Новопрписною Сингилеевскою, да Свияжского уезду под деревнею Сюлдяковою, да в Сенгилявской слободе, да выше города Синбирска на Свияге ж реке да на Сызране... А строены те мельницы на порозжих землях своими харчами, а ныне те оброчные мельницы по указу в. г. из Семеновской канцелярии в городех и в уездах списаны на в. г. и оценены. А строены те мои оброчные мельницы на порозжих местех своими харчами, а из казны в. г. за то мельнишное мое строение по оценке ничего не дано. И ныне с торгу разных чинов с оборотчики отданы мне по указу в. г. в оброк на два года из большого оброку” — с трех мельниц на Свияге оброку 130 руб. 3 алт. $\frac{1}{2}$ д. в год.

В 1701 г. отведено в Казанском у. под мельницу порозжее место, и в 1702 г. “на том порозжем месте построил тое мельницу своими харчами наемными работными людьми, а в строении та мельница мне стала слишком в пятьсот рублей. А ныне по указу в. г., которые мельницы на государевых ясачных землях построены из оброку, и те мельницы велено переоброчивать, и хто с торгу больши даст, тому и отдавать. И тое мою мельницу торговал москвитин Василей Тимофеев и на торгу мой работник поставил сверх старого оброку вновь платить по полутору рубли”. И стольник Никита Кудрявцев “тое мою мельницу отписал на в. г. без оценки и прислал на тое мою мельницу к помольному збору дву человек целовальников и ту мою мельницу со всяким мельнишным и дворовым строением и с мельнишными припасы взяли” и за строение “ничего не выдано”. На мельнице “засыпки и кузнец наемные и рядные деньги по договору даны наперед все и ныне те мои засыпки и кузнец на той же мельнице в работе”.

В Пензенском уезде построена мельница “на помесной земле своими харчами... а ныне, по указу в. г. с тех мельниц, которые на помесных землях, ведено на в. г. иметь четвертая доля по збору”.

“В Синбирску в казну в. г. плачу с сеяних покосов по четыре рубли, что преж сего владели синбирские пушкарки безоброчно, да с оброчной земли, что [261] преж сего бывала земля Свияжского уезду дер. Малой Карланги по их татарской даче з бортных угожьев и с рыбных ловель, с пустовых мельничных мест по три-натцеть рублей четыре алтына три денги на год, а бортным угожь-

ем не владею, потому что татарские знамена бортных угожьев все вырублены и построилась на том лесу деревни Свяжского уезду ясашные русские крестьяне, что словеть Фролов ясак”.

“...В Симбирску на горе и под горою с оброчных мест с семидесят с трех сажень плачу по десети рублей и по тридцети одному алтыну по пяти денег на год. На горе лавка на дву саженьях, в мясному ряду на четырех саженьях под горою в соляном ряду в анбаре сидят за своею солью, анбар на пять сажень, а шесть ан-баров стоят впусе, и в наем никто не берет, а на горе место впусе ж, никакова строения нет”.

“По указу в. г. ... ведено мне отдать в Сергееве городе, что на Соку, пять ты-сечь ведер простого вина и за то уговорное вино в Москве ис приказа Казанского дворца деньги две тысячи пятьдесят рублей выданы наперед сполна”.

“По ратушскому подряду на Самарской кружечной двор ведено мне отдать по уговору тысяча пятьсот ведер, в Надеино Усолье пятьсот ведер... деньги наперед сполна по девяти алтын за ведро”.

...“А пожитков у меня в торговом промыслу соли астраханского привозу на двести рублей, в посылке к городу Архангельскому красного юфатного товару восемсот тридцать три тюка кож яловочных и с конинами, а в тюке по шти кож, и есть естли божиею помощью тот мой посыльной товар до г. Архангельского в целосте милостью своею управит и продается буде тот товар, и с продажи того товару по указу, в. г. пошлина заплатить, а есть ли тот товар на мену сменяетца, и с того меновного товару провозу и с продажи пошлина ис того ж вышеписанного товару платить”.

“В Синбирску в ряду в дву лавках московинного и городского и персицкого товару на двести рублей... А на оброчной мельнице винокурня для винного подряду”. На винокурне котел и 30 казанов с трубами, лошадей, коров и мелкого скота “для прокорму домовного и для работных людей” и дров на поварне на 150 р. Серебряной посуды 3 фун., медной и оловянной 4 пуда. Свободных денег за торговым промыслом 100 р. Долгу отдать саратовцу Алексею Шахматову 100 р.

РГАДА, ф. Монастырский приказ, в. 222, д. 104, л. 3 об. 7.

**Описание городов Архангелогородской губернии и мест,
назначаемых вновь быть городами для приписания к ним уездов
1779 г.**

/л. 99/ ...Нынешнее городское селение разделяется также на три части.

В первой находятся дома архангелогородских и иностранных купцов и прочих всякого звания разночинцев, и сия только часть может единственно почитаться городом.

Во второй, которая почитается за городское предместье и по имени бывшей тут деревни Кузнечихи называется Кузнечихою, по указам государя императора Петра Великого и государыни императрицы Анны Иоанновны поселены воинские команды, и тут же смешенно с прочими обывателями живут экономическая крестьяне, коих пашни при том же селении находятся.

В третьей, называемой Соломбалою, против Кузнечихи на острове того же имени, кантора над портом и архангелогородское адмиральтейство, которое началось около 733 года. При нем находится казенная о девяти доках верфь для строения военных караблей, а для складки и хранения лесов сараи казенного ж ведомства. К сей верфи принадлежат две пильные мельницы: одна ветряная, в самом городе, а другая вододействующая на речке Ширшенке от города в 15 верстах. На острове Соломбальском живут все находящиеся у города Архангельска */л. 99 об./* приезжающие туда морские команды с их начальниками. Против западного берегу сего острова ныне обыкновенно становятся и стоят во все лето на якорях военные и торговые караваны.

Во всех частях города церковных приходов считается 9, а церквей 10: восемь каменных, в числе коих и собор, да две деревянные, все старинной российской архитектуры. Иностранных церквей две: первая — лютеранская каменная, вторая — реформатская деревянная. Присудственные места: 1-е — духовная консистория, 2 — губернская канцелярия, 3 — губернской магистрат, 4 — портовая таможня, 5 — полицейместерское правление, 6 — оберкомендантская канцелярия и 7 — кантора над портом.

Училища: 1-е — семинария при доме архиерейском, в которой обучаются священно и церковно служительския дети латинскому языку, риторике, поэзии, философии и богословии; 2-е — российская школа при катедральном Троицком соборе, где обучаются разного звания дети читать и писать; 3 — гарнизонная

школа для салдатских детей, в которой обучают по-русски читать и писать, арифметике и геометрии, и два училища при немецких церквях.

Публичные в городе строения: деревянные два гофшпиталя, один гарнизонной, а другой для морских служителей, обер-комендантской и баталионной дома, два цейгауза, один для поклажи мундирных вещей, а другой для пороховой казны, сарай для будар и карбасов, правиантские магазины, артиллерической и инженерной дом, аптека и почтмейстерская кантора, пять богаделен, питейных домов: каменной один и 14 деревянных. Да против /л. 100/ города за рекою на Глуховском острову построены тамошним купцом Голубиным для браку и поклажи пеньки деревянные шофы с принадлежащими к ним важнями и анбарами.

Торговые места и строения для складки и продажи гуртовых и мелочных товаров состоят: 1-е — несколько палат в двух вышеозначенных каменных гостиных дворах: в немецком 106, а в русском 112, но за дороговизною найма не все занимаются. На немецком в некоторой части складываются заморския тава-ры, а на русском хранится казенное вино, прочия ж все остаются впус-те; 2-е — построенные на разных местах и дворах деревянные анбары и 3 — дере-вянные ж торговые в рядах лавки.

Рядов торговых 7-мь: 1-й — хлебной, 2-й — рыбной, 3-й — прянишной, 4-й — кожевенной, 5-й — железной, 6-й — мясной и 7-й — москотильной. В них лавок: посадских 138, монастырских 89, а всего 227. Но расположение ря-дов беспорядочное, ибо мясные лавки и с бойнями вместе стоят совокупно между кожевенным и рыбным рядами и притом в лутчем месте города. Сие безобразие, купно же и опасность от огня городу и рядам умножают находящи-яся в том же месте, на берегу, наполненном стесненным обывательским строе-нием, торговая бани и стоящие тут же пред домами медные кузницы. Домов городских жителей по приходам числится: в соборном Троицком 156, в Рожде-ственном 175, в Воскресенском 63, в Благовещенском 100, в Успенском 106, в гофшпитальном Зосимо-Савватиевском 44, в Троицком, что на Кузнечихе, 182, в Николаевском на Соломбале 718, а во всех трех частях города 1857 домов. На Соломбале и Кузнечихе расположение улиц порядочное. Находящиеся в Успенском приходе /л. 100 об./ по берегу Двины обывательские дома про-странны, а в Воскресенском умерены. Вся ж теснота находится единственно в приходах соборном Троицком, Архангельском, Рождественском и Благовещен-ском. Что ж принадлежит до расположения строений, то во всех сих четырех приходах, составляющих главную и многочисленную часть города, которая в дли-ну простирается на 6 1/2 верст, а в ширину местами на 400 и 200 сажен и может

единственно почестся городом, находится только две улицы. Одна средняя сквозь всего сих приходов селения, но и та кривая и уская. Другая набережная, по которой от одного конца до другога ездить невозможно по причине в иных местах ускости берега, а инде затем, что нет никакого укрепления или что береговое укрепление совсем разрушилось поперег сих улиц, хотя и есть несколько переулков, однако кривые и непроезжие, а притом и весьма стесненные.

Строение во всех частях города деревянное, а притом, исключая некоторых толко домов и то весьма малаго количества, ветхое, а в некоторых местах и совсем почти развалившееся, мостовые везде деревянные ж.

При въезде в город соединяется деревня, называемая Бык, в которой живут крестьяне економического ведомства, но разных сей губернии уездов и тут же в предместьях городских имеют свои пашни.

Выгону за городом нет, но единственно растущей по болоту кустарник и кочки. Болото простирается от задних улиц и домов на семь с половиною верст, до речки Юраса. Глубина и обширность сего болота причиняет городу внутреннюю тесноту дворов и улиц, препятствует заведению садов /л. 101/ и в них растений. А по той же самой причине нездоров и тамошней воздух приезжающим на время в Архангельск, ибо все приезжающие, кроме живущих в Двинской провинции, кто приедет к городу, почувствует там цынготную болезнь. Тамошние ж как градские, так и окольных мест Двинской провинции жители все избавляются от нее обыкновенною своею пищею, употребляя по большой части рыбу треску и палтусину, которая у них впятеро больше противу мяс во употреблении. И сие делают не для того, чтоб недостаток был у них в мясах, но единственно по той причине, что сия пища предохраняет их от цынготной болезни. А те, которые ходят на промыслы, всегда стараются сверх той рыбы запастись морошкою, ибо сие произрастение самолутчим в мореходстве служит лекарством противу помянутой болезни.

Город хотя и при знатной стоит реке, но вода в нем также не безнужная, ибо лутчия из жителей за всегдашнею от бывающего в каждые сутки по два раза прилива и отлива и нередко случающихся непогод речною мутностию, воды из нея не употребляют, а довольствуются из заготовляемаго по зиме льду. Сверх сего, хотя в некоторых местах и есть колодцы, но воды из них, по свойству тамошней земли, в пищу почти употреблять неможно.

В городе фабрик никаких нет, но считается при городе три партикулярныя верьфи: первая от города в семи, вторая в семидесяти, а третья в шести верстах. На них в год выстраивается караблей: на первой по два, на второй по четыре, а на третьей за оскудением хазяина ныне строения не производится, а

можно строить по два карабля; четвертая, называемая Фразерская, умершего иностранного купца Фразера, в 8-ми верстах, на которой также строения не производится. При сих верьфях одна водяная и три ветряные /л. 101 об./ пильные мельницы и один партикулярной же якорной вододействующей завод в 20-ти от города верстах при речке Лае. Внутри города канатных заводов и пряделен больших четыре, три посредственных и четыре малых, а всего одиннадцать. Сверх того внутри ж города кожевенных заводов семь, мыловаренных два, пековаренных девять, салотопенных из морских зверей семь, от коих также настоит всегдашняя городу опасность в разсуждении пожарных случаев...

СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1158. Л. 99–101 об. Подлинник.

**Промемория В.Н. Татищева и И. Дурнова
в Астраханскую губернскую канцелярию по вопросу покупки
в монетную контору персидской медной монеты**

7 марта 1732 г.

Промемория

Из Манетной канторы в Астраханскую губернскую канцелярию минувшаго февраля 23 дня сего 732 году присланною из оной канцелярии в Манетную кантору промемориею показано во оной де Астраханской губернской канцелярии курченина посацкого человека Семена Лоскутова прикащик Илья Наумов прошением объявил: в прошлом де 730 году, будучи он в Гиляни, купил тамо до запретительного указа меди в посуде деланной и лому четыреста девяноста три пуда на собственные хозяина своего деньги и требовал, чтоб ево, Наумова, с показанною медью для объявления в Манетной канторе пропустить в Москву, которая де медь для объявления в Манетной канторе с ним просителем со обязательством, чтоб ему оную явить в Манетной канторе в генваре месяце сего года без всякого отлагательства и отпущена.

А поданным в Манетную кантору минувшаго февраля 24 дня сего 732 года доношеней вышеозначенный курченин Семен Лоскутов объявил, что де вышеписанная ево медь ныне в пути и за опасностию от калмык и за недостатком на провоз денег ныне зимним путем в Москву также под денежное дело годна быть не может. И ежели де ту медь повелено будет поставить в Манетную кантору, а по негодности отдана будет ему по прежнему, то де оным проездом учинится ему великой убыток. А оная де медь потребна в городе Курске на винные казаны и на колокол, И ежели де ее везти в Москву, то надлежит вести на Курск. А когда за негодностию отдастся ему назад, то де надлежит ему вести по прежнему в Курск, и на оное требовал указу.

А по справке в Манетной канторе по присланному ис Правительствующего Сената генваря 27 дня 1731 года указу велено было в персидских провинциях красную медь в манете и в посуде и в слитках покупать ис казны и в казну за подати принимать ценою по четыре рубли за [203] пуд и присылать оную для переделу в деньги в Манетную кантору, а купечеству покупать и вывозить оттуда запретить, чтоб не могли из оной делать воровской медной манеты. А сколько до сего времени ис Персии вывезено тамо в манете меди и каких людей и в какие дела продана, о том Манетной канторе собрать ис таможен ведомо-

сти, и велеть объявить, чтоб кто такую в манете медь имеет, а в посуду не переделана и в слитки не слита, отдавана в казну, поставя срок по рассмотрению Манетной канторы, за которую манетную медь ис той канторы заплатить деньги по покупной их московской цене.

А прошедшего ноября 23 дня того ж 731 году в указе ис Правительствующего Сената изображено, что по доношениям из Астраханской губернии июля 1 и августа 25 чисел Правительствующей Сенат приказал означенную оного Лоскутова медь, которая в тамошней персицкой манете и в крушках, ту запечатав всю таможенною печатью отпустить в Москву, взяв реверсы, что по привозе объявит в Манетной канторе, которой оную по силе означенного указа принять на манетной двор и заплатить за нее по указной цене, а протчую, которая в посуде и в лому в Москву не высылать, а отдать тем хозяевам, взяв таможенные пошлины по уставу и указом.

И сего марта 4 дня по Ея Императорского Величества указу и по определению Манетной канторы велено у оного Лоскутова взять скаску с подтверждением, чтоб тое медь ему по требованию ево объявить в городе Курске в канцелярии воеводского управления конечно впредь будущем апреле месяце неотменно (которая скаска у него Лоскутова и взята), а в Курск в канцелярию воеводского правления послать указ и написать, чтоб по привозе им Лоскутовым тое медь тамошнему воеводе осмотреть, и ежели она явитца в персицкой манете и в крушках также и запечатать ее Астраханской губернской канцелярии или бес печати 180чиня записку и, перевеся, запечатать воевоцкой канцелярии печатью ту медь под караулом до указа. Буде же та медь по осмотру явится в посуде и в лому, а не в персицкой манете, то оную отдать помянутому Лоскутову по прежнему с роспискою, взяв прежде сказку с подкреплением, ежели в Астрахани со оной меди таможенная пошлина не плачена, то б заплатить им по таможенному уставу и по указам пошлину, где надлежит, и что учинено будет, о том в Манетную кантору ответствовать в самой скорости, а в Астраханскую губернскую канцелярию послать промеморию и требовать, чтоб из оной в Манетную кантору прислано было обстоятельное известие о вывозе означенной ис Персии меди запретительной указ в Астраханскую губернскую канцелярию, в котором году месяце и числе получен, и до того указа сколько от кого было в Астрахань ис Персии в привозе той меди и в каком звании имянно. По тому ж сколько после получения того запретительного указа в привозе кем объявлено и как до запрещения, так и во время получения и после оного указа та привозная медь со всеми ль таможенными объявлена или без выписей, и по отправлении оной из Астрахани для объявления в Манетной канторе некоторых купцов в

персицкой манете медь за губернской печатью оным купцам отдана или без печатей. И для того и [204] Астраханская губернская канцелярия да благоволит о том быть известна и учинить по Ея Императорского Величества указу, а в Курск в канцелярию воеводского правления указ послан марта 7 дня 1732 года.

В. Татищев

Иван Дурнов

Секретарь Стефан Рогачев

Под документом имеется помета: «У сей промемории Ея Императорского Величества печать. Пошлины взяты с указа в Курске.

Получена чрез ординарную почту апреля 20 дня 1732 году. Записать в книгу. Отдать в повытье и по силе оной промемории справитца учинить о всем обстоятельную ведомость и послать в Манетную кантору немедленно при промемории. Подканцелярист Алексей Иванов».

На первом листе сбоку имеется помета: «Подписана по силе состоявшегося июня 18 дня 1731 году печатного указа. Манетной канторы секретарь Стефан Рогачев».

ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Т. 1. д. 315. Л. 1–2 об. Автограф.

Текст воспроизведен по изданию: «По определению манетной конторы велено». Проблемы денежного обращения в России и регулирование торговли персидской медью в начале 30-х гг. XVIII в. // Исторический архив, № 2. 2007. — С. 202–204.

М.Д. Чулков «На память о делах астраханских», 1744 г.

/л. 33/ 1. О покупке золота и серебра я вам прежде пространно доносил и потом едва указ секретной о том дождался, по которому зделал договор на 30 000 рублей золота поставить по 240 копеек чистого золотник, — что, хотя мог бы и на 100 000 рублей учинить, токмо думаю, что либо дешевле возмогу достать.

2. О покупке шерсти хотя я Черкесову с крайним прилежанием помогать буду и, его не ожидая, Кольцова отправлю, токмо в горах довольного числа достать не чаю, а паче мню ис Персии мяхой шерсти немало достать и для того весною дам секретно комисию надежному человеку, чтоб вывез рублей на 500 и до 1000, на что и деньги дам из казны. Из Бухар же ныне достать не можно, разве повелено будет торг паки возобновить, как вам от « » ч[исла] писал.

3. О шелковом и бумажном размножении здесь и при Кязляре, тако ж о умножении здесь фабрик шелковых и бумажных парчей, о пресечении вывоза ис Персии непотребных товаров я весьма прилежать охоту имею, и если б то в моей полной власти состояло, то б я, конечно, не меньше труд мой здесь, как в Сибири при заводах, показать мог. Ибо вы можете сами разсудить, как Мануфактур-коллегия может о всем правильно, не видя и не ведая всех обстоятельств здешних, определять, а мне воли нет, разве к ним представлять, токмо боюсь досады, если несогласной с пользою указ пришлют. А о вывозе ис Персии шелка, дело не трудное онаго довольно иметь, если Сенат и Комерц-Коллегия на мои доношении полезные указы пришлют.

4. К сему потребно здесь жителей умножить иноземцов, и, хотя в прежней инструкции здешнего губернатора точно о том написано, токмо другими указами запресчено, о чем я от 19 нояб[ря] 1743 пространно Правительствующему Сенату /л. 33 об./ представил, токмо получил невдавне два указа такие, что надобно и опасаться, дабы достальных не розогнать, а спорить не смею; из оных один старанием князя Вас. Вол. произведен, на которой ныне бухарцы подавали челобитную, и, хотя они сусчее дело написали, но я принять опасся; однако ж есче подумаю и, чаю, к вам пришлю.

5. О торгу персидском вижу, что не токмо непорядошен, но паче столько вредителен, сколько полезен, о чем я в Комерц-коллегию неоднократно представлял. А ныне с Сухонандом сочиняю тариф на здешней порт и надеюся, что чрез две седмицы или скоряе, докончав, с пространным истолкованием в Комерц-

коллегию представляю, и, хотя знаю, что в год решения не получу, но тем буду радоваться, что я им пользу покажу.

6. О зборах или доходах здешней губернии можно бы мне похвалиться, что кабацкой и таможенной довольно умножен и никогда или разве весьма давно так великаго не бывало. Токмо никак сказать не могу, чтоб во оных правильно все надлежасшее доходило; а надобно бы гораздо более оным быть, что мне дает причину верить, видя, что бурмистры и целовальники во оные добиваются и докупаются, в чем некоторых, облича, наказывал. Для того я представлял в Сенат, чтоб мне во всю губернию дали на три года купцов из верховых городов с таким определением, чтоб я по указу Петра Великаго имел власть четвертую часть из прибора против большаго из трех лет збора роздать в награждение тем зборщикам и другим, кто услугу в том покажет, на что указ хотя получил, токмо весьма иного содержания, нежели чаял, а население по Волге городков весьма бы всякие доходы умножили. И хотя оное Военная коллегия ничим остановить не нашла, как военным временем, но ныне, благодаря бога, мир /л. 34/ имеем, и разсуждать бы более не о чем, токмо разве некоторым собственных прибылей убудет, и затем оное осталось недействительно.

7. О зборах с гостиных дворов, лавок и пр. так можно сказать, что все безпутно упущен, и пошлины собрать правильно не можно. И хотя я купечества всемерно разорять не желаю, как все добрые и совестные засвидетельствовать могут, но для плутов осмелился таможни и анбары на берегу построить, где бы, из судов выгружая, досматривать и хранить, доколе отпустится или пошлина заплатится, ибо от армян и здешних безсовестных великое хисчение пошлины происходит, я же с неклеяменными ловить дал салдатом волю, как и указы есть.

8. О рыбных промыслах, чтоб на откуп отдать в 1740-м году, я начинателем был и о том кн. Черкасскому и Трубецкому прилежно по разказам тех обманщиков, обманувся, внушал, думая, что оные все обстоятельно знают и сущую правду доносят, и для того, при отправлении меня в Калмыцкую комиссию, Остерман мне накрепчайше наказал, чтоб я, разведав о том подлинно, писал. И сначала здесь казалось весьма правильно оное прежнее представление, но как по указу начал я разсматривать о ловле рыбы калмыкам, то я нашел и подлинно познал, что те откупщики писали и сказывали с таким знанием, как слепой о красках. А вступя в губернию, более увидел и, не стыдясь, писал князю Никите Юрьевичю, что оное дело весьма в ином состоянии, и если на откуп отдадут, то токмо здешних купцов разорит, а прибыли, конечно, не высчитают. Купцов же здешних принудил наивысшую цену дать и за собою удержать, что

хотя они учинили, токмо я великую себе брань услышал, для котораго я совсем отстал, как Раевской с теми откупщиками, прибыв сюда, сами вскоре невозможность и великую опасность от убытка видя, не одна представляли, токмо их не слушают, а я им ничего советовать за опасностию подозрения не хочу и не буду, разве что по последнему доношению Фролова или Мыльников (главного откупщика, которой уже умер) зделают ли оное определение.

9. О поставке соли в верховые города я, видя, что Богданов секретарь от того не разоряется, но зная, что вам друг, а паче в Соленой канторе у него больше друзей, представлял в Сенат с достаточным разсуждением, однако ж не оскорбляя никого, по которому Сенат определил рассмотреть Соленой канцелярии, а она более на Богданова положила. И так /л. 34 об./ принужден отступить и дать волю, храня только одну должность публиковать подрядчикам, что б и без меня зделалось.

10. О здешнем афицерстве в гарнизонных полках вам, чаю, довольно известно: так плохи, что едва можно сыскать кого к знатному делу определить, а дел весьма не мало, и принуждены иногда таких определять, на которых надеяться бы не можно. Сие из того происходит, что сюда определяют из полков негодных и самых подлых, ибо путной никто не похочет, для того, что жалованье малое, а все дорого, посылки трудные непрестанно, для того добрые отбиваются, а за недостатком годных и оные производят по старшинству до штаб-афицеров, о чем я в коллегию Военную неоднократно писал и просил о присылке добрых полковников и других афицеров. Токмо вы известны, как тамо мои доношении примаются, и для того принужден поступать по обычаю. Однако ж, если б я смел, как прежде был при командах и представлял в Кабинет, тогда и резолюции скорые и полезные мог получать, годных производил, а негодных отставливал. Правда, что сие лакомым командиром допустить весьма вредно, ибо могут недостойных произвести, а достойных оставить или с обидою написать в отставку, как то и сама ее императорское величество усмотреть уже изволила и для того по старшинству производить повелела, что и сдесь бы хорошо, если б хотя несколько из шляхетства недорослей в здешней драгунской полк записывать, например, человек по 20 в год, и оных все полки здешние производить повелела, тоб конечно могли быть добрые афицеры.

11. Вы изволите памятовать вечнодостоинные памяти его императорского величества Петра Великого неусыпное о пользе государственной попечение, между которыми изволил он усмотреть великой в государстве вред от неразмежевания земель и беглых крестьян, за которым подати правильно доходить и шляхетство к службе охоты иметь не могут, паче же, что к великому беспокой-

ству и безславию междоусобие с убивством многих людей происходит и правильной казенной доход плутами похисчаем, о котором я секретно тогда под великим от его величества заказом, никому не объявляя, сочинял указы и наказ межевщикам, к чему намерен был меня определить и в Сенате словесно изволил объявить, токмо и к начатию не пришло. И хотя я вижу, чтоб по межевому миллион благодарных и самоизвольных от народа денег в казну притти /л. 35/ могло и всем бы государством вечно благодарили, токмо не знаю, возмется ли ныне кто за оное, потому что сильным обидчикам весьма будет противно.

От беглых же великой беспорядок, что урочных лет не положено, деревни переходят в разные руки, в городех крепостей не имеют, из чего, как мню, ныне при ревизии великое беспокойство и разорения произойдут, если указом не ускорят. Как я здесь сам вижу, что по одному мужичью допросу, без крепостей, крестьян отдаем и пожилые годы правим, а после является, что тот мужик не его или был отдан в рекруты и бежал, а назвался его крестьянином, взяв несколько денег, что невинным к великому разорению происходит, о чем вам прежде доносил и ныне есче сим партекулярным известием напомним, либо что из онаго в пользу государства произвести удобно усмотрите.

О фабриках я выше упомянул, что если в мою полную власть определят, что размножить весьма надеюсь. Оное так разумею, что ежели я конечно отсюда избавлен не буду, или прищется вместо меня такой, на кого б конечно надеяться можно, а я ему достаточное на все оное могу дать наставление. Притом же, как вы известны, что, хотя здесь люди возможные и есть, токмо они к тому не заобыкли, и капитал весь их в иных промыслах, что скоро в состояние привести невозможно, и могут, зачав, да не видя скорой прибыли, бросят, как вам известно и о московских шелковой, суконной и полотняной фабриках, если б казенных денег Петр Великий не пожаловал, то б все оные разорились. И для того необходимо нужно несколько казенных денег для дачи заимообразно определить, хотя до 30 000 рублей, и так чаю, что чрез 3 года прилежным смотрением довольной плод покажется. А что /л. 35 об./ боле к тому потребно, то смотря по указу, каков прищется, достаточное о всем представление учинить можно, особливо по тому и тариф здешней сочинить должно.

РГАДА, ф. Госархива, разр. XI, д. 629, л. 33–35 об.

М.Д. Чулков. «Например представление о купечестве и ремеслах»,
12 мая 1748 г.

/л. 414/ Всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния купечества; я могу сие двумя примерами естественным и гражданским удостоверить: в первом, уподобя рукоделия желудку, которой трудится приятную пищу изнурить туком, во все жилы разделить, а купечество, яко сердце тот тук, мешая с текучею к нему от всех членов кровию, паки чрез артерии во все тело разделяет, оные в бодрости и добром состоянии содержит, тако рукоделии сырые те припасы переделывают, а купцы, всюду развозя, требующим продают и, на избытки оных меняя, всех доволствуют. И оное, явно нам показуя, уверяет, где рукоделия и купечество в добром состоянии, тамо все жители земские, крестьяне и пр., богаты и доволны, ибо, когда купец богат, то охотно от крестьянина его рукоделием и трудом приобретенное купит и дороже заплатит, чрез что крестьянин не токмо владельцу и государю надлежащее без тягости заплатит, но и сам предовольно имеет, а купец, имея доволство товара, яко внутри своей области, тако за границы с прибылью продает и тем пошлины в казну, а себе прибыль и свой торг от часу умножает. Следственно все доходы государственные, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят.

Второе, нам Англия и Голандия утверждают, что их земли, хотя весьма непространны и плодами не избыточествуют, но паче терпят во многом недостатка, к тому золота и серебра, а Голандия и никаких крушцов не имеет, но единственно ремеслами и торгами великие богатства и силу приобрели и за то у всех в почтении; противно тому Испания не болшая ли от всея Европы из Индеи златом, серебром, алмазы и другими драгоценными товарами богатство ежегодно получает, к тому и внутренними многими вещами изобилует. Но за недостатком прилежности к рукоделиям и торгу весьма оскудевает, ибо для помосчи и засчисления в войнах принуждена своими богатствами других снабждать и славу свою оным уступать. О других же сему подобных не упоминаю; правда, что Франция в ремеслах и плодах, почитай, за доволнейшую почестся может, но купечество оной во многом пред аглинским /л. 414 об./ и голанским не сильно, и мы часто то видим, что во время войны агличане и голанцы, не могши оной пресильной монархии силою войск на земли противиться, прилежат токмо

купечество французское разорить, и нередко то случается, что Франция, в великое убожество пришед, бумаги вместо денег дают и наконец, оставя все свои далние и всей Европе опасные намерения, принуждена к миру приступить.

Из сего достаточно всяк видит, сколько порядочное купечество областям богатств, силы и славы умножает. Что же нашего государства в сем обстоятельстве принадлежит, то мы по истории довольно видим, как весьма давно государи о ползе купечества русского прилежали.

Во первых, Олег I в 912, Игорь I в 945-м, Святослав I в 972-м годах в договорах с императоры греческими, хотя оные до войны, мира и союзов касались, но о купечестве нужное внести не оставили.

Владимир I и великий в 990-м многих ремесленников в Россию из Грек и Болгар призвал и многие рукоделии завел. Он же в 1006-м с болгары волскими, яко сильнейшим тогда в сих странах купеческим народом, договор купеческой заключил, позволя им во все государство для купечества безопасно приезжать; в том договоре знатное и купечеству весьма полезное обстоятельство включил, чтоб болгары на шляхетству, ни крестьянству своих товаров не продавали и от них не купили, но единственно с купцами рускими во градах торговали. Ярослав великий, хотя законы гражданские для суда нам оставил, но о купечестве может что было писано, да до нас не дошло, но внук его Владимир II в 1125 году, видя, что от населившихся в Руси жидов русские купцы и рукоделия терпели великую обиду и разорение, созвав многих князей на съезд, с оными учинил закон: жидов всех выслать и впредь, если где жид явится, волно всякому его ограбить и убить.

Мстислав великий, сын Владимира втораго, как храбростию, так мудростию и у соседних весьма прославился, он запретил злато и серебро из государства вывозить, аружье без пошлины привозить, но при том новгородцем о купечестве закон дал, токмо онаго нам не осталось.

Юрий или Георгий II, великий князь в Белой Руси, построением вновь многих градов и населением оных разными иностранными довольно прилежность его о купечестве изъясил. Из построенных им градов знатнейшие до днесь остались: Дмитров, Владимир, /л. 415/ Москва, Ярославль, Юрьев, Кострома; протчих большего числа не упоминаю.

Сын его Андрей I и Боголюбский по союзу с императором Фридериком Барбаросою и с болгары волскими многих ремесленников призвал, междо которыми видно были искусные архитекты, как строения оставшия во Владимире церкви и ворот градских и в Юрьеве церковь видения достойные свидетель-

ствуют; о договоре же с болгары показано, что был съезд послов на границе, но онаго нигде до днесь не отыскано.

По нем, во время племянника его Юрия III, в 1238-м от безпутного несогласия русских князей учинилось нашествие татар, которым монархия руская и все государство в крайнее падение приведено, токмо остался Новград от того избавлен; оной 1262-м году, учиня с анзеатскими городами Любеком и пр. купеческой договор, в великую силу пришел и всея Руси купечество в руках своих имел.

Иоан I царь и великий именованный способом его супружества и соглашением с императором и папою из Италии и Германии многих ремесленников призвал, разные рукоделии завел, и первое печатание книг и ружье огненное делать в Руси начали. Искусство бывших при нем и по всем оставших архитекторов строение Спасской башни и церкви архангела Михаила свидетельствуют, что оный Аристотель не последний архитектор в Европе был. Он великую честь получил, что находим денги с его имянем. Сего же государя учреждение о купечестве внук его Иоан II в уставе таможенном упоминает, токмо не отыскан.

Внук его Иоан II и Грозный именованный многое рачение о купечестве и ремеслах имел. Он [в] 1571-м марта 17 устав таможенной издал; с агличаны и голанцы о купечестве полезные России договоры учинил; для лучшего познания торгу искусных купцов в Англию, Голандию тогда в Антверпен и Гамбург, яко же в Италию, Грецию и до Египта посылал.

Борис, как во время царя Феодора I-го, так и в свое, ничего того не упустил, но паче прилежал в лучшее состояние привести, как его многие о купечестве указы свидетельствуют. Он же, хотя сам грамоте обучен не был, но зная, что от наук великая государству полза, училище Спасское устроил и для поощрения других сына и дочь с приобсчением знатных детей чужестранных языков обучал и для лучшего научения определил многих знатных и купецких детей в другия государства послать; при нем, видится, первые пушки и мартыры в Москве литы, и он многих искусных ремесленников из разных мест призвал, и его времени весьма многие во всем государстве великие каменные здания, /л. 415 об./ а наипаче великою хитростию созданные колоколни в Москве Иоан великий и в Борисове, яко же набережной двор, удивления достойное.

Все сие великое тсчание оных государей безумною разпрею знатных шляхетских родов и междоусобною войною так разорено было, что знака всего того труда не осталось, и государство в крайнее разорение приведено было даже.

Блаженные памяти государь царь Алексей Михайлович, как его храбростию в делах военных, так и преострым умом и охотою ко экономии вечную по себе славу оставил; между многими его знатными и вечной славы достойными делами не меньше он о рукоделиях, ремеслах и купечестве его труда показал. В его время медные и железные заводы, яко же и оружейные устроены, холщевые и шелковые фабрики заведены, неколико и о кораблеплавании в ползу купечества выписанными разными ремесленники прилежность и ползу показал. Договоры с Англиею и Голандиею в полезнейшее состояние руским купцам учинил. В 1667 торговой устав и другие весьма полезные купечеству указы издал и, видя, что купечество от неразсудных управителей всюду утесняемо, особое для них правительство по градом земские, а главное в Москве, Новою четвертью именовав, устроил и Большой Казне или, по нынешнему, Каморколлегии, яко главному экономическому правительству, приобсчил; для болшей всего народа ползы училища устроил и по градом архиереям устроить повелел; детей своих латинскому языку обучал; великое множество как знатных в войско, так ремесленников иностранных призвал. Все сие, хотя всяк, здравый разум имеющий, признает, что есть для великой от того видимой всему государству ползы хваления и благодарения достойное, но с великою прискорбною и тяжкою горестию вспомнить должно, что весь тот его величества труд болшею частию злостною, нежели безумным лакомством некоторых знатных правителей в краткое по нем время так было разорено, что едва знаки того положенного труда и изжидвления остались.

Вечной славы и памяти достойный государь император Петр великий с каким тяжким сожалением те начатые отца и предков его дела нашел и сколько о том мудраго учреждения изъявил о том, яко всему миру известном, подробну писать было бы излишнее.

Его величество для сей великой государственной ползы 4 особные правительства учредил: яко 1) Комерц-, 2) Берг-, /л. 416/ 3) Мануфактур-коллегии, 4) Главный магистрат, а для основания помосчи во всех правительствах, яко же для купечества и ремесл к лучшему и благоразсуднейшему произведению и всегдашнему всех недознаней исправлению, 5) устроил Академию Наук и Ремесл. Сверх того, как уставом духовным, так указами и наипаче весьма полезным указом 1724-го декабря 30 о устроении училищ архиереям и в монастырях определил; все те правительства достаточными уставами и людьми способными к правлению снабдил, что покойный граф Брюс в нагробной его величества медали довольно милость его к России словом «виждь, какову ты оставил» изъявил.

Что же по нем, в малолетство государя Петра II-го, от злостных и нена-
сытных лакомством правителей последовало, то, за великою досадою, яко всем
известное и виденное, упоминать не хочу; но довольно того, что Магистрат был
разорен, Берх- и Манифактур-коллегия засунуты были в угол Комерц-
коллегии, заводы овчарные и другие совсем разорены, училища не токмо вновь
не устроены, но и устроенные оставлены и многие полезные его вел[ичества]
уставы и учреждения отринуты или переменены. Сколко его величества о ис-
правлении законов божественного и гражданского прилежания явил, но все
оное доднесь без исполнения осталось.

Ее императорское величество государыня Елисавет Петровна по вступле-
нии на наследный ей прародительский престол первое свое отечеству милосер-
дие изъявила, что все законы, уставы и учреждения родителя ее повелела воз-
обновить и в сущее действо произвести, как то и в сем обстоятельстве Берг- и
Манифактур-коллегии, Главный Магистрат с подчиненными устроены, уставы
с дополнением напечатаны и в прежнее действо, благодаря бога, приведены.

Но понеже по естеству все дела человеческие сначала никогда в совер-
шенство приведены быть не могут, но требуют от времени до времени исправ-
ления, дополнки и пременения, якоже и приключения нечаянные причиною то-
му бывают, так и в сем, что /л. 416 об./ до купечества и рукоделей принадлежит,
мню, нечто исправить, дополнить или пременить по всевысочайшему ее импе-
раторского величества рассмотрению потребно, которое я кратко напомнить
разсудил.

1. Хотя в Главном магистрате определено обер-президенту быть из знат-
ных гражданских особ, но в других градских магистратах президенты и бурми-
стры определяются из купцов, что с пользою не согласует, ибо шляхетство и их,
якоже и государственные, крестьяне торгами, договорами и долгами много свя-
заны с купцами и, хотя в таких сносных судах повелено в 9 пункте присудство-
вать определенным членам от надворных судов, но как надворные суды отстав-
лены и суд положен на губернаторов и воевод, то довольно известно, что губер-
наторы и воеводы часто по страstem в то определяют людей таких, которые ни
малого в судах искусства не имеют или прихотми обоим судящимся тяжки яв-
ляются.

2. Как президенты и бургомистры общей торг и промыслы с протчими
посадскими имеют и часто, самовластвуя, по своей прихоти подвластных своих
на главном утесняют и обидают или некоторых и в конечное разорение уже при-
вели, а бить челом на них некому, понеже губернаторам и воеводам для выше-
объявленного обстоятельства оные не подчинены, в Главной магистрат особливо

из далних городов купцу, оставя свои промысл, ехать неудобно, и тако оные принуждены терпеть и разоряются.

3. В уставе Магистрата в гл. 10 о полицейской должности, а в 13 о выборе квартемистров для развода квартал с познанием причины, что от постоев безпорядочных граждане весьма разоряются; токмо донесъ о том достаточного устава не сочинено и в разводе квартал Магистрат, почитай, никакой власти не имеет, но единственно полиция и определенные от оной офицеры властвуют, которое так купечество, а наипаче ремесленников в конец разоряет и строению домов препятствует.

4. В 21 главе о школах Магистратом повелено старание иметь, токмо о том, за незнание ползы, никакого прилежания нет и донесъ нигде не заведены, да некоторые и удобства к тому не имеют, /л. 417/ понеже Магистраты никаких доходов на то не имеют и учителей не токмо других языков, но для арифметики и геометрии, якоже и книг потребных, достать не могут.

5. В гл. 17 о ярмарках для великой купцам и ремесленником ползы определено, но в том есть от недостатка ясного закона великой беспорядок: 1) что чисел, котораго на которую ярмарку купцам приезжать, котораго торг начинать и разъезжаться, всенародно не объявлено, а без того губернаторы и воеводы или посланные комисары и бургомистры по своим прихотям как хотят, так начинают, и за окончанием торгу купцов невмерно долго волочат, как то явно с Ирбитскою, Макарьевскою и Ранибурскою ярмарками чинится, и многие купцы, видя себе великое на ярмарках утеснение, ездить перестали. По искуству же я разумею, что губернаторы и воеводы на ярмарки ни для чего ездят, как для их обогасчения, и как случилось слышать некогда, что Макарьевская ярмарка вице-губернатору не менее 2000 р. ежегодно принесет, а казна государственная едва не вдвое-ли потеряет, не счисляя купцам великих убытков; 2) немалой недостаток купечеству, что во время ярмарк великих в те места почты нет, а надлежало бы всякую седмицу от всех знатных мест два раза отпускать, чтоб купцы всюду знали, каких товаров тамо требуют или каких на ярмарке со избытком и недорого продают, которое бы немало купечеству ползовало и казне не менее дохода приносило, Токмо настоящее почты состояние весьма неисправно; 3) по состоянию нашего государства весьма нужно в некоторых пристойных местах ярмарки порядочные учредить.

6. Внешней за границы торг наибольшее богатство и ползу приносит. Междо сими, хотя главной от пристаней /л. 417 об./ морских в Европу почитаем, да не менее того прежде 1) китайской, 2) персидской, 3) бухарской, 4) турецкой, 5) чрез Польшу в Слезию, Гданск и пр. прибыли приносили, ныне

все оные в великой беспорядок пришли так, что от оных многие главные купцы в конец разорились и доход казенной умалился, и, хотя Комисия о комерции в 1728 довольно о том трудилась и неколико полезных законов сочинили, но потом все в иное и худшее состояние пришло, а бухарской весьма прибыточной торг совсем угас. Однакож все то исправить и в полезное состояние привести, видится, не трудно, если токмо искусных прилежное рассмотрение и учреждение не оскудеет.

7. Мануфактуры хотя есть основание торгу, и об оных уставы в должности той коллегии неколико достаточны и, хотя сие к размножению торгу весьма нужное и полезное, токмо видим противное, что многие богатые купцы, не имея никакого в том смысла, ни прилежности, видом токмо особливо за шелковые, взялись, действительно же избегая постоев и служеб, или исча к своему и казенному вреду противу древних законов деревни купить, которыми ни мало управлять не разумеют, и тем сами разорились и деревни разоряют. Особливо то довольно видимо, что и купить не умеют, цену платят вдвое и купчей как потребно написать не умеют; сие есть весьма дивно, для чего такое вредное обстоятельство противу законов и пользы им допущено; ибо видим во Франции, Англии, Голандии и пр. великие фабрики, но деревень купцам купить нигде не позволено, разве мельницы и другие нужные места купить, отчины же не иначе как арендою иметь, доколе ему потребно могут. И ежели сей вред не пресечется, то опасно, чтоб все наше купечество торгу не лишилось, и так мы как купцов для торгу, как шляхетства службы иметь достаточно не будем.

8. О рукоделиях и ремеслах. Хотя в уставе магистратском (гл. 2 и 7) упомянуто то разделить, посадских в 2 гильдии и, третью в цехи по ремеслам и рукоделиям, токмо законов оным цехам доднесь не предписано, и что то цехи, совершенно не знают, /л. 418/ а ремесленники, не видя никакого о себе учреждения, вместо надлежасчей от них пользы вредными являются, ибо все их рукоделиа прилежат токмо как бы дешевле сделать и, тайно в работе своровав, купца обмануть и в убыток ввести; как то часто случается видеть, что под сапоги и башмаки меж подошев для показания жестокости, береста, в шевы меж ремнями лоскутья мелкие и лыка зашивают; серебреники и золотари прибавкою меди и мышьяка портят; каретники и столяры из сырого леса делают и миздринным клеем клеят, железо кладут самое безделное так, что купя иногда корету или стол, до двора не доведши, принужден починить, а смотрения и за такое воровство наказания нет. И единым словом сказать — нет ни одного ремесла или рукоделия, которое у нас делается и в рядах продается, чтоб какого коварства и обману не было что не токмо стыд но государственный убыток, что мы

вещи, каких со избытком дома иметь можем, принуждены с убытком и усчербом наших ремесленников из других государств купить.

9. Не менее сего наши купцы и их приказчики воровством и подлогом в товарах вред государству и разорение купечеству наносят. И хотя по уставу магистратскому для смотрения правостей в товарах велено в знатных купецких городех определить меклеру, однакож оных кроме приморских нигде не определено и законов им не предписано, чрез что многие плутовства и вредительные обманы видим; например, в Москве не можно сыскать целного вина, которое они, перепортя, продают и многим незнающим тяжкие болезни наносят, в связках пенки, юхти, сале, масле, воску и пр. явилось великие подлоги; но паче сего воровством купцов так прибыточные заграничные торги китайской и персидской испорчены, что мы весьма негодные товары от оных ныне получаем, например, наперед сего пятиланые камки были мерою 16 арш., весом 1/2 фунта, семиланые 2 1/2, голи и канфы по 4 и по 5-ти фунтов, китайки конец был 9 и 8 1/2 арш., но купцы русские, договорясь в Москве, с кем сколько голов китайского товара поставить, потом с китайцами договорились, /л. 418 об./ чтоб сколько можно дешевле делали, и так оное привели, что ныне пятиланной косяк всего 12 или 10 арш., весом 60 зол. и меньше, а голи уже и по 2 фунта не приходят, паче же что шелк безделной, отчего вскоре дерутся. Какое великое множество чаю привозят, но все гнилой и негодной, и едва можно чрез друга или из казны хорошего сыскать; для того принуждены со вредом для государства из Англии, Голландии и Швеции покупать. И по сему видно, что на границе у досмотра искусных меклеров нет, ибо если б были, то б такой негодной и здравью вредительной, якоже и вина порченые, надлежало бы в портах, облича на месте, воде или огню предать, чтоб впредь воровать и негодное возить не дерзали; токмо при том то надобно предостеречь, чтоб приставленные годного и целного негодным для своей корысти не называли и невинных не разоряли.

10. О векселях. Хотя в магистратском и вексельном уставах якоже о публичных нотариах для векселей иметь определено, и по оным меклеры токмо в портах имеют старание о переводе векселей и курс записывают, то о внутренних никакого учреждения нет. Для того весьма много стало являться подложных векселей: одни подписываются под руки другие, не умеющих писать, подкупая поверенных, вексели в великих денгах являют, и потому купцы невинно в розыски и разорения приходят, 3) хотя себя плутовски банкротом объявить и кредиторов заплаты лишить, пишут на имена своих приятелей вексели задними числами, 4) многие, не хотя крепостной конторе на продаемой двор или лавки крепость написать и пошлины определенные заплатить, подложно векселями

противо законов закладывают, и по прошествии срока магистрат за ними по векселям записывает.

11. О шляхетстве. Хотя в вексельном уставе написано, ежели шляхтич с купцом обяжется векселем, должен по оному судиться, и сие не иначе разуместь, как если шляхтич у купца товары возмет и вексель на себя даст, но в том надобно смотреть на число денег, мог ли он столько у купца товаров взять, например, и великому господину довольно до 1000 рубл.; другое, когда чрез перевод дает денги купец шляхтичу или шляхтич купцу внутри государства, от получения почты, /л. 419/ как ординарно в то место придет, не далее 40 дней, а далее, якоже и без перевода, векселей шляхетству от купцов брать не надлежало, но писать крепостные писма; однакож писанные прежде, каковы они есть, хотя за неимением закона отрешить не можно, но должник должен по оному крепостной канторе за лист бумаги и пошлины сполна заплатить. А понеже и то является, что молодые люди, в карты друг другу проиграв, вексели на имена купцов дают, то оные, равно как выше показано, действительны быть не могут.

12. Ныне в Руси надмерно много является банкротов из купечества, чего прежде не бывало; оному злу причина купец Меер, на которого смотря русские то плутовство, к обиде многих стали себя банкрутами объявлять, для которого сочинен был банкротской устав, хотя и не совсем достаточен, однакож многих от того злодеяния удерживал. Но как оной оставлен, то от безстрашия весьма умножилось, и некоторые, взяв денги великие, вскоре себя объявили, которое явное есть плутовство, ибо изстратить оные не имел времени и по уставу подлежал бы розыску; другие, хотя и подлинно много одолжали и, конечно, есче толко чем заплатить имеют, но пожитки вывезли к приятелем или дали подложные приятелем вексели, чтоб тем настоящих кредиторов обидеть, и договариваются на половине или меньше, а, расплатясь, более, нежели торг имеют.

13. Ничим так наше купечество разоряется, как откупами и подрядами: оное частию от безпутства тех купцов, частию от судей и приказных служителей происходит. От купцов: первое, подрываясь, тайно других, чтоб от торгу отстали, купят; второе, порук також дачами притягают; 3) прежде нежели подряд или откуп исправил, затевают из прибыли дома и церкви строить, судей и подъячих потчивая, пиры богатые строят, платье на себя и жен не по пристойности богатое делают, /л. 419 об./ чтоб, видя их наружно богатых, более верили им, на что иногда с великим ростом по 20 и 30 на сто денги занимают и тем себя и порук разоряют, чего магистраты не надзирают. Сие бо есть довольно известно, которой купец будет со шляхетством или приказными водится, с ними пировать и веселится, то уже, конечно, вскоре банкротом будет, если магистрат

его силою от того не удержит, для того, что купец один не будет банкротом, но многих с собою разорит. От судей же разорение подрядчикам и откупщикам, а утрата казенных многих денег и припасов происходит тем, что по окончании торгу, от лености или лакомства, решение и выдачу денег долго удерживают и, упустя удобное ко исправлению время, после с разорением оных незаконно исполнить принуждают в приеме припасов, счетах, сочинении выписок и приговоров, а паче выдачею досталных денег надмерно долго волочат и, если оной, надеясь на исправность первого, вступил в другой подряд или откуп, то тою волокитою приведут его не в состояние другой по договору исполнить. И хотя подрядчиком и откупщиком указом за неисправу положен штраф и правят с них по 10 на сто в год, токмо судиам того не предписано: не судят и не наказуют, и от такого безстрашия судей и приказных служителей много купцов разоряется и казенные денги пропадают, а паче, что иногда на войско в правианте и весьма нужных припасов к великому государственному вреду недостатки приключаются.

14. По всем выше объявленным обстоятельствам показуется, что для исправного и порядочного торгу нужно иметь кредит или поверенность, но оной происходит от доволства у купцов денег. Токмо собственно своих денег никаких купец всегда доволства иметь не может, для того, что ему денги туне держать есть /л. 420/ бесполезно; и для того купят всегда товары, но как товара скоро продать не может, а между тем увидит товар потребный ему и не весьма дорог, то принужден оной или денги у другого в долг взять, а понеже у портекулярных денги скоро достать не может, а иногда в том государственная или придворная зависит нужда, чтоб одного не пропустить. Наипаче же для ремесленников или мануфактур великая в том нужда случается, что сделанные товары продать ему, а работы без припасов остановить и работающих без великого убытка разпустить не возможно. Противно тому, военные, гражданские и придворные служители, шляхетство и духовные, часто от их заслуг или доходов не малые имея во избытке денги, которыми они торговать, а иногда и деревень способных купить не могут, а купцам давать для многих обстоятельств опасаются. Того ради во всех почитай силных в купечестве областях устроены банки, где всяк свои денги за определенную лихву положить без опасности, а купцы и ремесленники из онаго прибавкою лихвы за поруки или заклад получить могут, из чего великая государствам полза происходит, ибо из того не токмо положившей и взявшей денги, но все те, от кого купец товары купит и кому продает, якоже и казна государственная, исправною заплаатою податей и пошлиною, от оных прибыток имеют. У нас же хотя банки устроить для некоторых обстоятел-

ств не весьма способно однакож бы не неудобно. Но как оных не учреждено, то объявленные чины дают денги свои купцам на вексели с поруками; токмо плутовством многих купцов таковые данные денги некоторые, дав, совсем потеряли или с великою волокитою и с убытком получили, а паче магистраты, незаконно против устава вексельного засчитая купцов, не токмо в положенной осмидневной срок, но ни в год решения и челобитчику удовольствия не чинят для того, что им за продолжение такого суда наказания не предписано; а на Главной магистрат и суда, кроме правительствующего Сената, нет, куда всякому ехать и в большие волокиты и убытки вдаваться есть великая неудобность. Для того ныне купцам уже никто верить и денег давать не хочет; но у многих денги и немалые лежат туне, или употребляют не в так полезные государству дела.

15. Учреждение порядочной почты не токмо на ярмарки, как выше § 5 упомянуто, но паче /л. 420 об./ во все места внутри государства и за границы нужна и великую государственную ползу приносит, о котором пространно здесь толковать место не терпит; ио в пример многие европейские государства можно показать, что как народ, так казна государственная от оной великие доходы и ползы имеют. У нас же она не во многие места учреждена и та во учреждении и поступках не довольно исправна; а паче, что нередко письма пропадают, отъемлет охоту на оной посылать, а посылают нужные более с прилучившимися ездоками или под печатми коллегей и концелярий к приятелем, чрез что доходу почтовому великой ущерб, а в пересылке затруднение.

Сие все принадлежит токмо до купцов, торгу, ремесленников и рукоделей; но не менее сего нужно о доходах от того казенных, яко внутренней и портовой пошлинах рассмотреть, в котором весьма много от недостатка [в] потребных законах хисчение происходит, но пространства ради писать оставлено. Однакож нечто кратко для памяти к разсуждению наминаю.

16. Внутренние таможи состоят под ведением Камор-коллегии, о которых хотя древние и новые уставы и законы, как выше в историческом известии показано, имеем, токмо ничего к великому купеческому и казенному прибытку, а пресечение того вреда не достает, яко то видим, что оклады на города положены по примерам давних лет и, несмотря на премены состояней оных и случаи, не пременяют и тем инде, невозможное правя, посадских разоряют, инде немалой доход упущен, и за малое на ратуши или откупщиком отдано. Ибо в одном городе может в краткое время сбор пошлинной и кабацкой умножиться, а в другом умалиться, например, Псков, как многолюдной и богатой купечеством град был, с начала прешедшей шведской войны едва не все или многая часть в оном и около войск стояло, тогда великой торг в нем отправлялся и доход в

казну по оному был, но как оной в моровое поветрие, а потом от пожара великой вред претерпел, войска в иные места отведены, то как людей, так торгу едва четвертая часть осталась, следственно доход казенной умалился. Другой пример, когда хан Аюка, со многолюдными калмыки и татары его власти ежегодно переходя подле Волги до Синбирска или, по малой мере, до Самары, тогда в Самаре, Саратове и Сызране был как кабацкой, так таможенной сбор великой, а в Царицыне и Черном Яру весьма малые сборы были; ныне калмык четвертой доли нет, а татары с 40000 перешли в Крым и оставшие более около /л. 421/ Царицына кочуют или кождогодно приходят, к тому полки на линии всегда близ Царицына стоят, от которых доходы впятеро или более умножилось, но Камор-коллегия, не рассмотря, Саратову и Самаре великие доимки наложив править велела, а царицынской сбор с усчербом против прежнего на ратушу отдала, которы[м] напрасно купечество и воевода корыстовались. Таких примеров много находим. Для таких премен первое Константин великий уставил чрез 15 лет все доходы свидетельствовать и по состоянию каждого пременять; оное время названо индикт, о чем я пространне в предложении о ревизии настоящей изъяснил.

17. Какое великое хисчение внутренней пошлыны чрез отдачу на откупы малых таможен, лежащих близ городов. Например, купец, купя товары в Москве, с которых ему пошлыны надлежало заплатить сто рублей, то он возмет выпись отвозную в малой таможне за пять рубл. и тем надлежащую пошлыну похитит.

18. Сколко ратуши и магистраты посадских излишними по прихотям расходами разоряют на губернаторов, воевод и других, у дел бывающих, взятками великими клевещут, а сами малые люди тем богатыся, что немалой вред государству приключает. И хотя доброхотной принос по правам божественным и гражданским всех государств есть невинно, но у нас не всегда по правости емлют и, судя, винят, для того добрые и честные люди к делам не хотят, а плуты, которые умеют делиться, те накупаются и грабят, как хотят, надеясь на заступников.

О сих, якоже о портовых таможнях, которые состоят под ведением Комерц-коллегии, и в уставе оной о пограничных, якоже о астраханском и донском портах, ничего не упомянуто, и за пространство оных обстоятельства, якоже и другие, весьма нужно требующия рассмотрения, оставляю, надеясь, если о том благоразсудные для рассмотрения определенные прилежно потрудятся, то сами могут усмотреть, в чем какой есть недостаток, и свою благоразсудную и вер-

ную услугу ее императорскому величеству и государству вечную пользу изъяснят.

NB. Ныне в Москве к великому государственному вреду и разорению многих подданных учинившейся великой пожар, надеюсь, что не без прискорбности ее величеству дошел, но, помысля и рассматривая внятнo, всяк может познать, что оное ни от чего болще, как от худаго порядка и поступков полиции; а несколько в том и Камор-коллегия не безвинна. И хотя пожары конечно пресечь неудобно, но такие великие и так частые, если доброе учреждение и прилежное смотрение будет, быть не могут.

СПБИРИ РАН, архив Воронцовых, д. 380, л. 414–421.

**Динамика сбора торговых пошлин
в Российской империи в 1863–1891 гг.***

Год	Общая сумма	Прирост
1863	6 222 985	—
1864	8 248 375	+ 2 023 390
1865	9 774 589	+ 1 527 214
1866	9 042 195	– 732 394
1867	9 639 683	+ 597 488
1868	10 803 227	+ 1 163 544
1869	11 533 163	+ 729 936
1870	11 943 704	+ 410 541
1871	12 180 980	+ 237 276
1872	12 444 343	+ 263 363
1873	12 788 000	+ 343 657
1874	12 886 418	+ 98 418
1875	12 472 589	– 413 829
1876	14 410 310	+ 1 937 721
1877	14 166 525	– 243 785
1878	14 541 867	+ 375 342
1879	15 505 372	+ 963 932
1880	14 550 372	– 955 427
1881	21 503 577	+ 6 953 205
1882	20 283 151	– 1 220 426
1883	20 522 886	+ 239 735
1884	20 802 810	+ 279 924
1885	21 770 173	+ 967 363
1886	22 737 430	+ 967 257
1887	23 618 005	+ 880 575
1888	24 818 657	+ 1 200 652
1889	25 010 249	+ 191 592
1890	25 706 347	+ 696 098
1891	25 476 438	– 229 909

* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. — СПб.: Тип. В. Кирибаума, 1893. — С. 363–364.